

НОВАЯ УДАЧА АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА «ВСЕ, ЧТО МОЖЕТ ТЕБЯ»

ПРОДАНО БОЛЕЕ
5 000 000 КНИГ
ВО ВСЕМ МИРЕ

СЕСИЛИЯ АХЕРН

Волшебный
дневник

Annotation

Шестнадцатилетняя Тамара Гудвин, единственная дочь обеспеченных родителей, не знает ни в чем отказа и ни на минуту не задумывается о будущем.

Но трагическое событие, самоубийство отца, утратившего все семейное состояние, включая роскошный дом в Дублине, и потому решившегося на столь крайнюю меру, вынуждает девушку вместе с заболевшей от горя матерью покинуть город и переехать в деревню к родственникам.

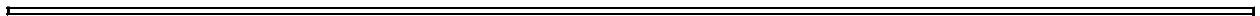
Лишившись друзей и любимых занятий, Тамара скучает в глуши, не зная, чем себя занять.

Но появление в деревне передвижной библиотеки и знакомство с ее хозяином, подарившим девушке обладающую волшебными свойствами книгу, помогает ей не только повзрослеть, но и обрести иные жизненные ценности.

-
- [Сесилия Ахерн](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)

- [Глава двадцатая](#)
- [Глава двадцать первая](#)
- [Глава двадцать вторая](#)
- [Глава двадцать третья](#)
- [Глава двадцать четвертая](#)
- [Глава двадцать пятая](#)
- [Глава двадцать шестая](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)

- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)

Сесилия Ахерн

Волшебный дневник

Посвящается Марианне, которая двигается очень тихо и от которой много шума

Моим читателям с благодарностью за веру в меня

Глава первая

Бутоны

Говорят, с каждым пересказом моя история становится все менее и менее занимательной. Если это так, то ничего страшного, ведь здесь я рассказала ее в первый раз.

Моим читателям придется поверить мне на слово. Правда, если бы все то, что случилось со мной, случилось не со мной, я бы не поверила.

Надеюсь, не всем придет в голову усомниться в моей правдивости, по крайней мере, это не придет в голову тем, чей разум открыт для всего необычного, отперт ключом, отворившим его для веры. Такие люди или свободны от рождения, или еще в детстве, когда их ум был как бутон, его холили и лелеяли, чтобы лепестки потихоньку раскрылись и он отдал себя на волю природы. Идет дождь, светит солнце, а он растет, растет, растет. Такой ум всегда готов к чему-то необычному, он видит свет в темноте, находит выход из тупика, празднует победу, тогда как другие оплакивают поражение, задается вопросами, тогда как другие принимают все в жизни как должное. Он немного менее пресыщен и немного менее циничен. Он не желает сдаваться. Иногда люди становятся такими под влиянием трагедии или триумфа. Любое событие может стать ключом от запертого ящика в голове все-обо-всем-знающего человека, чтобы он с любопытством воспринял неведомое и распрощался с практицизмом и прямолинейностью.

Однако есть и такие, у которых в голове постепенно собирается целый букет из бутонов — по одному за каждое открытие, — которые никогда не раскрывают лепестки и навсегда остаются бутонами. Такие люди воспринимают только заглавные буквы и точки, и для них не существует знаков вопроса и эллипсов...

Точь-в-точь мои родители. Уж чего-чего, а упертости им не занимать. Мол, если этого нет в книгах или никто об этом официально не сообщал, не глупи и не пори чепуху. У них в голове полный порядок и множество прелестных, разноцветных ароматных бутонов идеальной формы, которые так и не распустились, не ощутили себя достаточно легкими и нежными, чтобы пуститься в пляс на свежем ветерке. Стебли, как положено, прямые и крепкие, и бутоны остаются бутонами, несмотря ни на что, до самого конца.

Впрочем, мама еще не умерла.

Пока еще не умерла. Но не в медицинском смысле, потому что, если она не умерла, это еще не значит, что она жива. Мама похожа на ходячий труп, хотя время от времени что-то напевает, словно проверяя, жива она еще или ее уже нет. Если не особенно присматриваться, то можно считать, что с ней все в порядке. Но стоит оказаться рядом, сразу заметишь неровную линию ярко-розовой губной помады, потухшие глаза, в которых не светится душа, словно она студийный дом из телешоу — один фасад, и за ним ничего. В халате с широкими, развевающимися рукавами она бродит по дому, переходя из комнаты в комнату, словно южная красotka в роскошном особняке из «Унесенных ветром», откладывая на завтра мысли о неприятностях. Несмотря на по-лебединому грациозные переходы из комнаты в комнату, она в ярости, она изо всех сил колотится, чтобы высоко держать голову, она одаривает нас испуганными улыбками, чтобы мы знали: она все еще тут, хотя это не очень-то убеждает.

Ох, я не виню ее. Какое счастье было бы исчезнуть, как исчезла она, заставив других убирать обломки и спасать остатки нашей жизни.

Но я все еще ни о чем не рассказала, и вы, наверное, в замешательстве.

Меня зовут Тамара Гудвин. «Настоящая победа». Терпеть не могу такие ужасные слова. Победа или есть, или ее нет. Как «тяжелая потеря», «горячее солнце» или «совсем мертвый». Два слова соединяются волей случая, хотя все, что нужно сказать, уже сказано одним. Иногда, представляясь, я проглатываю второй слог, и получается: Тамара Гуд — что само по себе звучит смешно, ведь я никогда не была «хорошей». А иногда я проглатываю первый слог, и получается Тамара Вин. Вот это настоящая насмешка, потому что победа, удача — не моя стихия.

Мне шестнадцать лет, по крайней мере, так говорят. И это странно, потому что мне кажется, будто я в два раза старше. В четырнадцать лет мне по моим ощущениям было четырнадцать лет. Я вела себя как одиннадцатилетний ребенок и мечтала о том времени, когда мне исполнится восемнадцать. Но за последние несколько месяцев я повзрослела на несколько лет. Скажете, такое невозможно? Соглашаясь с вами, бутончики отрицательно покачали бы головой, зато свободный разум ответил бы: а почему, собственно, и нет? Говорят, всякое бывает. Но кое-чего не бывает.

Нельзя вернуть папу к жизни. Я попыталась, когда нашла его на полу в кабинете — совсем мертвым, — с посиневшим лицом, а рядом валялся пустой пузырек из-под лекарства, и бутылка виски стояла на столе. Сама не знаю зачем, но я прижала губы к его губам и стала делать ему искусственное дыхание. Безрезультатно.

И потом, когда на кладбище мама, с воем царапая деревянную крышку, бросилась на его гроб, опускавшийся в землю — кстати, чтобы особенно не травмировать нас, покрытую искусственной зеленой травой, словно это и не была настоящая земля с червяками, — гроб все-таки опустили в яму на веки вечные. Если сказать честно, я с восторгом приняла мамину попытку, но она не вернула нам папу.

И бесчисленные истории об отце из серии «кто лучше знал Джорджа», которые родственники и друзья наперебой рассказывали на поминках, словно держа палец на сигнале и стремясь вставить свое слово. «Думаете это смешно? Нет, вы послушайте меня...» «Один раз Джордж и я...» «Никогда не забуду слов Джорджа...» В итоге гости настолько перевозбудились, что заговорили все разом, перебивая друг друга, выплескивая страсть и вино на мамин новый персидский ковер. Считаете, они хотели как лучше? Что ж, папа и в самом деле как будто был в комнате, но и эти истории не вернули его нам.

Даже когда мама узнала, что финансовое положение папы было не из лучших, это тоже не помогло. Папа оказался банкротом, и банк уже постановил отобрать у нас дом со всем принадлежавшим ему имуществом, так что маме пришлось продать все остальное — все до последнего, — чтобы заплатить долги. Но и тогда папа не вернулся и не помог нам. Я же окончательно поняла, что его больше нет и не будет. Даже подумала: если он хотел, чтобы мы прошли через всё одни — искусственное дыхание, мамину истерику у всех на глазах на кладбище, наше безденежье, — то и хорошо, что он ушел.

Без всего этого вспоминать о нем было бы приятнее. Обстоятельства нашей жизни оказались настолько ужасными и унижительными, насколько, не сомневаюсь, он и предвидел.

Если бы бутоны в голове моих родителей раскрыли лепестки, тогда, может быть, всего лишь может быть, им удалось бы избежать всего этого ужаса. Однако бутоны остались бутонами. В конце туннеля не было света, но даже если бы он был, его закрыл бы надвигающийся поезд. Других возможностей, другого способа вести дела не нашлось. Мои родители были практичными людьми, но и для них не существовало подходящего случая решения. Вера, надежда и своего рода убеждения могли бы спасти моего отца. Но у него не было ни первого, ни второго, ни третьего, так что он практически утащил нас за собой, сделав то, что он сделал.

Удивительно, как смерть проливает свет на характер человека. В течение нескольких недель мне пришлось выслушать множество трогательных и даже красивых историй о папе. Они утешали меня, и мне

нравилось их слушать, но, признаюсь честно, очень сомнительно, что в них была правда и одна только правда. Папа не был приятным человеком. Конечно же я любила его, и все-таки хорошим, насколько я понимаю, он не был. Мы редко разговаривали друг с другом, да и когда разговаривали, то, как правило, о чем-нибудь спорили; или он молча давал мне деньги, чтобы я не приставала. Очень часто он был раздражительным, нетерпимым, мгновенно вспыхивал, вечно настаивал на своем и проявлял откровенную бесцеремонность. В его присутствии люди терялись, он подавлял их и наслаждался этим. В ресторане отец по три-четыре раза возвращал на кухню стейк, всего лишь из желания помучить официанта. Заказывая дорогое вино, он, чтобы досадить ресторатору, заявлял, будто оно пахнет пробкой. Если нас не приглашали на вечеринку, он жаловался полицейским на шум, хотя на самом деле шум ему не мешал, и добивался, чтобы вечеринку остановили.

На похоронах и потом, на поминках у нас дома, я ничего такого не сказала. Выпила одна бутылку красного вина, после чего меня вырвало на пол возле отцовского стола, на то самое место, где он умер. Мама нашла меня и залепила мне пощечину. Она сказала, что я все испортила. Не знаю, имела она в виду ковер или память об отце, но в любом случае он сам все испортил и я ни при чем.

Нет, я вовсе не собираюсь валить все зло на отца. Сама я тоже была не лучше. Наверное, хуже дочери даже придумать трудно. Родители давали мне все, а я постоянно забывала говорить спасибо. Если же говорила, то будто мимоходом, думая о чем-то другом. Мне кажется, я не понимала, что значит это слово. А ведь спасибо — это знак благодарности. Мама с папой постоянно твердили об умирающих от голода африканских младенцах, словно это могло внушить мне благодарность к ним. Оглядываясь назад, я понимаю, что родителям лучше всего было бы оставить меня без подарков, и тогда, наверное, они заставили бы меня задуматься.

Мы жили в Киллини, в графстве Дублин в Ирландии, на семи тысячах квадратных футов, в современном доме с шестью спальнями, бассейном, теннисным кортом и собственным местом на пляже. Моя комната находилась в противоположной стороне дома, далеко от родительской, и с балкона открывался вид на море, но на балкон я почему-то не любила выходить. У нас имелись душ и джакузи и плазменный телевизор — точнее, стеновизор — в стене над ванной. Шкаф в моей комнате был набит дизайнерскими пакетами, а еще у меня имелись компьютер, игровая приставка и кровать с пологом на четырех столбиках. Мне повезло.

И вот вам настоящая правда: я была кошмарной дочерью. Во-первых, я

была грубиянкой, которая не лезла за словом в карман, но, что гораздо хуже, я считала, будто заслужила все эти блага просто потому, что они были и у моих приятелей. Ни на секунду мне не приходила в голову мысль, что они тоже ничего не заслужили.

Потом я придумала, как исчезать из дома по ночам. Выйдя на балкон, я спускалась по трубе на крышу бассейна, а оттуда не составляло труда спрыгнуть на землю, и вот я уже в компании друзей. На нашем частном пляже имелся уголок, где мы обычно выпивали. Девочки пили так называемую «Смесь Долли»^[1], то есть слитые в пластиковую бутылку остатки всего, что имелось в винных шкафах у родителей. Брали по-нескольку дюймов из каждой бутылки — и родители ни о чем не подозревали. Мальчики же пили все, что только повезло достать. И хватались за любую девчонку, которая им не отказывала. Как правило, это была я. А мальчика Фиакру я украла у моей лучшей подружки Зои, потому что его отец был знаменитым актером. Если честно, то только по этой причине я позволяла ему каждую ночь на полчаса залезать мне под юбку. Я мечтала о встрече с его папой. Но чего не случилось, того не случилось.

Родители считали, что мне необходимо увидеть мир, посмотреть, как живут другие люди. И все время напоминали, мол, мне очень повезло, что я живу в большом доме на берегу моря, и, чтобы я оценила другой мир, мы проводили лето на нашей вилле в Марбейе, Рождество — в нашем шале в Вербьере, а на Пасху ездили в Нью-Йорк за покупками и останавливались в отеле «Риц». Розовый «мини-купер» с откидывающимся верхом и моим именем ждал моего семнадцатилетия, а приятель отца, у которого была своя записывающая студия, хотел прослушать меня и, не исключено, записать. Хотя я терпеливо снесла его руку у себя на зад, у меня не возникло ни малейшего желания остаться с ним наедине даже на мгновение. И ради будущей славы тоже.

Мама и папа постоянно посещали благотворительные мероприятия. Как правило, мама больше денег тратила на платье, чем на приглашенный билет, и, кроме того, дважды в год делала незапланированные покупки, чтобы потом отослать ненадежные платья своей невестке Розалин, которая жила в деревне, — на случай если Розалин захочется подоить корову в сарафанчике от Эмилио Пуччи^[2].

Теперь я знаю — когда нас выбросили из мира, в котором мы жили прежде, — что ни один из нас не был хорошим человеком. Наверное, где-то в глубине души, несмотря на всю свою безответственность, мама тоже это знает. Мы не были плохими, но и хорошими не были. Ничего никому не

давая, мы очень много брали себе.

Не по заслугам много.

Прежде я никогда не задумывалась о том, что будет завтра. Жила одним днем. Жаль, теперь это невозможно, очень жаль. В последний раз, когда я видела папу живым, то раскричалась на него, заявила, что ненавижу его, и ушла, хлопнув дверью прямо у него перед носом. Мне не пришло в голову вернуться. Моего маленького мирка мне хватало, и я не желала думать о том, как мои слова и дела сказываются на других людях. Папе я крикнула, что не желаю его больше видеть, и больше я не видела его живым. Зачем мне было думать о завтрашнем дне или о том, что это были мои последние слова, сказанные отцу, да и вообще последний разговор с ним? Тогда меня занимало другое. За многое мне еще предстоит себя простить. И на это потребуется время.

А сейчас из-за папиной смерти и всего того, чем я хочу поделиться с вами, мне ничего не остается, как думать о завтрашнем дне и обо всех тех людях, которые будут завтра. Сейчас, просыпаясь утром, я радуюсь новому дню.

Папу я потеряла. У него больше не будет завтра, и у нас с ним тоже больше не будет завтра. Вам, верно, понятно, что теперь я ценю каждый новый день. И я хочу, чтобы каждый из них стал лучше предыдущего.

Глава вторая

Две мухи

Прежде чем муравьи определяют для себя безопасный путь в поисках еды, один из них идет первым, оставляя за собой на тропе пахучий след. Стоит наступить на муравьиную цепочку или затоптать пахучую тропинку, что психологически менее ужасно, муравьи как будто теряют разум. В панике они мечутся туда-сюда, не в силах отыскать нужную дорогу. Мне нравится наблюдать, как они поначалу совершенно дезориентированы, пускаются в беспорядочное бегство, натыкаются друг на дружку, стараясь вновь учуять след, но проходит время, они перегруппировываются, реорганизовываются и опять встают на свою тропу, словно ничего не случилось.

Глядя на их суматошные передвижения, я думаю о том, как мы с мамой похожи на них. Нас остановили, отняли у нас лидера, затоптали нашу тропинку, и в нашей жизни воцарился хаос. Я полагаю — я надеюсь, — что со временем мы вновь выйдем на правильный путь. Кто-то один должен вести остальных. Глядя на маму, я понимаю, что она не годится на эту роль и что мне придется вести ее за собой.

Вчера я видела муху. Она тщетно пыталась выбраться из гостиной, билась в окно, вновь и вновь ударялась о стекло головой. Потом перестала изображать ракету, но, не переставая жужжать, словно в последней смертельной атаке, врезалась в раму под открытой форточкой. Я была разочарована, потому что поднимись она чуть повыше — и получила бы свободу. Так нет, она опять и опять билась в стекло. Могу представить ее отчаяние, когда она видела деревья, цветы, небо и не могла выбраться к ним. Несколько раз я пыталась ей помочь, выставить ее в форточку, но она улетала от меня и вновь начинала кружить по комнате. В конечном счете она опять вернется к тому же окну, и, наверное, я даже смогу услышать: «Опять это окно, в которое я попала...»

Интересно, что, сидя в кресле и наблюдая за мухой, я казалась себе Богом, если, конечно, Бог есть. Верно, сидит себе на небе и словно смотрит кино, совсем как я сама смотрела на муху, ползущую вверх, чтобы вырваться на свободу. Она ведь не попала в ловушку, просто глядела не туда. Интересно, а Богу известен выход для меня и для мамы? Если я вижу открытую форточку для мухи, то и Бог знает, каким будет для нас

завтрашний день. Эта мысль успокаивала меня. Так это было, пока я не ушла куда-то, а когда вернулась через несколько часов, то нашла на подоконнике мертвую муху. Может быть, это была другая муха, но все же... Потом, рассказывая о своих размышлениях, я расплакалась... А потом разозлилась на Бога, потому что в моих мыслях смерть мухи означала, что нам с мамой никогда не выбраться из хаоса, в который мы попали. Какой смысл в том, чтобы находиться в далеком-далеке, откуда все видишь и ничем не помогаешь?

И тут я поняла, что сама исполнила роль Бога. Правда, я пыталась помочь мухе, которая мне не далась. Тогда мне стало жалко Бога, ведь я поняла его разочарование. Бывает, человек протягивает кому-то руку помощи, но его отталкивают. Все-таки в первую очередь люди думают о самих себе.

Прежде я ни о чем таком не задумывалась: ни о Боге, ни о мухах, ни о муравьях. Лучше умереть, чем в субботу оказаться застигнутой с книжкой, да еще следящей за грязной мухой, которая бьется в окно. Наверное, об этом же в последние минуты своей жизни думал папа: лучше умереть, чем испытать унижение, когда у меня все отберут.

Свои субботы я обычно проводила с подружками в «Топ-шопе», перемеривая все подряд и нервно посмеиваясь, пока Зои засовывала в карманы штанов столько всяких аксессуаров, сколько туда влезало. Если же не хотелось идти в «Топ-шоп», то мы весь день сидели в «Старбаксе», отхлебывая кофе с имбирными шариками из большого стакана и откусывая сдобную медовую булочку с бананами. Уверена, они и сейчас занимаются тем же.

Прошла неделя после моего приезда сюда, и я перестала получать информацию о своих друзьях, так как у меня отключили телефон; разве что Лаура успела сообщить массу сплетен, и самую главную — будто Зои и Фиакра сошлись вновь и сделали это в доме Зои, когда ее родители уехали на уик-энд в Монте-Карло. У ее отца проблемы с азартными играми, о чем ни Зои, ни мы ничуть не сожалели, ведь это означало, что ее родители возвращались домой намного позже других родителей. Как бы то ни было, Зои сказала, что секс с Фиакрой был хуже, чем с лесбиянкой из хоккейной команды Саттона, которая была ее клюшкой между ног, а это было очень больно; уж поверьте — верю, — она больше на такое не пойдет. И еще Лаура предупредила, чтобы я не трепалась, но она тоже в последний уик-энд встретилась с Фиакрой, и они занимались этим. Мол, она надеется, что я не против, и очень просит не говорить Зои. Как будто я могла, оказавшись тут, с кем-нибудь посплетничать, даже если бы очень хотела.

Оказавшись тут... Впрочем, об этом я еще не рассказала. Мне уже пришлось упомянуть мамину невестку Розалин. Это та, которой мама обычно сплавляла свои невесты зачем купленные и ненадежные шмотки, распихав их по черным мешкам. Розалин — жена дяди Артура, маминого брата. Живут они в деревенском доме в графстве Мет, где ничего и никого нет. Мы навещали их всего пару раз за мою жизнь, и, помнится, оба раза я умирала от скуки. Дорога к ним занимала час с четвертью, и визит был сплошным разочарованием. Я думала, что в такой глуши живут лишь дураки, и называла своих родственников «душеспасительным дуэтом». Насколько я помню, это была первая и последняя из моих шуток, которая рассмешила папу. Его не было с нами, когда мы с мамой ездили к Розалин и Артуру. Не думаю, чтобы они поссорились, просто они были несовместимы, как пингвины и полярные медведи, и не могли находиться вместе. И теперь мы живем в их доме. Мы живем в деревенском доме «душеспасительного дуэта».

Честно признаюсь, дом очень милый и, кстати, размером примерно с четверть нашего прежнего дома, что совсем неплохо. И еще он напоминает мне дом из фильма «Гензель и Гретель»^[3]. Его построили из известняка, а декоративные деревянные планки вокруг окон и на кровле выкрасили в желтовато-зеленый цвет. Наверху три спальни, внизу — кухня и гостиная. У мамы свой туалет, а другой, на втором этаже, делим Розалин, Артур и я. Естественно, привыкнув к собственному туалету, я сочла это вульгарным, особенно если мне приходилось пользоваться им после дяди Артура с его чтением газеты именно в этом месте. Розалин — фанатичка, помешанная на чистоте; вечно крутится по дому. Переставляет, чистит, распыляет очиститель и все время говорит о Боге и Божьей воле. Один раз я сказала ей, что Бог поступил бы лучше, не забрав папу к себе. Тогда она в ужасе уставилась на меня, а потом убежала, чтобы стереть где-то пыль.

У Розалин мозгов кот наплакал. Все, что она говорит, не обязательно или попросту не имеет смысла. Погода. Печальные сообщения о несчастьях на другой стороне земли. А еще есть подружка, сломавшая руку на дороге, другая подружка, у которой есть отец, и ему осталось жить не больше двух месяцев, и чья-то дочка, выскочившая замуж за парня, который бросил ее с двумя детьми. В общем, конец света с присказкой о Боге, мол, «Бог их любит», или «Бог милостив», или «да поможет им Бог». Не то чтобы я пыталась важничать, но мне всегда хочется добраться до сути, понять причину возникшей проблемы, а Розалин совершенно неспособна к этому. Ей лишь бы высказаться о чем-то нехорошем, но разбираться, что и зачем, ни к чему. Она затыкает мне рот, поминая Бога, и у меня появляется

ощущение, словно я еще не доросла до взрослых разговоров и пока не в силах правильно оценить мир вокруг. Но думаю, есть еще одна причина. Розалин делает вид, что не хочет обходить проблемы стороной, поэтому, как только они улаживаются, она больше о них не вспоминает.

Мне кажется, я и теперь слышу те пять слов, которые дядя Артур произнес за все время, что я его знаю. Похоже, мама всю жизнь говорила за них обоих — но уж точно, он никогда не разделял ее мнение. Зато теперь Артур говорит чаще, чем мама. У него свой язык, и постепенно я начинаю его понимать. Он хрюкает, сморкается, фыркает, кивает головой и часто вдыхает воздух, когда его что-то не устраивает. Простое «А» с откидыванием назад головы говорит о его спокойном душевном состоянии. Я расскажу, как проходят у нас завтраки.

Артур и я сидим за кухонным столом, а Розалин, как обычно, ворчит, мол, поднос для посуды занят тостами и баночками с домашним джемом, медом и мармеладом. Как обычно, во всю мочь орет радио, и я, хотя радио в моей спальне, слышу каждое слово ведущего, который монотонно просвещает нас насчет мировых катастроф. Держа в руках чайник, к столу подходит Розалин.

— Артур, будешь пить чай? Дядя откидывает назад голову, словно конь, который стряхивает с гривы мух. Он хочет чаю.

По радио рассказывают о том, что в Ирландии закрылся еще один завод и сто человек потеряли работу.

Артур делает глубокий вдох, и сопли проникают ему в горло. Это ему не нравится. К столу вновь подходит Розалин, держа в руках очередную тарелку с высокой горкой тостов.

— Ах, разве это не ужасно, ведь Бог любит их жен и детей? И малыши теперь тоже все потеряют.

— Их матери тоже, — говорю я, беря тост с тарелки.

Розалин смотрит, как я надкусываю тост, и ее зеленые глаза все более и более расширяются по мере того, как я жую. Она всегда смотрит, как я жую, а я злюсь. Словно она колдунья из «Гензеля и Гретель» и следит за тем, как я толстею, чтобы связать мне за спиной руки и, засунув яблоко в глотку, бросить в горячую плиту. От яблока я бы не отказалась. Обычно она скормливает мне куда больше калорий.

Прожевав и проглотив кусок, я кладу остаток тоста на тарелку.

Понятия не имею, сколько Розалин лет, но полагаю, ей немного за сорок, хотя, сколько бы ей ни было, она все равно выглядит лет на десять старше. Она как будто застряла в 1940-х годах со своими платьями в цветочек, пуговицами от талии до подола и обязательной комбинацией под

платьем. Мама никогда не носит комбинации, она вообще редко надевает нижнее белье. У Розалин мышинового цвета волосы, свисающие до подбородка и разделенные строго посередине пробором, так что видна седина. Она постоянно закладывает их за уши, розовые мышинные ушки, и никогда не надевает сережки. Никогда не красится. И не снимает с шеи золотой крестик на тонкой золотой цепочке. О таких женщинах моя подружка Зои говорит, будто у них ни разу в жизни не было оргазма, а я, срезая жир с бекона и видя, как округляются глаза Розалин, думаю, испытала ли Зои оргазм, когда делала это с Фиакрой. Потом представляю, какую боль ей причинила хоккейная клюшка, и начинаю в этом сомневаться.

Напротив нашего дома, через дорогу, стоит бунгало. Не знаю, кто в нем живет, но Розалин каждый день носит туда еду в пакетах. В двух милях от нас находится почта, и ее работой управляет кто-то из своего собственного дома, а напротив — самая маленькая на свете школа, которая, в отличие от моей прежней школы, где жизнь кипела ключом круглый год, летом совершенно пустеет. Я спросила у Розалин, есть ли там классы йоги или еще что-нибудь, и Розалин пообещала показать мне, как готовить йогурт. При этом у нее было такое счастливое выражение на лице, что я не стала ее разочаровывать. Целую неделю я наблюдала, как она делает клубничный йогурт, и еще одну неделю никак не могла его доесть.

В начале восемнадцатого столетия дом, принадлежащий Розалин и Артуру, защищал боковой въезд в замок Килсани. Главные ворота представляют собой устрашающую готику, так что каждый раз, когда мы идем мимо, я вижу торчащие наверху головы. Замок был возведен как укрепленный форпост с башнями во времена нормандских завоеваний — здешние места на востоке Ирландии после вторжения Стронгбоу^[4] контролировались норманнами и англичанами, — то есть между 1100 и 1200 годами, о которых и подумать-то страшно, так они были давно. Наверное, между постройками тех людей и моего времени такая же разница, как между постройками моего времени и будущими постройками моих пра-пра-праправнуков, то есть полу-людей-полу-роботов. Как бы там ни было, замок был предназначен нормандскому военачальнику, и поэтому мне виделись отрубленные головы над воротами, ведь таков был обычай в те времена, разве нет?

Мы находимся в графстве Мет^[5]. Обычно эту часть графства называли Восточным Метом, и вместе с Западным Метом — удивляйтесь и поражайтесь! — она составляла владение Верховного короля. В давние

времена трон Верховного короля находился в Таре, или на холме Тара, который всего в нескольких километрах от нашего дома. Сейчас это название постоянно на слуху, потому что поблизости строят автостраду. Несколько месяцев назад мы устроили в школе дебаты по этому поводу. Я была за автостраду, потому что считала, что королю понравилось бы иметь такую дорогу в его времена, ведь по современному шоссе добираться до офиса, или до «трона», легче, чем по бездорожью. Даже представить трудно, сколько грязи налипало на его сандалии! И еще я сказала, что такая дорога привлекла бы туристов. Они могли бы легко добираться сюда и делать свои фотографии с открытого второго этажа автобуса, который легко одолевал бы сто двадцать километров в час. Я начала волноваться, когда наша временная учительница всерьез вышла из себя, решив, будто я в самом деле думаю так, как говорю, ведь она входила в комитет, протестовавший против новой автотрассы. Кстати, временных учителей не так-то легко вывести из себя. В особенности тех, которые верят, что несут добро детям. Говорю же вам, я была несносной.

После нормандского психа в замке жило много разных лордов и леди. При них время от времени появлялись новые конюшни и всякие надворные постройки. Как ни странно, один лорд переметнулся к католикам, женившись на католичке, и построил часовню, чтобы доставить удовольствие своему семейству. Мы с мамой таким же образом получили бассейн. Каждому свое. Территория замка обнесена так называемой «голодной» стеной, проект которой созрел, когда в стране случился картофельный неурожай^[6]. Она все еще стоит, оберегая сад и дом Артура и Розалин, а у меня каждый раз, когда ее вижу, по спине бегает мурашки. Если бы Розалин хоть раз побывала на обеде в нашем доме, она, верно, тоже затеяла бы строительство стены вокруг нас, потому что мы не ели углеводов. По крайней мере, у нас не было привычки есть углеводы, зато теперь я ем их столько, что могла бы снабжать топливом все закрывающиеся в округе заводы.

Потомки рода Килсани продолжали жить в замке до 1920-х годов, пока некие поджигатели не вспомнили, что они католики, и не попытались их выкурить. После пожара наследникам пришлось потесниться и занять лишь небольшую часть замка, потому что восстановить остальную часть и протопить ее им оказалось не по средствам, а в 90-х годах они и вовсе покинули родовое гнездо. Не знаю, кому теперь принадлежит замок, но он явно ветшает: в некоторых местах нет крыши, обваливаются стены, нет лестниц. Внутри растут горы мусора, да и вокруг его тоже хватает. Как-то мама предложила мне остаться на уик-энд у Артура и Розалин и произвести

раскопки. В тот день она и папа серьезно поругались, прежде я никогда не слышала ничего подобного, и папа еще сильнее разозлился, когда мама захотела отослать меня из дома. Атмосфера настолько накалилась, что я и сама была не прочь смыться. К тому же мамино предложение действительно привело отца в ярость, а так как я считала своим дочерним долгом превращать его жизнь в ад, то, не сказав ни слова, подчинилась. Правда, едва я оказалась на месте, как желание копаться в мусоре и восстанавливать историю замка мгновенно улетучилось. Вытерпела я общество Артура и Розалин до ланча, а потом отправилась в туалет и позвонила моей филиппинской няньке Май, которую нам после смерти папы пришлось отослать обратно, чтобы она забрала меня домой. Розалин я сказала, будто у меня заболел живот, и постаралась не засмеяться, когда она принялась беспокойно расспрашивать, не повредил ли мне яблочный пирог.

Кончилось все тем, что я списала эссе о замках из Интернета. А потом меня вызвала директриса школы и обвинила в плагиате, чего я до сих пор не понимаю, ведь Зои тоже воспользовалась Интернетом, сочиняя свое эссе о замке Малахайд, правда, она изменила несколько слов и дат, нарочно исказив их, как будто не списывала, и в итоге ее результат был лучше моего. Разве это справедливо?

Вокруг замка около ста акров земли, и дядя Артур является их хранителем и управляющим, то есть ему приходится присматривать за сотней акров чужой земли, поэтому он уходит из дома рано утром и возвращается ровно в половине шестого чумазый, как шахтер. Он никогда не жалуется, никогда не ворчит на погоду, просто поднимается с кровати, съедает завтрак, оглушая себя радио, и уходит на работу. С собой Розалин дает ему темную фляжку с чаем и несколько сэндвичей, и он редко заходит домой посреди дня, разве что забудет что-то в гараже или захочет в туалет. В том, что он так уж прост, я очень сомневаюсь. Вряд ли человек, который на редкость мало говорит, может быть настолько прост, насколько это кажется окружающим. Кое-чего набираешься, пока молчишь, потому что, когда молчишь, много думаешь, а уж дядя-то наверняка много чего передумал. Вот мама с папой только и делали, что говорили и говорили. Но такие люди много не думают; у них слова подавляют даже подсознательное желание спросить себя: Почему ты так говоришь? Что ты думаешь на самом деле?

Обычно по будням и в уик-энды я до последнего оставалась в постели, пока Май не поднимала меня толчками и криками. А здесь я встаю рано. Когда вокруг дома растут гигантские деревья, на них находят пристанище стаи птиц. И поют они до того голосисто, что я легко просыпаюсь. Около

семи я уже на ногах, что даже меня самое приводит в изумление. Маи гордилась бы мной. Вечера здесь длинные, да и в дневные часы тоже надо чем-то занимать себя. Черт знает сколько часов мне совершенно нечего делать.

Папа решил свести счеты с жизнью в мае, прямо перед экзаменами, положенными в предпоследнем классе, что было не совсем честно по отношению ко мне, так как я собиралась стать первой в классе. Экзамены я все-таки сдавала. Не исключено, что я провалила их, но мне на это наплевать и, думаю, всем остальным тоже. В сентябре узнаю. На похороны папы пришел весь класс, и казалось, ребята об этом не жалели, так как с удовольствием пропустили школьные занятия. Ну, вы понимаете, мне было стыдно плакать перед всеми. И все же я плакала, правда, сначала слезы потекли у Зои, потом у Лауры. А девочка из моего класса, которую зовут Фиона и с которой мы двумя словами за все время не перемолвились, вдруг крепко обняла меня и передала визитку от своих родителей, мол, они думают обо мне. Еще Фиона назвала мне номер своего мобильного и подарила свою любимую книгу, после чего сказала, что, если мне захочется поговорить, она всегда готова меня выслушать. Тогда ее попытка сблизиться со мной во время похорон показалась мне немного неудачной, но по некотором размышлении — а теперь я только этим и занимаюсь — я поняла, что в тот день никто не превзошел ее в добрых словах и поступках.

Переехав в Мет, я в ту же неделю взялась за книгу. Это была сказка о девочке, которую никто на всей земле не мог видеть, даже родители и друзья, хотя о ее существовании всем было известно. Она родилась невидимой. Не буду вдаваться в подробности, но со временем ей удалось подружиться с кем-то, кто ее видел. Идея мне понравилась, и я подумала, что Фиона не просто так подарила мне эту книгу. Правда, когда я была у Зои и рассказала ей и Лауре о том, что прочитала, они не пожелали вникнуть в суть и назвали Фиону дурочкой. Пожалуй, мне стало трудно их понимать.

В первую же неделю, что мы прожили здесь, Артур привез меня на день к Зои. Все путешествие заняло около часа, и за это время мы не произнесли ни одного слова. Нет, одно слово он все-таки сказал: «Радио?» — а когда я кивнула, включил канал, по которому говорят о деревенских проблемах и не пускают музыку, и всю дорогу что-то бормотал себе под нос. Все лучше, чем полное молчание. Проведя ночь с Зои и Лаурой — жалуясь на дядю Артура до самого утра, — я почувствовала себя увереннее. Словно опять стала прежней. Мы пришли к выводу, что он и Розалин с течением времени стали Душеспасительным дуэтом, но я не

позволю им втянуть меня в свое дурацкое существование. Это значит, что я смогу выдержать чертову галиматью, которой меня потчевало радио. Тем не менее на другой день, когда я вновь села в грязный, вонючий «лендровер», вызвавший смех у Зои и Лауры, мне стало жалко Артура. И себя тоже.

Вернувшись в дом, который не был моим домом, на машине, которая не была моей машиной, поднявшись в комнату, которая не была моей комнатой, заговорив с матерью, которая как будто не ощущала себя моей матерью, я решила оставаться такой, какой была до смерти отца. Я решила не меняться. Наверное, я приняла неправильное решение, но все равно это было мое решение. Для начала я устроила скандал в машине и заявила, что хочу слушать другой канал. Артур переключился на мою любимую станцию, но, не дослушав и одной песни, «Пуссикэт Доллз», до конца, начал ворчать и в конце концов вновь включил свою любимую передачу. С обиженным видом я смотрела в окошко, ненавидя Артура и ненавидя себя. Полчаса мы слушали женщину, которая плакалась в телефон о том, что муж потерял работу на компьютерном заводе и не может найти другую, а у них четверо детей мал мала меньше. Волосы закрывали мне лицо, и мне оставалось лишь надеяться, что Артур не увидит моих слез. Жизнь бывает печальной. Конечно, я знала об этом и прежде, но не хотела ничего замечать. Меня это не касалось.

Не знаю, сколько времени мы собирались жить у Артура и Розалин. И спросить было не у кого. Артур ни с кем не разговаривал, мама была по-другому, но тоже некоммуникабельна, а Розалин не хватило бы ума ответить на такой важный вопрос.

Моя жизнь поворачивалась ко мне неправильной стороной. Мне уже исполнилось шестнадцать лет, и пора было бы заняться сексом с Фиакрой. И вообще, в это время я должна была быть на нашей вилле в Марбейе, каждый день плавать, есть барбекю, тусоваться в «Ангелах и Демонах» и искать парня номер два, который понравился бы мне и с которым я захотела бы спать. Если бы парень номер один, с которым я спала, стал моим мужем, наверное, я бы умерла. И вот я живу в Богом заброшенном месте, в одном доме с тремя ненормальными родственниками, с ближайшими соседями, которых я ни разу не видела, с почтой, которая работает в чьей-то гостиной, с пустой школой и разрушенным замком. Понятия не имею, что с собой делать.

По крайней мере, так я думала.

Пожалуй, надо начать с той минуты, как я приехала к родственникам.

Глава третья

Начало начал

В Мет, на место нашей новой жизни, нас привезла Барбара, лучшая мамина подруга. За весь путь мама не проронила ни слова. Ни единого слова. Даже когда у нее спросили дорогу. Прежде такое даже в страшном сне не могло привидеться. Я так испугалась, что накричала на нее прямо в машине; мне очень хотелось, чтобы она ответила.

А все оттого, что Барбара заблудилась. Спутниковый навигатор в ее «БМВ Х5» забарахлил, и нам пришлось свернуть в ближайший городок, чтобы уточнить направление. Когда мы въехали в этот самый городок под названием Ратоат, Барбаре пришлось рассчитывать на собственные мозги, а не на оборудование спортивного автомобиля. Но стоит ему выйти из строя, и у Барбары словно отключается голова. После того как мы десять минут проехали по дороге, где стояла всего тройка домов и не было ни одного указателя, я поняла, что Барбара занервничала. Дороги, по которой мы катили, не существовало, судя по показаниям навигатора. Для меня это был знак. Привыкнув ездить в некие определенные места и не по невидимым дорогам, Барбара начала ошибаться, машинально проезжать перекрестки и, пренебрегая опасностью для жизни, менять направление. Так как я навещала родственников всего несколько раз за всю свою жизнь, то толку от меня было мало, однако я должна была смотреть налево, чтобы не пропустить нужный дом, а Барбара смотрела направо. Один раз она набросилась на меня за то, что я отвлекаюсь, а я, честное слово, не видела никаких ворот по крайней мере на милю вперед, так что и смотреть не было нужды. Я ответила. Мы дошли до ручки, когда она вдруг вскрикнула, и это было похоже на «к черту всё», потому что мы катили «по чертовым дорогам, которых не было в помине», так почему бы тут не быть «чертову дому без чертовых ворот»? Услышать «к черту всё» из уст Барбары было для меня почти потрясением, ведь обычно она выражала свое недовольство словом «чепуха».

Нам могла бы показать дорогу мама, но она лишь улыбалась, сидя на переднем сиденье, и не отрывала взгляда от окна. Решив, что без моей помощи не обойтись, я наклонилась вперед — понимаю, это было неумно и неправильно, но я это сделала — и закричала ей в ухо так громко, как только сумела. От неожиданности мама подпрыгнула на месте, закрыла

ладонями уши, а когда немного успокоилась, то принялась бить меня по голове, словно моя голова была пчелиным роем. Признаться, было очень больно. Она хватала меня за волосы, царапалась, хлестала по щекам, и я никак не могла вырваться из ее рук. Барбара ужасно расстроилась. Она остановила машину и попыталась удержать мамины руки. Потом вышла из машины и стала с плачем ходить взад и вперед по обочине. Я тоже заплакала, и в голове у меня словно загремел набат в том самом месте, которым мама колотила меня о подголовник и на котором рвала волосы. Там, где я жила прежде, модно было носить прическу вроде стога сена, но мама постаралась на славу, и за несколько минут я превратилась в обительницу сумасшедшего дома. Мы с Барбарой довольно много времени провели на дороге, а мама тем временем сидела в машине, гордо подняв голову, глядя прямо перед собой и всем своим видом выражая нешуточную ярость.

— Милая, иди ко мне, — сказала Барбара, не скрывая слез и раскрывая мне объятия.

Дважды меня просить не пришлось. Мне было необходимо почувствовать чье-то участие. Мама же и в лучшие времена не особенно любила всякие нежности. Поджарая, вечно голодающая, она относилась к еде так же, как к папе; она любила поесть, но постоянно отказывалась от еды, потому что считала ее вредной для фигуры. Мне это известно, потому что как-то раз я подслушала ее разговор с подружкой, когда она в два часа вернулась после «девичьего» ланча. Мама почти никогда не обнимала меня, и думаю, ей вообще была неприятна физическая близость. В ее душе не было места покою, поэтому она не могла внушить покой кому-то еще. Это как добрые советы: давать их гораздо легче, чем получать. Не думаю, что она никого не любила. Никогда ничего такого я не чувствовала. Ну ладно, может быть, и почувствовала пару раз.

Обнявшись, мы с Барбарой стояли на краю дороги и плакали, и еще она снова и снова просила у меня прощение за то, как несправедливо судьба обошлась со мной. Когда же мы отправились дальше, Барбара никому не уступала дорогу, так что все машины гудели нам, а она делала вид, будто ничего не слышит.

Поплакав, мы как будто избавились от лишнего напряжения. Знаете, это было похоже на то, как грозовые тучи собираются и собираются, а дождя все нет и нет, — так было и с нами весь путь от Киллини. А потом случился взрыв. Мы частично избавились от груза свалившихся на нас бед и подготовились к тому, что ждало нас впереди. Правда, у нас не осталось времени, потому что стоило нам повернуть во второй раз, и мы оказались

на месте. Дом, милый дом. По правую руку стояли ворота, и сразу за ними, слева, был нужный дом. Розалин и Артур ждали нас у зеленой калитки, и один Бог знает, сколько времени им пришлось там простоять, несчастным Гензелю и Гретель. Мы опоздали не меньше, чем на час. Если бы они даже решили не показывать, насколько они расстроены, им бы это не удалось после того, как они увидели наши лица. Не зная, что цель близка, мы не успели взять себя в руки. У нас с Барбарой были красные глаза, мама сидела на переднем сиденье с выражением ярости на лице, мои волосы свалились хуже обычного.

Мне не пришло в голову, насколько тот момент мог быть тяжел для Артура и Розалин. Я была поглощена собой и тем, как мне не хотелось оставаться у них, поэтому ни разу не подумала, каково им было открыть двери двум людям, с которыми они практически не поддерживали никаких отношений. Наверное, им это было невероятно тягостно, а я даже ни разу не поблагодарила их.

Барбара и я вылезли из машины. Она направилась к багажнику, чтобы достать наши вещи и, полагаю, чтобы дать нам время поздороваться. Этого не произошло. Продолжая неподвижно стоять, я не сводила глаз с Артура и Розалин, которые тоже не двигались с места, и мне пришло в голову, что напрасно я не посыпала крошками дорогу от Киллини, ведь иначе мне не найти ее снова.

Розалин переводила взгляд с меня на Барбару и обратно, напоминая мангусту, которая пытается осмыслить все и всех сразу: спортивную машину, маму, меня, Барбару. Она крепко сцепила руки на животе, но время от времени давала им волю, позволяя себе оправить юбку, словно принимала участие в деревенском конкурсе красоты. Наконец мама открыла дверцу, вылезла наружу и, встав на гравий, оглядела дом. Неожиданно от ее ярости не осталось и следа, и она улыбнулась, показывая испачканные красной помадой зубы:

— Артур!

Она протянула ему руку, как будто открыла дверь своего дома и пригласила его на обед.

Втягивая в себя воздух вместе с соплями, Артур фыркнул — я услышала это в первый раз и скривила губы от отвращения. Потом он сделал шаг навстречу маме, и она, взяв его за руки, поглядела на него, склонив набок голову и все еще странно улыбаясь, словно ей неудачно сделали подтяжку. Потом мама подалась вперед и прижалась к нему лбом. Постояв на пару секунд дольше, чем я предполагала, он потрепал ее по затылку и отошел. Меня он тоже довольно больно потрепал по затылку,

словно я была его любимой колли, отчего волосы у меня еще больше спутались, а потом отправился помогать Барбаре. Нам с мамой ничего не оставалось, как глядеть на Розалин, вот только мама не глядела на нее. Закрыв глаза, она глубоко вдыхала свежий воздух и улыбалась. Несмотря на малоприятную встречу, у меня сложилось впечатление, что переезд пойдет маме на пользу.

Тогда я меньше беспокоилась о ней, чем теперь. Прошел всего месяц после похорон папы, и мы еще не были в состоянии говорить о нем друг с другом или с кем-нибудь из знакомых. Зато с нами все время пытались заговорить о нем, сказать что-нибудь милое и бестактное, что первым приходило в голову, словно люди хотели утешиться сами, а не утешить нас, и никто не обращал внимания на мамины странности. Кто бы ни подходил к ней, она одинаково тяжело вздыхала и время от времени произносила пару междометий. Похороны, как это ни ужасно, похожи на некую игру. Надо помнить правила, говорить банальности и, не дай Бог, не сорваться до конца церемонии. Надо быть учтивой, не слишком часто улыбаться; делать печальный вид, но желательно не перестараться, чтобы родственникам не стало еще хуже. Надо всем своим видом демонстрировать оптимизм, однако не настолько, чтобы тебя обвинили в недостатке сочувствия или неумении совладать с реальностью. Если же вести себя по-настоящему искренне, то на тебя будут указывать пальцем и не оберешься пересудов, не говоря уж о слезах, всхлипываниях и криках.

Похоже, пора придумать «Оскар» за поведение в реальной жизни. Лучшей Актрисой непременно была бы Элисон Фланаган! Чтобы пройти по «красной дорожке» супермаркета в прошлый понедельник, она сделала полный макияж, заново уложила волосы, хотя больше всего на свете ей хотелось умереть, и широко улыбнулась Саре и Деирдре из Ассоциации родите лей — словом, вела себя так, словно это не ее накануне бросил муж, оставив одну с тремя детьми. Поднимайся на сцену, Элисон, и получай свою награду! А Лучшей Актрисой Второго Плана стала бы женщина, которая заняла ее место и в тот злосчастный понедельник оказалась в соседнем проходе в супермаркете. Она сочла за благо побыстрее удалиться и даже не успела купить все нужные ингредиенты для любимой лазаньи своего новоиспеченного друга. Лучшего Актера присудили бы Грегори Томасу за представление, которое он устроил на похоронах своего отца, с которым за два года не перемолвился ни словом. А Лучшим Актером Второго Плана непременно назвали бы Лео Малкахи за роль шафера на свадьбе своего лучшего друга Симона, взявшего в жены единственную женщину, которую Лео любил и всегда будет любить всем сердцем. Давай,

Лео, принимай аплодисменты!

Примерно в таком роде я думала и о маме, мол, она всего лишь играет роль правильной вдовы, но потом, когда ее поведение не изменилось и она как будто не совсем осознавала, что происходит, раздавая направо и налево одни и те же междометия и вздохи, моя уверенность поколебалась. Я и теперь не знаю, насколько она действительно с нами, а насколько притворяется, чтобы реальность ее не коснулась. Что-то надломилось в моей маме, теперь я не сомневаюсь, сразу после смерти отца, и когда на нее перестали смотреть, когда люди вернулись к своей обыденной жизни, этот надлом стал шириться, хотя мне казалось, что я единственная, кто это замечает.

Дело не в банке, который повел себя на редкость нерационально и самым оскорбительным образом выставил нас на улицу. Его служащие успели вручить отцу уведомление о дате изымания собственности, однако, не попрощавшись с нами, он также не поставил нас в известность, что это было второе уведомление. И хотя нам позволили остаться в доме дольше, чем мы предполагали, всетаки уехать пришлось. Примерно с неделю мы прожили у Барбары, на территории ее филиппинской няньки. Но потом нам пришлось оставить дом маминой подруги, так как все семейство собралось ехать на лето в Сен-Тропе, где у Барбары с мужем был свой дом, и она побоялась, как бы мы не стащили ее столовое серебро.

Несмотря на то что я сказала, мол, не беспокоилась за маму, когда мы подъехали к дому у ворот, это вовсе не значит, будто я в самом деле совсем ничего не замечала. Я и прежде предполагала, что маме надо показаться врачу, а теперь я совершенно уверена, что ей надо пройти обследование в одном из тех мест, где люди весь день носят белые халаты с завязками сзади и раскачиваются взад-вперед, взад-вперед в коридорах. Это Барбаре я сказала о том, что маме нужно посетить врача, и она, усадив меня в кухне, снисходительно объяснила, мол, мама «горюет». Сами представляете, до чего восхитительно услышать нечто подобное в шестнадцать лет? И я приготовилась к серьезному разговору о том, как надо вести себя с мамой. Но Барбаре было не до этого. Она попросила меня сесть на чемодан, чтобы удобнее было застегнуть его, так как Лулу, без которой она вряд ли справилась бы со своей жизнью, повезла детей на урок верховой езды. Что ж, я уселась на ее раздутый чемодан марки «Луи Вюиттон», и Барбара упаковала бикини под зебру, сандалии и умопомрачительные шляпы, а я пожелала ей, чтобы молния не выдержала и сломалась в аэропорту Сен-Тропе и из чемодана с громким жужжанием выпал бы вибратор, привлекая всеобщее внимание.

Довольно долго мы простояли неподвижно перед моим новым домом в первый день моей новой жизни. Мама опустила веки, Розалин с любопытством смотрела на меня своими зелеными глазами и время от времени облизывала губы розовым язычком, Артур фыркал в сторону Барбары, не желая, чтобы она бралась за чемоданы, ну а Барбара со своим нежно-оранжевым лицом умпы-лумпы^[7], одетая в теплый спортивный костюм и кожаные «вьетнамки», с изумлением наблюдала за Артуром, вероятно, с трудом удерживаясь, чтобы не заткнуть ему чем-нибудь нос. С собой у нее в то утро был лишь баллончик со спреем для искусственного загара.

— Дженнифер, — наконец нарушила молчание Розалин.

Мама открыла глаза и лучезарно улыбнулась, отчего мне показалось, будто она узнала Розалин и поняла, где и зачем находится. Если бы вы, как я, не провели с ней чуть ли не каждую секунду всего последнего месяца, то могли бы счесть ее совершенно нормальной. Ей неплохо удавалось блефовать.

— Добро пожаловать, — улыбнулась Розалин в ответ.

— Да. Спасибо, — мама правильно выбрала слова из своего теперешнего небольшого запаса.

— Пойдемте, пойдемте. Вам нужно выпить чаю, — продолжала Розалин с непонятной настойчивостью, словно иначе нам грозила смерть.

Мне не хотелось никуда идти. Мне не хотелось идти в дом, потому что не хотелось начинать новую жизнь. Да, так оно и было. В прошлом остались общие заботы о похоронах, там же осталось гостеприимство Барбары. Предстояло устанавливать новые взаимоотношения.

Нагрузившись чемоданами, Артур, королевская креветка, прошмыгнул мимо меня и пошел по садовой тропинке. На вид он казался слабее.

Когда захлопнулась крышка багажника, я развернулась и увидела, что Барбара крутит в руках ключи от машины и переминается с ноги на ногу. Только тут я обратила внимание, что между пальцами у нее проложена вата. В сомнении глядя на меня, она неловко молчала в напрасном поиске прощальных слов.

— А я и не знала, что вы тоже делаете педикюр, — произнесла я, попытавшись заполнить паузу.

— Да. — Барбара опустила голову и подвигала пальцами, словно подтверждая свое «да». Лакированные большие пальцы сверкнули бриллиантами. — У Даниэлы есть яхта, и она пригласила нас завтра на коктейльную вечеринку.

Далеко не всем понятна связь между педикюром и яхтой, но я поняла.

На яхте придется ходить босиком, поэтому женщины постараются перещеголять одна другую украшениями на ногах. Они нашли бы способ украсить их и под коленками, если бы больше нечего было украшать.

Мы молча смотрели друг на друга. Барбара мечтала уехать. Я жаждала уехать вместе с ней. Мне тоже хотелось походить босиком по средиземноморскому пляжу, пока Даниэла будет фланировать между гостями, изящно держа в пальчиках с французским маникюром^[8] бокал, наполненный мартини, и глубокий вырез платья от Кавалли будет демонстрировать ее груди так же откровенно, как мартини — оливку с перчиком. С капитанским головным убором на голове она будет словно капитан Бердси^[9] в дамском платье. Почему я не могу быть с ними?

— Дорогая, тебе тут будет хорошо, — сказала Барбара, и мне показалось, что она говорит искренне. — У тебя есть семья.

Тогда я с сомнением посмотрела на дом «Гензеля и Гретель» и едва не заплакала.

— Ах, дорогая, — повторила Барбара и, сделав шаг вперед, протянула ко мне руки. Она и вправду отлично умела обниматься и не испытывала ни капли неловкости. То ли из-за этого, то ли из-за имплантатов мне было удобно на ее груди. Я крепко прижалась к ней и закрыла глаза, однако немного раньше, чем мне бы хотелось, Барбара отстранила меня, и я вновь оказалась в реальной жизни.

— Что ж, — она медленно подошла к машине и положила руку на дверцу. — Не стоит травмировать твоих родственников, так что, пожалуйста, передай им...

— Заходите, заходите, — вновь пропела Розалин из темного холла, не дав Барбаре залезть внутрь. — Заходите, — проговорила Розалин с порога. — Разве вы не выпьете с нами чаю? Извините, не знаю вашего имени. Дженнифер не говорит.

Придется ей привыкнуть. Дженнифер не только этого не говорит.

— Барбара, — произнесла Барбара, и я заметила, как у нее побелели костяшки пальцев, сжимавших ручку дверцы.

— Барбара, — повторила Розалин, по-кошачьи сверкнув глазами. — Как насчет чашечки чая перед дорогой, Барбара? У нас есть свежие булочки и домашний клубничный джем.

Лицо Барбары застыло в напряженной улыбке, пока она старалась придумать хоть какую-то отговорку.

— Она не может, — ответила я вместо Барбары, и та сначала с благодарностью, а потом с очевидным чувством вины посмотрела на меня.

— А...

У Розалин вытянулось лицо, словно я испортила ей чаепитие.

— Ей надо ехать домой, чтобы смыть свой чертов загар, — добавила я. Я же говорила, что была на редкость противной особой, к тому же, хотя я не имела никакого отношения к Барбаре и у нее была своя жизнь, к которой ей предстояло вернуться, все равно мне показалось, что она бросает меня. — И пальцы на ногах у нее еще не высохли, — проговорила я, пожав плечами.

— А... — смутилась Розалин, словно я говорила на языке Кельтского Тигра^[10]. — Может быть, кофе?

Тут я разразилась хохотом, окончательно смутив Розалин. За моей спиной Барбара переступила с ноги на ногу, не взглянув на меня. Я облегчила ей отъезд. Даже в спортивном костюме и шлепанцах, даже с грязной накрашенной шеей, Барбара выглядела экзотической птицей рядом с Розалин. Потом Розалин, словно бабочку, поглотил дом, похожий на венерину мухоловку.

Несмотря на ее умоляющий взгляд, я все еще не могла решиться и войти внутрь.

— Поброжу вокруг, — сказала я.

Похоже, Розалин была разочарована, словно я отказывала ей в чем-то очень ценном. Я ждала, когда она уйдет, растворится во тьме коридоров, словно в другом измерении, но она не двигалась с места. Она стояла на пороге, пристально следя за мной, и тогда до меня дошло, что первый шаг придется сделать мне. Пока она сверлила меня взглядом, я огляделась. Куда идти? Слева был дом, за спиной — открытые ворота, которые выходили на главную дорогу, передо мной — деревья и справа — тропинка, ведущая в темную рощу. Я направилась к главной дороге. И ни разу не оглянулась, потому что не хотела знать, стоит ли она еще на пороге. Однако пока я шла, у меня появилось чувство, что не одна Розалин наблюдает за мной. Меня как будто выследил некто, прячущийся за могучими деревьями. Такое чувство бывает, когда вторгаешься в мир природы, где тебе нет места, во всяком случае, куда тебя не звали. Все стоящие вдоль дороги деревья, как один, развернулись в мою сторону.

Если бы навстречу мне, размахивая мечами, скакали на лошадях воины в доспехах, я бы приняла это как должное. Здешнее поместье было словно пропитано историей, населено призраками прошлого, и теперь мне предстояло разыграть тут свою историю. Деревьям многое пришлось повидать, но все же я заинтересовала их, и, пользуясь легким летним ветерком, листья потихоньку перешептывались друг с другом, словно

обменивались слухами и сплетнями и им ничуть не наскучивало видеть все новых и новых персонажей.

Я шагала по главной аллее, пока деревья, искусно скрывавшие замок, не расступились. И хотя я шла по направлению к замку, он словно свалился ниоткуда, незаметно, на цыпочках, подобравшись ко мне с прижатым к губам пальцем, как будто ему сотни лет не хватало приключений. Я остановилась как вкопанная. И показалась себе крохотной песчинкой перед большим замком. Мне даже почудилось, что в руинах он более властный и нетерпимый, так как выставил напоказ все свои шрамы, все раны и дыры, полученные в битвах. А я стояла, напоминая себе тень той девочки, которой была, тоже выставившей напоказ свои шрамы. У нас было много общего.

Мы немного по-изучали друг друга, и я зашагала дальше, отчего он даже не поморщился.

Хотя я могла войти в замок через дыру в боковой стене, мне показалось более учтивым воспользоваться другой дырой, на месте которой когда-то стояли главные ворота. Не знаю, с кем я играла в учтивость, однако сочла более уместным обратиться к менее суровой стороне замка. Постояв у двери и таким образом выдержав вежливую паузу, я вошла внутрь и увидела много травы и много камней. Меня поразила удивительная тишина, и мне почудилось, будто я вторглась в чей-то дом. Замерли, глядя на меня, сорняки, одуванчики, крапива. Не знаю почему, но я расплакалась.

С одинаковой печалью я прежде смотрела на муху, а теперь смотрела на замок, но если по правде, то с печалью я в первую очередь воспринимала самое себя. У меня появилось ощущение, будто я слышу, как стонет и плачет замок, всеми брошенный и разрушающийся, тогда как деревья вокруг поднимаются все выше и выше. Когда я подошла к одной из стен и увидела, из каких огромных камней она сложена, то представила, какими сильными были руки людей, тащивших эти камни, точнее, которых заставляли их тащить. Усевшись на корточки в углу, я прижалась ухом к стене и закрыла глаза. Не знаю, что мне хотелось услышать, собственно, я даже не знала, почему это делаю, но я как будто старалась успокоить стену, правда-правда, именно эта мысль крутилась у меня в голове.

Если бы я рассказала об этом Зои и Лауре, они срочно увезли бы меня в Дом моды для детей, тем не менее у меня появилось чувство, будто нас с замком что-то объединяет. Возможно, это оттого, что я потеряла свой дом и мне больше ничего не принадлежало, а здесь я набрела на руины и пожелала сделать их своими. Наверное, одиноким людям свойственно к чему-то прижиматься, чтобы забыть о своем одиночестве. Для меня этим

«чем-то» стал замок.

Понятия не имею, сколько времени я провела в замке, разве что солнце понемногу пряталось за деревьями, расцветивая зайчиками руины при каждом порыве ветра. Какое-то время понаблюдав за этим, в конце концов я сообразила, что тени сгущаются и скоро станет совсем темно. Наверняка было около десяти часов.

От долгого сидения в одном положении у меня затекли ноги, и мне потребовалось довольно много времени, чтобы встать. Уголком глаза я увидела какое-то движение. Тень. Человек. Не зверь. Но бросок стремительный. Не желая попасть в когти кому бы то ни было, я повернулась спиной ко входу в замок и стала торопливо отступать. Тут опять послышался шум — заухал филин, и я, перепугавшись, была готова дать деру. Не видя, куда ступаю, я наткнулась на камень, перелетела через него и упала в траву. Когда ударилась головой, то застонала и услышала страх в своем голосе, потому что вляпалась невесть во что с невесть какой живностью. В глазах потемнело, потом черные точки появились там, где должна была проходить линия полу-провалившейся крыши на фоне синего неба. Я вскочила, руками помогла себе выпрямиться и стала карабкаться по щебенке и камням, не думая о царапинах и не оглядываясь, а потом побежала так быстро, как только могла в шлепанцах угги^[11]. Мне показалось, что прошла целая вечность, прежде чем появился уже знакомый дом, словно дорога и деревья сговорились подольше задержать меня на «беговой дорожке».

Наконец я увидела его. Спортивный автомобиль Барбары исчез, и я осознала, что навсегда отрезана от своего прежнего мира. Мост поднят. Едва дом попал в поле моего зрения, как дверь отворилась и на пороге появилась высматривающая меня Розалин, словно она никуда не уходила все это время.

— Быстрее, быстрее, — настойчиво повторила она.

В конце концов я переступила порог, за которым началась моя новая жизнь. В некогда чистеньких розовых угги, которые стали грязными после моей «прогулки» по двору замка, я вошла в темный холл с каменным полом. В доме стояла мертвая тишина.

— Дай-ка взглянуть на тебя, — произнесла Розалин, крепко взяв меня за руки и отступив на шаг назад, видимо, чтобы сделать полный обзор. Она оглядела меня с ног до головы раз, другой, третий... Я попыталась вырваться, но Розалин почти инстинктивно не отпустила меня, но потом, поразмыслив и увидев, как изменилось у меня лицо, ослабила хватку.

Ее голос зазвучал ласковее.

— Я заштопаю их. Положи в корзинку около кресла в гостиной.

— Что заштопаете?

— Твои брюки.

— Это джинсы. Они такими и должны быть. — Я поглядела на джинсы, на которых было столько дыр, что почти не оставалось живого места, а через дыры увидела леопардовые колготки — собственно, в этом и заключалась главная идея. — Хотя их надо постирать.

— А... Тогда оставь в корзинке, что в кухне.

— У вас много корзин.

— Всего две.

Не думаю, что в моих словах прозвучала насмешка или заключалась некая умная мысль, но, так или иначе, Розалин пропустила их мимо ушей.

— Ладно. Я пойду в свою комнату... — проговорила я и стала ждать, что она скажет, но она всего лишь молча смотрела на меня. — Куда мне идти?

— Может быть, сначала выпьешь чаю? Я испекла яблочный пирог. В ее голосе я услышала мольбу.

— О нет, спасибо. Я не голодна.

Однако в этот момент у меня забурлило в животе, и мне оставалось только надеяться, что Розалин этого не услышала.

— Ну, конечно. Конечно же не голодна, — тихонько упрекнула она себя.

— Где моя комната?

— Наверху, вторая дверь налево. У твоей мамы последняя комната направо.

— Хорошо. Сначала зайду к ней, — сказала я и пошла наверх.

— Нет, малышка, — торопливо произнесла Розалин. — Ей нужен покой. Она отдыхает.

— Я всего лишь пожелаю маме спокойной ночи, — натянуто улыбнулась я.

— Нет-нет, не беспокой ее, — твердо стояла на своем Розалин. Я стерпела это.

— Хорошо.

И я начала медленно подниматься по лестнице, скрипевшей при каждом моем шаге. С площадки между двумя пролетами я видела коридор и Розалин, которая все еще стояла на месте и следила за мной. Натянуто улыбнувшись, я прошла в свою комнату, захлопнула дверь и прижалась к ней спиной, чувствуя, как громко стучит у меня в груди сердце.

Простояв так минут пять и едва взглянув на комнату (а что глядеть,

если мне предстояло в ней жить?), я не потеряла желания повидаться с мамой. Когда я опять потихоньку открыла дверь и высунула в проем голову, то не увидела Розалин. Она ушла. Открыв дверь пошире, я переступила через порог и подпрыгнула от неожиданности. Розалин стояла у маминой двери и стерегла ее, словно собака.

— Я посмотрела, как она, — прошептала Розалин, сверкнув зелеными глазами. — Твоя мама спит. Да и тебе надо отдохнуть.

Ненавижу, когда мне говорят, что делать. До сих пор я обычно в таких случаях поступала наоборот, но что-то было такое в голосе Розалин, в ее взгляде, в ее позе, да и вообще в доме, что мне стало ясно — здесь я не хозяйка. Не говоря ни слова, я вернулась в свою комнату и закрыла дверь.

Позднее, когда внутри и снаружи уже стояла непроницаемая чернота, так что нельзя было различить контуров даже знакомых предметов, я проснулась от ощущения, что не одна в комнате. Я слышала чье-то дыхание над кроватью и ощущала знакомый запах лавандового мыла, поэтому крепче закрыла глаза и сделала вид, будто сплю. Не знаю, сколько времени Розалин простояла надо мной, но мне показалось, что прошла целая вечность. Даже после того как она ушла и тихо закрыла дверь, я еще долго не открывала глаза, и у меня до того громко стучало сердце, что я боялась, как бы она не услышала. А потом я заснула.

Глава четвертая

Слон в комнате

Наутро, когда еще не было шести часов, я проснулась под перекличку птиц за окном. Из-за их непрерывного свиста и щебета мне показалось, будто ночью кто-то поднял дом и перенес его в птичье царство. Их безразличные к остальному миру, оглушительные крики напомнили мне о строителях, которых мы нанимали, чтобы они выкопали бассейн, и которые шумели так громко и нагло, словно это они были хозяевами в нашем доме. Один парень, его звали Стив, постоянно подглядывал за мной, когда я переодевалась в спальне. И один раз утром я ему кое-что показала. Нет, не подумайте плохо. Просто я приколола три пряди волос к бикини — сами знаете куда, — а потом сняла банный халат и стала прохаживаться по комнате, как Чубакка^[12], делая вид, будто ничего не замечаю. После этого он ни разу не поднял на меня взгляд, а вот другие, наоборот, стали смотреть на меня во все глаза, стоило мне пройти мимо, так что, по всей вероятности, грязный мерзавец поделился с ними своим секретом. Здесь таких игр точно не будет, хотя почему бы мне не устроить спектакль для рыжей белки? Пусть от страха свалится с дерева!

Сине-белые клетчатые занавески не спасали от солнечных лучей. Комната была ярко освещена, как бар перед закрытием, выставяющий напоказ всех своих порочных завсегдатаев, не говоря уж о пьяницах и мошенниках. Проснувшись, я лежала в постели и оглядывала комнату, которая теперь стала моей комнатой. Обставлена она была простенько, однако, как ни странно, от нее исходило настоящее тепло. И дело не только в солнечных лучах, проникавших внутрь, но также в уютных вещичках в стиле Лоры Эшли^[13], и хотя до тех пор я искренне ненавидела всю эту элегантную мишуру, здесь она оказалась как нельзя на месте. Не на месте она была в спальне моей подруги Зои, где ее мама славно потрудилась для десятилетней дочери, несомненно, желая убедить себя в ее чистоте и невинности. Она словно упрятала свою дочь в банку с рассолом.

Однако это не сработало. Зои не стоило труда открывать банку, едва ее мама отворачивалась, и, кстати, она не просто полюбила, а очень полюбила рассол.

Так как комната находилась наверху, потолок был скошенный и спускался в сторону окна. В углу стояло скрипучее белое кресло, и в нем

лежала старая сине-белая клетчатая подушка. Выкрашенные в бледно-голубой цвет, стены не производили холодного впечатления. Белый комод был слишком большим для моих запасов нижнего белья. Меблировку завершала металлическая кровать с белыми простынями и голубым с цветочками пуховым одеялом, а также голубым вязаным покрывалом, сложенным в ногах. Над дверью висел простой крест с изображением святой Бригитты^[14]. На подоконнике стояла ваза с полевыми цветами — лавандой, колокольчиками и другими, названия которых я не знала. Розалин постаралась на славу.

Снизу до меня донесся шум. Звенели тарелки, бежала вода, свистел чайник, шипела сковородка. Запахло едой. Тут я сообразила, что в последний раз ела вчера днем у Барбары, когда Лулу приготовила нам божественное сашими^[15]. И еще я совсем забыла про туалет, так что мочевого пузырь и желудок вытащили меня из постели. Благодаря тонюсеньким стенам я правильно поняла, почему соседнюю дверь то открывают, то закрывают. Мне было слышно, как поднимают крышку с толчка, как льется моча и бьется о фаянсовое дно. Она лилась с приличной высоты, значит, если Розалин не вставала на ходули, это был Артур.

Судя по звукам, доносившимся из кухни и ванной комнаты, мамы не было ни там, ни там. Итак, если повезет, мне удастся ее увидеть. Надев розовые угги, я завернулась в голубое одеяло и скользнула по коридору к маминной комнате.

Несмотря на то что я изо всех сил старалась не шуметь, доски на полу скрипели при каждом моем шаге. Потом я услышала, как спускают воду в уборной, бегом бросилась вперед, и естественно, без стука ворвалась к маме. Не знаю, какой я предполагала ее увидеть, но думаю, похожей на ту маму, которую я видела каждое утро за прошедшие две недели. В спальне должно было быть темно, как в пещере, и я собиралась найти маму на кровати, с головой укрытую одеялом. Однако мамина спальня приятно меня удивила. В ней было светлее, чем у меня, — что-то вроде бывшей кладовки, где царили чистота и прохлада. На подоконнике тоже стояла ваза с лютиками, одуванчиками и какой-то травой на длинных стеблях, перевязанными желтой лентой. Похоже, мамина комната находилась непосредственно над гостиной, так как вдоль стены расположился камин с фотографией Папы над ним, при виде которой я вздрогнула. Но не Папа — хотя я бы предпочла видеть Зака Эфрона^[16] на своей стене, — а камин испугал меня. Никогда не любила камин. Белый снаружи и черный внутри, этот камин выглядел так, словно его постоянно использовали, и

мне показалось это странным в необитаемой комнате. Наверное, моим родственникам часто приходилось принимать гостей, хотя на первый взгляд они не показались мне любителями вечеринок. Только потом я обратила внимание на смежную ванную комнату и поняла, что Розалин и Артур отдали маме свою спальню.

Мама сидела в кресле-качалке, однако не качалась, а сидела неподвижно и смотрела в окно, которое выходило в сад позади дома. Ее волосы были тщательно причесаны, она надела абрикосового цвета шелковый халат и накрасила губы абрикосовой помадой, которой пользовалась со дня похорон папы. На губах застыла едва заметная улыбка, которую легко было не заметить, но она была, и вид у моей мамы был такой же, как вчера, словно она глубоко задумалась. Когда я подошла поближе, она подняла голову и приветливо улыбнулась.

— Доброе утро, мама, — сказала я и, поцеловав ее в лоб, пристроилась на краешке уже убранной кровати. — Хорошо спала?

— Да, спасибо, — радостно отозвалась мама, и у меня сразу отлегло от сердца.

— Я тоже, — услышала я свой голос. — Здесь очень тихо, правда?

Я решила не упоминать о том, как Розалин ночью приходила в мою комнату, опасаясь, что это мне приснилось. Неприятно обвинять человека, не получив подтверждения его вины.

— Да, правда, — повторила мама.

Мы сидели и смотрели на сад. Посреди участка в один акр рос дуб, протянувший ветки во все стороны, словно предлагая влезть на него. Красивое дерево всей своей роскошной зеленой кроной настойчиво тянулось ввысь. Оно было могучим и стойким, и мне стало понятно, почему мама не сводила с него глаз. В его тени жизнь казалась безопасной и спокойной, и если дуб уже простоял несколько сотен лет, то можно было рассчитывать, что он простоит еще долго. В нашей пошатнувшейся жизни он как будто стал символом стабильности. С одной ветки на другую перелетала малиновка, словно от счастья, что заполучила для себя одной все дерево, и мне показалось, что она похожа на малыша, который один распоряжается в оркестре. Никогда прежде мне не приходилось наблюдать ничего, подобного здешнему дереву и здешней птичке. Но, даже увидев, я не додумалась бы сравнить малиновку с ребенком, который единолично властвует над всеми инструментами. У Зои и Лауры наверняка возникли бы подозрения на мой счет. Во всяком случае, у меня самой они возникли. Вспомнив о подружках, я затосковала по дому.

— Мама, мне тут не нравится, — наконец, едва не плача, проговорила

я дрожащим голосом. — Неужели мы не можем жить в Дублине? Там наши друзья.

Мама посмотрела на меня и ласково улыбнулась:

— Да нет, нам будет тут хорошо. Все уладится.

Мне стало легче, когда я услышала ее слова, произнесенные твердо, уверенно, ведь я снова обрела главного человека в своей жизни, на которого могла положиться.

— А мы надолго тут? Какие у нас планы? В какую школу я пойду осенью? Можно мне вернуться в школу Сент-Мери?

Все еще улыбаясь, мама отвернулась от меня и вновь стала смотреть в окно.

— Нам будет тут хорошо. Все уладится.

— Мама, я знаю, — произнесла я в отчаянии, но стараясь не выдать себя голосом. — Ты уже говорила. Но сколько времени мы пробудем тут?

Она промолчала.

— Мама! — позвала я несколько тверже, чем прежде. — Нам будет тут хорошо, — повторила она. — Все уладится.

Я могу быть хорошей, но только когда хочу, поэтому я наклонилась к ее уху, намереваясь сказать нечто такое, что даже не могу написать, но тут раздался тихий стук в дверь, и почти тотчас на пороге появилась Розалин.

— Вы обе здесь, — произнесла она, словно обыскала весь дом, прежде чем обнаружила нас.

Я отпрянула от мамы и вновь уселась на кровати. Не отрываясь, Розалин смотрела на меня, словно хотела прочесть мои мысли. Потом выражение ее лица потеплело, и она вошла в комнату с серебряным подносом в руках и в новом наряде в стиле «чайного платья»^[17], из-под которого высывалась комбинация.

— Ну как, Дженнифер, ты хорошо спала?

— Да, прекрасно.

Мама с улыбкой повернулась к Розалин, и я поняла, что не злюсь на нее, когда она обманывает других, лишь бы не обманывала меня.

— Я рада. И еще я приготовила тебе завтрак, так, чуть-чуть, просто чтобы у тебя были силы.

Розалин продолжала что-то говорить и одновременно, не останавливаясь, ходила по комнате, передвигала стулья, ставила на место кресла, поправляла подушки. А я тем временем наблюдала за ней.

Чуть-чуть, сказала она. Такого чуть-чуть хватило бы на несколько сотен завтраков. На подносе не было пустого места. Нарезанные фрукты, овсянка, тарелка с тостами, два вареных яйца, небольшая пиала, насколько

я поняла, с медом, одна розетка с клубничным джемом и другая с мармеладом. Еще на подносе стояли заварной чайник, молочник, сахарница, лежали полный столовый прибор и салфетки. Неплохо, наверное, для человека, у которого все проблемы утром решены с низкокалорийным батончиком и кофеваркой, и, лишь сочтя, что этого требует долг вежливости, мама согласилась принять поднос.

— Очаровательно, — сказала она, глядя на поднос, который был поставлен на деревянный столик, и как будто не обращая внимания на Розалин. — Спасибо.

Тогда я подумала: понимает ли мама, что расставленные на подносе продукты должны быть съедены и что они не произведения искусства, которыми можно лишь любоваться?

— Мы тебе очень рады. Хочешь еще чего-нибудь?

— Свой дом, свою жизнь...

Это прозвучало с изрядной долей ехидства, хотя в мои намерения вовсе не входило смеяться над Розалин, которая лишь попалась мне под руку. Я хотела выпустить пар. Тем не менее не исключено, что Розалин приняла мои слова на свой счет. Она явно разволновалась — ну, не знаю! — была обижена, сбита с толку, рассержена. Она смотрела на маму, желая убедиться, что та никак не отреагировала на мой выпад.

— Не бойтесь, она не слышит меня, — проговорила я, наскучив происходящим и теребя кончики волос. Я изо всех сил старалась сделать вид, что совершенно не обеспокоена состоянием мамы, однако сердце отчаянно колотилось у меня в груди.

— Конечно же, детка, она все слышит, — возразила Розалин, продолжая передвигаться по комнате, переставлять вещи, протирать их, привычно наводя порядок.

— Вы так считаете? — Я наморщила лоб. — Мама, что ты думаешь? Нам будет тут хорошо?

Мама поглядела на меня и улыбнулась:

— Конечно, нам будет тут хорошо.

Предвидя ответ, я изобразила ее обычно веселый голос, так что мы проговорили фразу дуэтом, остудив пыл Розалин. Мне тоже было не по себе, когда мы произносили: «Нам будет тут хорошо».

Розалин замерла и уставилась на меня.

— Правильно, мама. Нам будет тут хорошо. — У меня дрогнул голос. Но я решила идти до конца. — Посмотри на слона в твоей спальне. Правда, он милый?

Мама смотрела на дуб в саду, не убирая с губ едва заметной улыбки.

— Да. Он милый.

— Так я и думала, что ты это скажешь.

Сглотнув слюну, я постаралась не заплакать и не закричать, когда глядела на Розалин. Вероятно, мне надо было ощущать удовлетворение, но, я только еще сильнее растерялась. До того момента я думала только о том, что с мамой не все в порядке. Теперь я получила доказательство этому, и мне сделалось еще хуже.

Маму наверняка отправят к психоаналитику или адвокату, и тогда ей поставят диагноз, чтобы она начала лечиться.

— Твой завтрак на столе, — только и сказала Розалин, после чего повернулась ко мне спиной и покинула мамину спальню.

Вот так у Гудвинов решаются все проблемы. Их волнует только то, что на поверхности, и заглянуть поглубже не хватает смелости: а вдруг и вправду слон в комнате? Кажется, именно в то утро я осознала, что выросла со слонами в каждой комнате. Слоны были нашими семейными любимцами.

Глава пятая

Greve

Я занялась своей одеждой, ведь других дел у меня не было. Потом, вся дрожа, стояла в ванне цвета авокадо, пока горячая вода тоненькой струйкой детского пис-пис бежала у меня по спине, а я с тоской вспоминала о своей розовой ванной комнате с мозаичным полом, настоящим мощным душем и плазменным телевизором в стене.

К тому времени когда я смыла весь шампунь — бороться с кондиционером не имело смысла, — высушила волосы и спустилась вниз, Артур доедал последний кусок на своей тарелке. Мне стало интересно, рассказала ли ему Розалин о том, что произошло в маминой спальне. Наверное, нет, потому что, будь он хорошим братом, обязательно отреагировал бы на это. Вряд ли то, что он лез своим длинным носом в чашку, означало нечто особенное.

— Артур, доброе утро.

— Доброе утро, — отозвался он, не отрываясь от чашки.

Домашняя пчелка Розалин немедленно встрепелась и подошла ко мне, не сняв огромных кухонных перчаток.

Я легонько побоксировала с ней, но она не поняла шутки. Зато Артур, не сделав ни единого движения, не моргнув глазом, мгновенно дал понять, что оценил мою игру.

— Пожалуйста, Розалин, мне хлопьев, — сказала я, оглядываясь по сторонам. — Я возьму сама, только скажите, где взять.

После этого я принялась открывать шкафы, пытаюсь отыскать овсяные хлопья, но с удивлением отступила назад, когда наткнулась на шкаф, сверху донизу уставленный медом. В нем было не меньше ста банок.

— Ого! — Я отошла подальше от открытого шкафа. — У вас невроз навязчивых состояний?^[18]

Розалин смутилась, но все-таки изобразила улыбку и подала мне чашку с чаем.

— Сядь, я сама принесу тебе твой завтрак. А мед мне дает сестра Игнатиус, — с улыбкой заметила она.

Как раз в этот момент я сделала глоток чая и, не в силах сдержать смех, закашлялась. Чай полился у меня из носа, и Артур подал мне салфетку, весело глядя на меня.

— Вы зовете сестру — Игнатиус? — переспросила я, не переставая громко смеяться. — Это же мужское имя! Она транссексуалка? — все еще хихикая, я покачала головой.

— Транссексуалка? — переспросила Розалин, наморщив лоб.

Я опять захохотала, но тотчас остановилась, когда с ее лица исчезла улыбка и она, закрыв шкаф, направилась к плите за моим завтраком. Положив на тарелку ломтики бекона, колбасы, парочку яиц, фасоль, пудинг и грибы, Розалин поставила ее в центр стола. Не мешало бы сестре Игнатиус присоединиться к трапезе, потому что управиться со всем этим мне одной было не под силу. Потом Розалин исчезла, проскочив у меня за спиной, и вернулась с тарелкой, на которой возвышалась гора тостов.

— О нет, в меня столько не влезет. И вообще я не ем углеводов, — произнесла я максимально вежливо.

— Углеводы? — не поняла Розалин.

— Ну да, углеводы. Я от них толстею.

Артур поставил чашку на блюдце и внимательно посмотрел на меня из-под густых бровей.

— Вы совсем не похожи на маму, Артур.

Розалин уронила баночку с медом на плиточный пол, отчего мы с Артуром одновременно вскочили и повернулись к ней. Как ни странно, банка не разбилась, ну а Розалин стала стремительно завершать начатое и поставила передо мной джем, мед, мармелад, а также тарелку с булочками.

— Ты еще растешь, и тебе надо хорошо питаться.

— Расти я хочу только тут, — ответила я и показала на грудь. — Но если я не набью лифчик черно-белым пудингом, такой завтрак мне не поможет.

Наступила очередь Артура подавиться чаем. Не желая больше обижать обоих, я взяла кусочек бекона, кусочек колбасы и помидор.

— Возьми еще что-нибудь, — произнесла наблюдавшая за мной Розалин. Я в ужасе посмотрела на Артура.

— Пусть сначала это съест, — спокойно произнес Артур, вставая из-за стола и забирая тарелку.

— Оставь, — зашумела на него Розалин, и у меня появилось желание прибить ее мухобойкой. — Тебе же на работу.

— В замке кто-нибудь работает? — спросила я Артура.

— На руинах? — уточнила Розалин.

— В замке, — повторила я и тотчас почувствовала себя его защитницей. Если мы спорим из-за названия, то можем поспорить и из-за мамы. Она совсем сломалась, но мы же не называем ее руинами. Она все

еще женщина. Как бы ни изменился замок, он все еще замок. Не знаю, почему мне в голову пришла эта мысль, но это случилось вечером, и с тех пор я не собиралась называть его руинами.

— А почему ты спрашиваешь? — поинтересовался Артур, засовывая руки в рукава короткой прямой куртки, а потом поверх нее надевая еще одну пуховую куртку.

— Вчера я прогулялась там, и мне показалось, кто-то промелькнул неподалеку. Кто-то небольшой, — торопливо прибавила я, жуя бекон и надеясь, что им не придет в голову запретить мне прогулки.

— Наверно, это была крыса, — отозвалась Розалин, глядя на Артура.

— Ну да! Теперь мне стало легче. Я ждала, что Артур скажет свое слово, но он молчал.

— Тебе не стоит бродить тут в одиночестве, — заявила Розалин, подвигая ко мне поближе тарелку с едой.

— Почему?

Ответа не последовало.

— Ладно, — проговорила я, не обращая внимания на еду. — Все ясно. Это была гигантская крыса в человеческий рост. Но если мне нельзя ходить в замок, то чем тут заниматься?

Опять молчание.

— В каком смысле? — в конце концов спросила как будто испуганная Розалин.

— Ну, что тут делать? Куда пойти? Здесь есть магазины? Например, магазины одежды? Или кафе? Ну хоть что-нибудь тут есть?

— Ближайший город в пятнадцати минутах отсюда, — сказала Розалин.

— Отлично. После завтрака пойду туда. Итак, об этом договорились, — улыбнулась я и откусила кусок колбасы.

На лице Розалин засияла счастливая улыбка, и она, не отрывая от меня взгляда, уперлась подбородком в ладонь.

— В какую сторону надо идти? — спросила я и, проглотив колбасу, показала Розалин пустой рот.

— Ты это о чем?

Розалин поняла намек и отвела глаза.

— Город в какой стороне? Когда я выйду за ворота, то поверну направо или налево?

— О нет, пешком нельзя. Пятнадцать минут на машине. Артур отвезет тебя. Что ты хочешь посмотреть?

— Пока не знаю. Надо же мне оглядеться.

— Артур отвезет тебя и заберет, когда ты скажешь.

— Сколько тебе потребуется времени? — спросил Артур, застегивая верхнюю куртку.

— Понятия не имею, — ответила я, переводя взгляд с Артура на Розалин и обратно и едва справляясь с разочарованием.

— Двадцать минут? Час? Если ты недолго, он подождет, — произнесла Розалин.

— Да не знаю я, сколько мне надо времени. Откуда мне знать? Я же ваш город в глаза не видела и не знаю, приглянется он мне или нет.

Они смотрели на меня, не выражая никаких чувств.

— Лучше мне поехать на автобусе, или что у вас тут есть, и вернуться, когда захочется. Розалин в волнении посмотрела на Артура.

— У нас не ходят автобусы.

— Что? — У меня буквально отвалилась челюсть от изумления. — А как же вы добираетесь куда-нибудь?

— На машине, — коротко ответил Артур.

— Но я не умею...

— Артур тебя отвезет, — вмешалась Розалин. — Или подождет тебя, где ты скажешь. У тебя есть какие-то определенные планы? Артур все сделает. Правда, Артур?

Дядя Артур произвел характерное движение носом.

— Чего ты хочешь? — подавшись вперед и как будто теряя терпение, спросила Розалин.

— Тампоны, — сорвавшись, выпалила я.

Зачем я сказала про тампоны?

Затем, что они достали меня. Дома я привыкла к свободе, а не к испанской инквизиции. Я привыкла приходить и уходить по собственному желанию, бывать где хочу и оставаться там сколько хочу. Даже родители никогда не задавали мне так много вопросов.

Родственники молчали.

Я откусила еще кусок колбасы.

Розалин теребила салфетку, на которой лежали булочки. Артур замешкался у двери в ожидании, надо ему покупать тампоны или не надо. И я поняла, что мой долг развеять сгустившийся туман.

— Не важно, — сказала я, успокаиваясь. — Похожу тут. А в город, если получится, поедем завтра.

По крайней мере, есть о чем помечтать.

— Тогда я пошел, — проговорил Артур и кивнул Розалин.

Она вскочила со стула, словно соломенная кукла на пальце.

— Не забудь флягу. — Она заметалась по кухне, будто остались считанные секунды до взрыва бомбы. — Вот. — Розалин протянула мужу флягу и коробку с ланчем.

Наблюдая за ней, я не могла не улыбнуться. Странно и отчего-то приятно было видеть, как она суетится, отправляя мужа на работу, будто ребенка в школу. Я получила большое удовольствие от этого зрелища.

— Хотите положить это в коробку? — спросила я Артура, показывая на тарелку с едой, которая стояла передо мной на столе. — Мне ни за что на свете этого не съесть.

Мне показалось, что я не сказала ничего особенного. Ну, не могла я съесть все, что было на тарелке, слишком много на нее было всего наложено. Но получилось не совсем то. Собственно, получилось то, что нужно, на мой взгляд, а вот восприняли они это совсем не так, как я предполагала. Собственно говоря, я не хотела ничего выкидывать зазря. Хотела поделиться с Артуром, а вышло так, как будто я опять нанесла Розалин удар ниже пояса.

— Я возьму с собой Ару, так что пригодится, — ответил Артур, и у меня появилось ощущение, что он утешает порозовевшую Розалин, которая тотчас принялась крутиться по кухне, чтобы собрать еще один ланч.

— Все очень вкусно, Розалин, я говорю правду, просто так много я никогда не ем.

Мне не верилось, что из-за завтрака могла возникнуть серьезная проблема.

— Конечно, конечно, — закивала Розалин, словно ей самой не хватило ума это понять. Она собрала продукты и уложила их в небольшой пластиковый бочонок.

Артур ушел.

Я все еще сидела за столом, пытаюсь справиться с тремя тысячами тостов, которых вполне хватило бы на реставрацию замка, когда Розалин принесла поднос из маминой спальни. Вся еда осталась нетронутой. Склонив голову, Розалин прямоиком отправила ее в мусорное ведро. Если учесть то, что произошло перед этим, думаю, Розалин была глубоко обижена.

— У нас не было принято плотно завтракать, — стараясь быть по-нежнее, пояснила я. — Утром мама обычно съедала набор «брекфест-бар» и пила кофе.

Розалин выпрямилась и обернулась в полной готовности поговорить о еде.

— «Брекфест-бар»?

— Знаете, такой набор из овсянки, хлопьев, йогурта, ну и так далее.

— Но... это подают только в баре.

— А какая разница?

— Значит, «брекфест-бар».

Розалин помрачнела.

— Так быстрее. Можно поесть на бегу. — И я сделала попытку объяснить: — Когда едешь в машине или бежишь куда-нибудь.

— Но что же это за завтрак такой? В машине? Мне стоило большого труда не засмеяться.

— Так можно сэкономить много времени.

Розалин смотрела на меня так, словно у меня выросло еще девять голов, потом стала молча убирать в кухне.

— Что вы думаете о маме? — спросила я, выдержав довольно долгую паузу.

Повернувшись ко мне спиной, Розалин протирает стол.

— Розалин! Что вы думаете о мамином поведении?

— Детка, у нее горе, — торопливо отозвалась Розалин.

— Не думаю, что это горе, когда думаешь о слоне в комнате.

— Ах, вот ты о чем. Она не поняла тебя, — с облегчением пояснила Розалин. — Мыслями она далеко от нас.

— В стране попугаев, вот где она, — пробурчала я.

Так как люди постоянно говорили мне о том, что такое «горе», словно я вчера родилась и не понимаю, насколько тяжело терять человека, с которым ты последние двадцать лет не расставалась ни на один день, то я довольно много прочитала на этот счет и узнала, что нет определенного правильного способа проявлять свое «горе». Не знаю, насколько я права или не права, но думаю, что мамино горе было неправильным. Слово «горе» пришло к нам из старо-французского языка, на котором слово «greve» означает «тяжелая ноша». Смысл в том, что горе всеми заключенными в нем чувствами придавливает несчастного к земле. По крайней мере, со мной происходит именно так: словно я изо всех сил тащу себя с места на место, словно это стоит мне больших усилий, а вокруг сплошная темь и грязь. И в голове у меня, причиняя жуткую боль, только такие мысли, каких раньше не было. И все-таки мама?..

Маме не тяжело. Горе не придавило ее. Наоборот, она как будто улетает от нас, как будто она уже оторвалась от земли, но никто не обращает на нее внимания или не замечает этого, лишь я одна стою внизу и держу ее за ноги, пытаюсь водворить обратно.

Глава шестая

Передвижная библиотека

Итак, кухня вычищена и вымыта, отдраена до последнего дюйма, и лишь одну-единственную меня никак нельзя засунуть куда-нибудь на полку.

Никогда еще не видела женщину, которая с такой энергией терла бы и чистила все кругом, да еще с такой целеустремленностью, словно от этого зависела ее жизнь. Розалин закатала рукава, вся покрылась потом, на руках и ногах выступили поразительные бицепсы и трицепсы, когда она скребла пол, вымывая все следы жизни, какие только были в кухне. Я продолжала сидеть и, признаюсь, не без капельки высокомерной жалости, завороченно следила за необязательной, на мой взгляд, но интенсивной деятельностью Розалин.

Потом она ушла из дома, унося с собой свежееиспеченный черный хлеб, от которого исходил такой чарующий аромат, что мой непустой желудок судорожно сжался. Из окна гостиной я смотрела, как Розалин, энергично шагая, переходит дорогу, направляясь в сторону бунгало, и отметила про себя, что в ее походке нет ничего женственного. Задержавшись у окна, я стала ждать того, кто встретит ее, но Розалин обошла бунгало кругом и лишила меня ожидаемого развлечения.

Тогда я воспользовалась возможностью осмотреть дом, в котором мне предстояло жить, радуясь, что Розалин не ходит за мной по пятам и не рассказывает историю каждого предмета, попавшегося мне на глаза, как она делала все утро.

— Это комод. Дубовый. Однажды зимой, когда гремел гром и сверкала молния, дерево рухнуло, и у нас несколько дней не было электричества. Артур не мог спасти его — дерево, конечно, а не электричество. Электричество потом дали. — Розалин взволнованно хихикнула. — Из этого дерева он сделал комод. В нем удобно хранить всякие вещи.

— Артур мог бы сделать из этого бизнес.

— О нет. — Розалин посмотрела на меня так, словно я богохульствую. — Это хобби, это не ради денег.

— А почему не ради денег, если это может быть его бизнесом? Не вижу в этом ничего плохого.

В ответ Розалин пробормотала что-то вроде «еще чего не хватало».

Вслушиваясь в свои слова, я поняла, что говорю в точности как отец, и, хотя я всегда ненавидела такие его рассуждения, а также его стремление из всего сделать бизнес, у меня потеплело на душе. Когда в детстве я приносила из школы свои рисунки, он говорил, что когда-нибудь я стану художницей, но такой художницей, которой будут платить миллионы за ее картины. Если я вступала из-за чего-нибудь в спор, то в его мечтах становилась адвокатом, получающим сотни фунтов в час. У меня оказался неплохой голос, и он отправил меня в студию своего приятеля, чтобы я стала звездой. Дело было не во мне, он поступал так со всеми. Для него жизнь состояла из бесконечной череды возможностей, и не думаю, что это так уж плохо; просто он не сумел с ними справиться. Папа не был страстным поклонником искусств, ему было наплевать на адвокатов, призванных помогать людям, и даже хороший голос не пробуждал в нем никаких особенных чувств. Все дело в деньгах. Поэтому мне кажется вполне закономерным, что в итоге его убила потеря денег. Таблетки и виски лишь ускорили его смерть.

— Смотришь на фотографию? — спросила Розалин, пока я оглядывала комнату. — Он сделал ее, когда мы ездили поглядеть на Мостовую гигантов^[19]. Весь день шел дождь, и по дороге туда еще пришлось менять колесо.

Но это было только начало.

— Смотришь на занавески? Надо их постирать. Вот завтра ими и займусь. Ткань я купила у соседки. Никогда бы не стала это делать, но она иностранка, не знала английского языка, сидела без денег, и у нее только и было, что эта ткань. Мне понравились цветы. Вроде бы они сочетаются с цветами на подушке, как ты думаешь? В гараже еще лежит много такой ткани.

Я пошла в гараж и узнала, что Артур построил его собственными руками уже после того, как она поселилась в этом доме.

Мне показалось это странным. Когда она поселилась в этом доме.

— А кто жил тут прежде?

Розалин посмотрела на меня круглыми глазами и с таким же любопытством, с каким смотрела во время завтрака. И ничего не сказала. Все время она умолкает на самом интересном месте. Просто уходит от ответа, словно не слышит вопроса.

Она до того надоела мне со своими причудами, что я отвернулась и стала изучать коврик, который она на что-то выменяла. Не знаю... Однако, когда я осталась одна и она перестала лезть в мои мысли, у меня появилась возможность оглядеться по-настоящему.

Гостиная произвела на меня впечатление уютной и немного несовременной. Очень даже несовременной, не то что мой дом, который — был — модным и современным. Здесь же повсюду стояли вещи, вещи, вещи. Фотографии, которые не соответствовали обстановке, забавные орнаменты, столы и кресла с длинными веретенообразными ножками на звериных лапах, два дивана с разными покрывалами (одно — голубое в сочетании с цветом слоновой кости и с цветочками, а другое — как будто на нем скакала кошка), кофейный столик, раскладывающийся как шахматная доска. Пол тоже показался мне неровным, с уклоном от камина к книжным полкам, отчего у меня вдруг закружилась голова. Насколько я заметила, больше всего вещей было возле камина. А при виде самого камина я вся покрылась мурашками, не говоря уж о всяких приспособлениях, которые были похожи на орудия из средневековой пыточной камеры: кованые железные кочерги с головами животных, разных размеров совки, старинные мехи, черная чугунная каминная решетка, украшенная с передней стороны фигурой какого-то зверя. Повернувшись спиной к камину, я сосредоточила внимание на книжных шкафах, поднимавшихся в комнате до потолка, и на лестнице — тоже до потолка. В шкафах были, естественно, книги, а еще фотографии, монеты, шкатулки, никому не нужные безделушки и все остальное в этом роде. Большинство книг специфического содержания, по садоводству и кулинарии, что меня совсем не интересовало. Старые, зачитанные, разорванные, некоторые без переплетов, с пожелтевшими страницами, с пятнами от воды — и без единой пылинки. Мое внимание привлекла огромная книга с красным переплетом и до того старая, что у нее почернели страницы от въевшейся красной краски. «Регистр кораблей. 1919–1920. Том 2» Ллойда. Сотни страниц с названиями кораблей в алфавитном порядке, с указанием водоизмещения и потребности в топливе. Поставив том на место, я вытерла руки об одежду, чтобы вирусы 1919 года не добрались до меня. Еще одна книга была посвящена мировым религиям, и на обложке у нее красовался врытый в землю золотой крест с обвившейся вокруг него змеей. Рядом стояла книга с рецептами греческой кухни, но я усомнилась в том, что Розалин готовит на своей плите сувлаки^[20]. По соседству стояла книга «Всё о лошадях», хотя вряд ли в ней было «всё», потому что рядом я обнаружила еще двенадцать книг на ту же тему.

Я прочитала всего лишь первую главу из той книги, которую Фиона подарила мне на похоронах, и это было почти все, что я прочитала за год, так что содержимое здешних книжных полок тоже не особенно меня заинтересовало. Зато альбом с фотографиями явно разжег мое

любопытство. Он стоял на полке с большими книгами, словарями, энциклопедиями, атласами. Старомодный, похожий на обычную книгу, по крайней мере корешок был похож. Я взяла в руки альбом, переплетенный в красный бархат, украшенный золотом, и провела пальцем по бархату, оставляя темный след. Свернувшись клубком в кожаном кресле, я уже представляла, как буду мысленно бродить в чужих воспоминаниях, но едва открыла первую страницу, раздался долгий и настойчивый звонок в дверь. Он нарушил тишину в доме и, наверное, напугал меня, потому что я торопливо спрыгнула с кресла.

Я ждала, я мечтала о том, чтобы Розалин, подобрав юбку до бедер и показывая такие тугие сухожилия, что Джими Хендрикс^[21] мог бы играть на них рок, перебежала через дорогу. Но этого не случилось. Мама молчала, будто ничего не слышала. Снова позвонили в дверь, и, положив альбом на столик, я отправилась к входной двери, ощутив при этом, что дом вроде бы стал мне роднее.

В полупрозрачном стекле я различила мужской силуэт. Когда же открыла дверь, то увидела настоящего красавца. На вид ему было немного за двадцать, темно-каштановые волосы с помощью геля подняты наверх, как воротник спортивной рубашки. Похож на регбиста. Оглядев меня с головы до ног, он улыбнулся.

— Привет, — сказал он, открыв два ряда идеально белых зубов. На подбородке у него заметно отросла щетина. Глаза сверкали небесной голубизной. В руке он держал нечто наподобие пюпитра, с картой.

— Привет, — отозвалась я и, выгнув спину, прижалась к двери.

— Сэр Игнатиус? — спросил он.

— Только не я.

Сказала и улыбнулась.

— Могу я увидеть сэра Игнатиуса Пауэра?

— Сейчас нет. Он уехал на охоту с лордом Каспетом. Молодой человек подозрительно прищурился.

— И когда вернется?

— Полагаю, когда загонит лису.

— Хм-м-м, — задумчиво пробурчал визитер и огляделся. — Лисы здесь быстрые?

— Похоже, вы не здешний. Тут все знают, какие у нас лисы.

— Хм-м-м. Не здешний.

Я прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

— Значит, это может быть долго, — произнес он, и я поняла, что подпадаю под его чары.

— Может быть, даже очень долго.

— Понятно.

Он прислонился к столбу и пристально взгляделся в меня.

— Что? — спросила я с вызовом, чувствуя, что таю под его взглядом.

— А если серьезно?

— Что — серьезно?

— Он живет в здешних местах?

— По крайней мере, не за этими воротами.

— А вы тогда кто?

— Я — Гудвин.

— Спасибо. Но я спрашивал фамилию.

Тут уж я расхохоталась от души.

— Ужасно, сам знаю. Прошу прощения, — проговорил он, насколько я поняла, искренне и со смущенным видом стал сверяться с картой, отчего вытянул шею и его прическа показалась мне сверху еще более взъерошенной.

Поглядев поверх его головы, я обратила внимание на белый автобус с надписью на боку «Передвижная библиотека».

В конце концов он оторвался от карты.

— Что ж, признаю, я заблудился. В моем списке нет Гудвинов.

— Возможно, у вас там значится другая фамилия.

Девичья фамилия моей мамы была Бирн. Значит, у дяди Артура такая же фамилия, и дом числится на эту фамилию. Артур и Розалин Бирны. Дженнифер Бирн звучит как-то не так. Для меня мама как будто всегда была Гудвин.

— Килсани? — с надеждой спросил молодой человек, снова отрываясь от карты.

— Ах, Килсани! — с улыбкой произнесла я, и у него как будто отлегло от души. — Они живут рядом, слева от нас, за деревьями.

— Отлично. Спасибо. Никогда прежде мне не приходилось тут бывать. Я на час опоздал. Какие эти Килсани? — Он потер нос. — Будут ругаться?

Я пожала плечами:

— Они не очень разговорчивы. Но вы не бойтесь, книги они любят.

— Отлично. Вы позволите остановиться тут на обратном пути, чтобы вы могли взглянуть на мои книги?

— Конечно.

Закрыв дверь, я опять расхохоталась. А потом стала с нетерпением ждать его возвращения, и у меня словно бабочки кружились в груди и в животе, будто я вновь стала маленькой девочкой и играла в прятки. Уже

месяц, как я не ощущала ничего подобного. Не прошло и минуты, как послышался шум возвращающегося автобуса. Он остановился напротив дома, и я открыла дверь. Широко улыбаясь, молодой человек вышел из автобуса. Он поднял голову, посмотрел на меня и покачал головой.

— Их нет дома? — спросила я.

Он засмеялся, подходя ближе, и как будто не рассердился, скорее выглядел удивленным.

— Они решили, что им не нужны книги, потому что у них теперь нет второго этажа, нет большей части стен, нет крыши и книжной полки тоже нет.

Я хихикнула.

— Очень смешно, мисс Гудвин.

— Большое спасибо за мисс.

— Меня зовут Маркус.

Он протянул руку, и я пожала ее.

— Тамара.

— Красивое имя, — ласково проговорил он и прислонился к столбу. — А если серьезно, вы знаете, где живет сэр Игнатиус Пауэр из Ордена сестер милосердия?

— Дайте мне вашу карту. Здесь не сэр, а сестра, — медленно проговорила я. — Дурачок. — И я постучала картой по его голове. — Он — монахиня.

Во всяком случае, не трансвестит.

— А... — Библиотекарь рассмеялся и сделал попытку забрать у меня карту, но я крепко держала ее. Он потянул сильнее и вытащил меня на крыльцо. Вблизи он был еще привлекательнее. — Так значит, это вы сестра? — спросил он. — Уже приняли постриг?

— Принимаю только приглашения на обед. Он засмеялся.

— Так кто она такая?

Я пожала плечами.

— Хотите, чтобы я окончательно заплутал?

— Я сама только вчера приехала, поэтому ничего не знаю.

Я не смеялась, когда говорила это, и он тоже не смеялся. Наверное, поверил.

— Тогда будем надеяться, ради вашего же блага, что это правда. — Он поглядел на дом. — Вы живете тут?

Я пожала плечами.

— Даже не знаете, где живете?

— Странный вы человек, путешествуете на автобусе, забитом книгами.

Думаете, я скажу вам, где живу? Слыхала я о таких, как вы, — произнесла я, направившись к автобусу.

— Неужели?

Он последовал за мной.

— Был такой парень, который леденцами заманивал ребятишек к себе в автобус, а потом закрывал двери и увозил несчастных неведомо куда.

— Я тоже слышал о нем, — отозвался библиотекарь, сверкнув глазами. — У него были длинные сальные черные волосы, большой нос, бледная кожа. Он плясал в узких штанах и много пел. И еще ему нравились маленькие коробки.

— Тот самый. Ваш приятель?

— Вот. — Он сунул руку в верхний карман и достал удостоверение. — Вы правы. Надо было показать раньше. Это общественная библиотека с лицензией, короче говоря, действует на законных основаниях. И обещаю, что не буду тащить вас внутрь.

— Разве что я сама попрошу. — Потом я внимательно изучила удостоверение.

— Маркус Сэндхёрст.

— Это я. Хотите взглянуть на книжки? — Он махнул рукой на автобус. — Экипаж ждет.

Я огляделась. Кругом никого, даже мамы не видно. Из бунгало тоже не доносилось ни звука. Тогда я словно бросилась головой в омут и вскарабкалась в автобус, после чего Маркус пропел голосом похитителя: «Дети» — и фыркнул. Я засмеялась.

Внутри, вдоль обеих стен, стояли стеллажи с сотнями книг, разделенных на научные, художественные и так далее. Я стала проводить по ним пальцем, не вчитываясь в заглавия и немного побаиваясь странного человека, с которым осталась один на один. Думаю, Маркус понял это, потому что отступил на пару шагов, давая мне побольше пространства, и встал около открытой двери.

— Какая у тебя любимая книга? — спросила я.

— Ну... «Лицо со шрамом».

— Это фильм^[22].

— Сначала была книга.

— Ну нет. Говори, какая у тебя любимая книга?

— «Колд-плэй»^[23], — произнес Маркус. — Пицца... Не знаю.

— Понятно, — рассмеялась я. — Ты не читаешь.

— Нет. — Он сел на полку, заменявшую стол. — Но надеюсь, эта

работа повлияет на меня в лучшую сторону и я стану книголюбом.

Маркус лениво и неубедительно произнес эту фразу, видимо, повторяя чьи-то слова. Я внимательно смотрела на него.

— Вот оно, значит, как. Твой папа попросил своего друга дать тебе работу.

Маркус сжал зубы и надолго замолчал, так что я уже было решила взять свои слова обратно. Не знаю, зачем я сказала то, что сказала. Даже не знаю, как это у меня получилось. Просто возникло странное чувство, что я угадала. Наверное, угадала в нем свои черты.

— Извини, я не хотела тебя обидеть. Расскажи, чем ты занимаешься, — попросила я, пытаюсь разрядить обстановку. — Ездишь к разным людям и снабжаешь их книгами?

— Как в библиотеке, — сказал Маркус, все еще не совсем остыв от обиды. — Люди приходят, получают членские карточки и берут у нас книги. В мои обязанности входит объезжать города, где нет библиотек.

— Где нет высокоразвитой формы жизни, — подхватила я, и Маркус засмеялся.

— Тебе тут не тяжело? Как местной жительнице?

Я пропустила мимо ушей его вопросы и продолжила изучение заголовков.

— А ты не знаешь, что местные жители предпочли бы книгам? И он улыбнулся.

— Ну нет. — Я тоже улыбнулась. — Вот если бы ты избавился от книг, мог бы сделать немного денег на автобусе.

— Ха! А как же культура?

— У нас тут нет автобусного сообщения. А в пятнадцати минутах езды город. Может быть, скажешь, как туда добираться?

— Ну... в твоём вопросе есть ответ.

— Я не могу поехать на машине, потому что... — Я замешкалась, и Маркус усмехнулся. — Потому что не умею водить машину.

— Что? Хочешь сказать, что папа до сих пор не купил тебе «миникупер»? Это неслыханно, — поддразнил меня Маркус.

— Туше.

— Ладно. — Он соскочил со стола, вновь наполнившись энергией. — Я сейчас еду туда. Как насчет того, чтобы вместе посетить чудесный город, где не ступала нога человека?

Я хихикнула:

— Отлично.

— А тебе не надо кому-нибудь сообщить о поездке? Не хочу, чтобы

меня потом обвинили в похищении ребенка.

— Если я не вожу машину, это не значит, что я ребенок.

Я не сводила взгляда с бунгало. Розалин не возвращалась.

— Уверена? — оглядываясь, спросил Маркус. — Пожалуйста, скажи кому-нибудь.

Ему явно было не по себе, и я, чтобы его успокоить, достав мобильник, набрала мамин номер, хотя мама уже месяц не отзывалась на звонки. И я оставила сообщение на автоответчике:

— Мам, привет, это я. Я рядом с домом в автобусе, в котором много книг, и очень симпатичный парень подбросит меня в город. Вернусь через пару часов. Если не вернусь, парня зовут Маркус Сэндхёрст, его рост пять футов десять дюймов, у него темные волосы, голубые глаза... Татуировки есть?

Маркус поднял футболку. На нем еще была майка.

— У него кельтский крест на животе, нет волос на груди и на лице глупая улыбка. Ему нравятся «Лицо со шрамом», «Колд-плэй» и пицца. И еще он рассчитывает со временем стать книголюбом. Пока.

Я убрала телефон, и Маркус разразился хохотом.

— Ты знаешь меня лучше многих.

— Давай выбираться отсюда, — попросила я.

— А ты всегда такая непослушная?

— Всегда, — ответила я и уселась на пассажирское место, приготовившись к приключениям.

Глава седьмая

Я хочу

До города мы доехали за двадцать минут, не перемолвившись ни единым словом. Надо сказать, что «город» оказался совсем не таким, как я думала. И хотя мои ожидания были ниже нижнего предела, впечатление, которое город произвел на меня, было еще хуже. Захолустный городишко, в котором не только машины, но и лошади не было видно.

Церковь. Кладбище. Два паба. Каменотесная мастерская. Заправка, газетный киоск. Скобяная лавка. И всё.

Наверное, у меня был такой разочарованный вид, что Маркус озабоченно спросил:

— Что с тобой?

— Что со мной? — У меня были круглые глаза, когда я повернулась к нему. — Что со мной? Да у меня, когда мне исполнилось пять лет, деревня Барби была больше этого города.

Маркус не удержался от смеха.

— Ну, не так уж все плохо. Еще двадцать минут — и ты в Даншоглине. Это настоящий город.

— Еще двадцать минут? Да мне и сюда-то нельзя было ехать одной. — Я чувствовала, как у меня колотится сердце от разочарования, как морщится нос и глаза наполняются слезами. Словно перевернулся автобус, и я закричала. На самом деле я не кричала, а шептала. — Какого черта я буду делать тут одна? Куплю лопату и стану хоронить усопших? А потом жевать чипсы и пить пиво с чувством выполненного долга?

Маркус фыркнул и отвернулся, видимо, чтобы не выдать своих чувств.

— Тамара, не так уж все плохо.

— Неужто? Я хочу булочку с корицей и имбирный латте, — проговорила я совершенно спокойно, понимая, что начинаю походить на Вайолет Борегард из «Чарли и шоколадной фабрики». — А тем временем хочу воспользоваться моим ноутбуком, службой Wi-Fi и проверить свою страницу в Facebook. Я хочу в «Топшоп»^[24]. Хочу в Твиттер^[25]. И еще на пляж с друзьями, посмотреть с ними на море и выпить бутылку белого вина. Хочу упиться так, чтобы не стоять на ногах и чтобы меня вырвало. Знаешь, я хочу нормальной жизни нормальных людей. Вот чего я хочу.

— Ты всегда получаешь чего хочешь?

Я не ответила. У меня перехватило дыхание от чувства о-боже-я-влюбилась. И я всего лишь кивнула головой.

— Что ж, — сказал Маркус, оживляясь, отчего у меня комок застрял в горле и голова пошла кругом из-за моего Маркуса. — Давай посмотрим на все с хорошей стороны.

— Какая может быть хорошая сторона?

— Она всегда есть. — Он поглядел налево, потом направо, вытянул руки и сверкнул глазами. — Здесь нет библиотеки.

— О Господи.

Я подняла голову с приборной доски.

— Вот и правильно, — засмеялся Маркус и выключил зажигание. — Поедем куда-нибудь еще.

— А разве без мотора можно куда-нибудь поехать?

— Мы не едем. — Маркус перелез через спинку кресла и стал смотреть книги. — Итак, давай подумаем. Куда бы нам отправиться? — В разделе книг о путешествиях он стал водить пальцем по корешкам и читать вслух: — Париж, Чили, Рим, Аргентина, Мексика...

— Мексика, — прервала я его и встала на колени, чтобы лучше его видеть.

— Мексика, — кивнул Маркус. — Отличный выбор. — Он взял книгу с полки и поглядел на меня: — Ну? Ты идешь? Самолет вот-вот взлетит.

В ответ я улыбнулась и тоже перелезла через спинку кресла. Мы устроились бок о бок на полу в дальнем конце автобуса и отправились в Мексику.

Понятия не имею, насколько он понимал, каким важным было для меня это мгновение. Ведь он спас меня от себя самой, спас от полного отчаяния. А может быть, он как раз хорошо знал, что делает. В самое нужное время словно ангел вошел в мою жизнь со своим автобусом-библиотекой и унес меня из ужасного захолустья в далекую страну.

Однако в Мексике мы пробыли меньше времени, чем рассчитывали. Успели лишь зарегистрироваться в отеле, взглянуть на двуспальную кровать, распаковать вещи и отправиться напрямик на пляж, где я купила бикини в киоске, а Маркус заказал коктейль и собрался один покататься на гидроцикле, так как я отказалась напяливать на себя мокрый костюм. И тут в дверь автобуса постучали, после чего пожилая женщина, смерив меня подозрительным взглядом, стала искать какую-нибудь книжку, чтобы убить свободное время. Мы поднялись с пола, и я тоже принялась ходить вдоль полок, пока Маркус играл роль гостеприимного хозяина. Мне попалась книга о том, как пережить горе, как справиться с собственной бедой или

бедой любимого человека, и я уставилась на нее, а тем временем мое сердце билось как бешеное, словно я нашла волшебную вакцину от всех земных несчастий. Однако я почему-то не хотела взять ее с полки — сама не знаю почему. Наверное, чтобы не увидел Маркус, чтобы не расспрашивал меня, так как у меня не было желания оповещать его о смерти папы. Да и о той девочке, какой я была прежде, тоже. Я была девочкой, чей папа убил себя. А если промолчать, то я не буду той девочкой. Во всяком случае, промолчать сейчас. Пусть я остаюсь той девочкой в душе. Пусть она впадает в ярость, пусть бурлит внутри, а я отправлюсь в Мексику, оставив ее в доме у ворот.

Мое внимание привлекла книга в коричневом кожаном переплете в разделе научно-популярной литературы. Книга была довольно толстой, и на корешке не значилась фамилия автора. Вытаскивая книгу, я ощутила ее необычную тяжесть. Неровные по краям страницы — словно разрезанные.

— Ты как Робин Гуд из мира книг, — произнесла я, когда пожилая женщина покинула автобус, унося под мышкой пикантный романчик, «дай книгу тому, у кого ее нет».

— Похоже на то. Нашла что-нибудь интересное?

— Не знаю. Здесь нет заглавия.

— А на корешке?

— Также нет.

Маркус взял картотечный ящик и, облизав палец, принялся просматривать карточки.

— Как фамилия автора?

— Ее здесь нет.

Нахмурившись, Маркус поглядел на меня:

— Это невозможно. Открой книгу и посмотри внутри.

— Не могу, — рассмеялась я. — Она заперта.

— Ну-ну, Гудвин, тебе как будто смешно? — улыбнулся он.

— Не смешно, — ответила я, не переставая смеяться и направляясь к нему. — Это правда, посмотри сам.

Я протянула ему книгу, и наши пальцы встретились, отчего я вздрогнула всем телом. Страницы книги были стянуты пряжкой, запертой на золотой замочек.

— Какого черта?.. — произнес Маркус, пытаясь отпереть книгу и гримасничая так, что я не могла сдержать улыбку. — Надо же было тебе выбрать единственную книгу, у которой нет автора, нет заглавия, зато есть замок.

Мы засмеялись. Маркус перестал дергать замок, и наши взгляды

встретились.

В эту минуту мне полагалось произнести: «Извини, я еще маленькая». Но я не могла. Никак не могла. И потом, я не ощущала себя шестнадцатилетней девчонкой, я казалась себе старше. Все всегда говорили, что я выгляжу старше. Я хотела быть старше. К тому же у нас не было намерения заняться сексом на полу, и его не могли посадить в тюрьму всего лишь за то, что он смотрел на меня. Все-таки. Что касается меня... Окажись мы в какой-нибудь старой ленте, наподобие «Унесенных ветром», то есть в фильме о Юге девятнадцатого века, о старых добрых временах, когда женщины считались собственностью мужчин и им неоткуда было ждать защиты, и тогда мой возраст не имел бы значения. Валялись бы мы где-нибудь в амбаре на сене, делали что хотели, и никто никого не потащил бы в суд. У меня появилось такое чувство, будто я, как охотник, выследила книгу на полке, а теперь оставалось только открыть ее и вместе с Маркусом оказаться на ее страницах. Увы. На дворе двадцать первый век. Мне шестнадцать лет, почти семнадцать, а ему двадцать два. Я вычитала это из его удостоверения личности. И у меня было достаточно опыта, чтобы понимать: этот парень не дождет моего семнадцатилетия. Редко кто возвращался домой в июле.

— Не огорчайся, — сказал Маркус и заставил меня поднять голову. Я даже не заметила, когда он успел подойти. И вот он совсем рядом. Мы стоим с ним лицом к лицу.

— Это всего лишь... книга.

Тут я поняла, что крепко обеими руками прижимаю к себе тяжелый том.

— Она мне понравилась, — ответила я с улыбкой.

— Мне тоже она нравится, даже очень. Очень красивая книга, но сейчас мы не можем ее прочитать.

Я прищурилась, стараясь понять, не говорим ли мы об одном и том же.

— Это значит, что мы оба будем сидеть тут и смотреть на нее, пока не найдется ключ?

Улыбнувшись, я почувствовала, что у меня зарделись щеки.

— Тамара! — услышала я крик снаружи. Это был визгливый отчаянный крик.

Мы с Маркусом тотчас отвернулись друг от друга, и я бросилась к двери. Розалин. Она бежала через дорогу, лицо у нее было перекошено, глаза горели опасным огнем. На тротуаре возле машины стоял Артур, который показался мне более или менее спокойным. Тогда я вздохнула с некоторым облегчением. Какого черта Розалин мутит воду?

— Тамара, — теряя голос, прошептала Розалин, переводя взгляд с Маркуса на меня и обратно на Маркуса и походя на мангусту в боевой готовности. — Возвращайся домой, девочка. Возвращайся, — повторила она дрожащим голосом.

— Да вернусь, вернусь, — нахмурилась я. — Еще и часа не прошло. Розалин как будто растерялась и посмотрела на Маркуса, словно ожидая от него объяснений.

— Что случилось, Розалин? С мамой все в порядке?

Розалин промолчала. Правда, она открыла рот, но сразу же закрыла его, как будто растеряла все слова.

— С ней все в порядке? — переспросила я, поддаваясь панике.

— Да, конечно, — ответила Розалин. — Она в порядке.

Розалин все еще выглядела растерянной, но потихоньку вроде бы начала успокаиваться.

— А с вами что?

— Я подумала, что ты... — Она не договорила, огляделась кругом и, словно осознав, где находится, выпрямилась, пригладила ладонью волосы и поправила платье, которое помялось от сидения в машине. Сделав несколько коротких вдохов, Розалин как будто окончательно пришла в себя. — Ты поедешь обратно?

— Ну конечно, — хмуро проговорила я. — Мама знает, куда я поехала.

— Ты права, но твоя мама...

— Что с моей мамой? — холодно переспросила я. — Если с моей мамой все так уж хорошо, то какие могут быть ко мне претензии? Я предупредила ее о поездке.

Рука Маркуса лежала у меня на спине, и большим пальцем он проводил по моей талии, отчего мне становилось спокойнее и я не могла забыть о Мексике и обо всех остальных местах, где хотела бы побывать.

— Ты должна поехать с ней, — тихо сказал Маркус. — В любом случае мне пора двигаться дальше. Оставь ее себе, — произнес он, кивнув на книгу, которую я не выпускала из рук.

— Спасибо. Мы еще увидимся?

Он закатил глаза:

— Обязательно, Гудвин. А сейчас иди.

Я пересекла дорогу и уселась на заднем сиденье «лендровера», когда заметила, что на меня во все глаза смотрят три курильщика, вышедшие из паба. В том, что они смотрели, я не нашла ничего необычного, все дело было в том, как они смотрели. Артур кивнул им. Розалин, не поднимая головы, разглядывала пол. Взгляды трех мужчин проводили нас, а потом я

оглянулась, не понимая, что происходит. Они смотрели, потому что никогда прежде не видели меня? Нет, я знала, что дело не в этом, так как они глядели не на меня. Их взгляды были устремлены на Артура и Розалин. Ни я, ни Артур с Розалин за всю дорогу не произнесли ни слова.

Войдя в дом, я отправилась к маме, хотя Розалин сказала, чтобы я этого не делала. Мама все еще сидела в качалке, но не качалась, а смотрела в окно на сад. Немного посидев с ней, я ушла в гостиную и снова опустилась в кресло, в котором сидела до того, как Маркус позвонил в дверь. Потянулась за альбомом с фотографиями, но его и след простыл. Опять Розалин наводила порядок. Вздохнув, я отправилась за альбомом. Но на месте его не оказалось. Он исчез. Я перебрала все книги на полке, но альбома нигде не было.

Услыхав скрип двери, я развернулась в ее сторону. На пороге стояла Розалин.

— Розалин! — воскликнула я, приложив руку к сердцу. — Вы меня напугали.

— Что ты тут делала? — спросила она, сминая, а потом разглаживая фартук, который надела поверх платья.

— Искала альбом с фотографиями, который смотрела раньше.

— Альбом с фотографиями? — переспросила Розалин, склонив голову набок и наморщив лоб, отчего на ее лице появилось растерянное выражение.

— Да, я просматривала его до того, как приехал автобус. Надеюсь, вы не возражаете, что я взяла его и посмотрела, но теперь его нигде нет... — Я подняла руки и засмеялась. — Волшебным образом испарился.

Розалин покачала головой.

— Нет, детка. — Она оглянулась и понизила голос. — Не надо об этом говорить.

Вошел Артур, держа в руке газету, и Розалин замолчала. Артур посмотрел на нее, потом на меня. Явно нервничая, она ответила взглядом на его взгляд.

— Пожалуй, пойду, надо присмотреть за обедом. Сегодня у нас ягненок, — тихо проговорила Розалин.

Артур кивнул и не сводил с нее взгляда, пока она не покинула комнату.

То, как он смотрел на нее, напроць отбило у меня охоту задавать ему вопросы. И еще заставило всерьез задуматься о дяде Артуре.

Вечером я слышала, как они разговаривали в своей спальне. Приглушенные звуки то совсем стихали, то становились громче. Я не совсем поняла, спорили они или не спорили, но это очень отличалось от

того, как они обычно разговаривали. Это был разговор, а не замечания, которыми они обменивались обычно. О чем бы они ни говорили, Артур и Розалин изо всех сил старались, чтобы я ничего не слышала. А когда я прижала ухо к стенке, удивившись неожиданно воцарившейся тишине, дверь моей спальни распахнулась, и на пороге я увидела дядю Артура.

— Артур, — воскликнула я, отпрянув от стены, — вы должны были постучаться! У меня тоже есть права.

Он только что застал меня за подслушиванием, однако ничего об этом не сказал.

— Хочешь, чтобы я завтра утром отвез тебя в Дублин? — проворчал он.

— Что?

— Побудешь у подружки.

Я была на седьмом небе от счастья, «выстрелила» в воздух кулаком и стала звонить Зои, забыв спросить Артура и даже не задумавшись о причине столь неожиданного предложения. Итак, я опять была вместе с Зои. Всего две ночи я провела у дяди с тетей и уже чувствовала себя совсем по-другому в Дублине. Мы отправились на наше обычное место на пляже возле моего дома, который выглядел по-другому, и из-за этого мне было противно на него смотреть. От него уже исходил другой дух, и от этого он тоже стал мне противен. Возле ворот появился знак о продаже дома. Когда я увидела его, у меня кровь застыла в жилах, появилось яростное желание закричать, словно я бенши^[26], поэтому я изо всех сил старалась на него не смотреть. Что-то заподозрив, Зои и Лаура изучали меня, словно я прибыла с другой планеты, буквально «потрошили» свою лучшую подругу и стаскивали с нее верхний слой кожи, как пижаму, не говоря уж о том, что каждое мое слово было внимательно выслушано, проанализировано и неправильно истолковано.

Завидев надпись «Выставлено на продажу», обе мои подружки, выказывая чуткость «Джеронимо»^[27], пришли в восторг. Зои тотчас призвала нас влезть в дом и провести там день, как будто как раз в это время ничего лучше она не могла придумать. Менее импульсивная Лаура нерешительно смотрела на Зои и на меня, пока Зои, повернувшись к нам лицом, оценивала преимущества своего плана. А когда я не произнесла ни слова против, она окончательно прониклась своей идеей и бросилась, словно в омут головой, воплощать ее в жизнь.

Не знаю уж, как мне это удалось, но я подавила волнение, возникшее при мысли о вторжении в тот дом, в котором мой отец убил себя. Потом мы

выпили и посудачили об Артуре и Розалин с их дурацкими деревенскими правилами. Я рассказала девочкам — нет, не просто рассказала, а открыла душу — о Маркусе, о его передвижной библиотеке, и они смеялись, представляя его совершенным дураком, а передвижную библиотеку — самым скучным местом, о каком им только приходилось слышать. Глупо держать дома целую комнату с книгами, а уж доставлять книги и вовсе ни с чем не сравнимый кретинизм.

Меня очень сильно ранили слова подружек, хотя я и сама не совсем понимала, что в них такого особенного. Правда, я постаралась это скрыть, однако один источник волнений и бегства от реальности, спасавший меня целый месяц после смерти отца, мгновенно рассыпался в прах. Это случилось, едва я начала воздвигать стену между мной и Зои с Лаурой. Они сразу догадались. Прищурившись, Зои уставила на меня свой особый препарирующий взгляд, которым удостаивала людей, чем-то отличавшихся от нее, ведь в ее мире самым большим грехом считалось быть не такой, как все. Им не приходило в голову, что эмоциональная встряска, через которую я прошла в течение нескольких недель, должна была до самого нутра и навсегда меня изменить. И они решили, что на меня плохо подействовала жизнь вне Дублина. А я была просто-напросто раздавлена, как растение, которое топтали, топтали, но оно выжило, и, подобно этому растению, я не имела иного выбора, кроме как расти в другую сторону, не так, как прежде.

Когда Зои наскучило, или она испугалась обсуждать темы, о которых не имела понятия, она позвала Фиакру, Гаруа и третьего мушкетера Колма (я называла его Кабаист, что по-ирландски значит «капуста»). Ни разу в жизни у меня не оказалось случая нормально поговорить с ним. Зои завладела Гаруа и уединилась с ним, Фиакра достался Лауре, так как Зои больше не интересовалась им, а Кабаист и я оставались на месте и смотрели на море, пока остальные катались по песку, издавая невнятные звуки. Время от времени Кабаист прикладывался к водке, так что я в любой момент могла подвергнуться нападению. Захватив горлышко губами, он в очередной раз набрал в рот жгучей жидкости, и я стала ждать, когда он запечатлеет на моем лице мокрый, неряшливый, пахнущий водкой поцелуй, который причинит мне боль и спровоцирует позывы к рвоте.

Однако он не спешил.

— Сочувствую тебе, — тихо проговорил он.

От неожиданности я онемела, ощутив наплыв самых разных чувств. Не в состоянии ничего сказать, я и смотреть на него тоже не могла. Смотрела в другую сторону, и ветер трепал мне волосы, закрывая лицо и пряча горячие слезы, которые бежали по щекам.

Меня растоптали, и это было очевидно. Я поставила под сомнение время, и время показало, что я уже не такая, какой была до смерти отца.

Глава восьмая

Тайный сад

Когда я надолго покидала дом, скажем, на время школьной экскурсии за границу или на время поездки с подружками за покупками в Лондон, я всегда брала с собой что-то, напоминавшее мне о нем, — какую-нибудь необременительную безделушку. Однажды на Рождество мы с родителями оказались в гостиничном буфете, и папа стащил крошечного пластмассового пингвина, украшавшего пудинг, и потом сунул его в мой десерт. Таким образом он хотел повеселить меня, но поскольку тот день для меня не отличался от всех остальных, когда я не находила ничего смешного в его поступках и словах, то пингвин, не вызвав у меня никаких эмоций, перекочевал в мой карман. Прошло несколько месяцев. Я была не дома, и вдруг, случайно опустив руку в карман и нащупав пингвинчика, рассмеялась. Хотя и с опозданием, да еще в отсутствие папы, его шутка повеселила меня. В тот же день я переложила пластмассовую фигурку в косметичку, и она стала путешествовать со мной по миру.

Знаете, есть такие вещи, на которые стоит только поглядеть, и они сразу же соединяют тебя с домом, — в общем, с чем-то или кем-то дорогим. Сентиментальной меня трудно назвать; я никогда не была особенно привязана к вещам или людям. И не принадлежала к тем из моих знакомых, которые, стоило им заметить некий пустячок, едва не плакали, потому что задним числом вспоминали, скажем, о каком-то домашнем происшествии, и в эту секунду словно чертенок нашептывал им в ухо, как они были в то время счастливы. Со мной все происходило иначе, так как я возила с собой, например, пингвинчика, чтобы не ощущать полного и абсолютного одиночества. И дело не в сентиментальности, а в простом и застарелом ощущении незащищенности.

Естественно, я не чувствовала ни малейшей привязанности к своему новому дому. Да и пробыла-то я в нем всего пару дней, прежде чем совершилось великое переселение к Зои вместе с книгой, которую я взяла в передвижной библиотеке и которую захватила с собой. У меня все еще не получалось отпереть замочек и, уж точно, не было намерения читать ее в доме Зои, тем более когда подруги рассказали о своем новом развлечении — только послушайте! — гулять без нижнего белья. Если честно, мне было смешно. Я видела фотографию американской телезвезды Синди Монро, в

которой шесть с половиной стоунов веса^[28], пять футов роста, когда она вылезала из автомобиля перед клубом, едва освободившись после сорокавосьмичасовой тюремной отсидки за вождение в пьяном виде. И на ней не было трусиков. Зои и Лаура сочли это большим шагом вперед в деле самоутверждения женщин. Я же думала, что, когда освободительницы женщин сняли лифчики и сожгли их, они вовсе не думали о подобном продолжении. Конечно же я сказала об этом девочкам, и Зои смирила меня своим особым взглядом, прищурившись так, словно она была Королевой сердец^[29], и задумалась, «казнить ее»^[30] или не казнить. Однако почти сразу она широко открыла глаза и произнесла:

— Ну да, правильно, на моем топе был такой большой вырез сзади, что я все равно не могла бы надеть лифчик.

Большой вырез. Совсем мертвый. Любимые фразочки Зои. Или есть вырез, или его нет. Не сомневаюсь, что он был.

Во всяком случае, когда меня отослали к Зои — «отправили прочь», точнее говоря, — у меня появилось ощущение, что мне приказано посидеть в углу и подумать о том, что я совершила. Несмотря на то что я ехала домой и должна была бы вновь почувствовать себя как прежде, ничего подобного не было и в помине. Оказалось, что я привезла в Дублин частичку своего нового мира. Я привезла книгу, и ни на минуту я не забывала, что она лежит в моем чемодане, даже пока спала на выдвижной кровати в комнате Зои и пока мы болтали с Зои обо всем на свете. Я не забывала, что эта непрочитанная книжка из моего нового отвратительного мира слушает меня и пытается понять, как я жила прежде. У меня была свидетельница. И мне захотелось отослать ее домой, чтобы она рассказала всем нашим сверстникам, как я тоскую о своей недавней жизни. Книга стала моей маленькой тайной от Зои и Лауры, утомительной и бесполезной, но все же тайной, которую я прятала в чемодане.

Итак, когда «лендровер» Артура повернул к боковому входу дома в Килсани и меня вновь впихнули в отвратительную не-жизнь, я решила взять книгу и отправиться на прогулку. Я знала: если не пойти в дом и не поведать Розалин о гуляньях без трусиков, она умрет от ожидания, поэтому, призванная судьбой всех наказывать, я отправилась бродить по окрестностям. Еще я знала, что найду маму на том же месте, в ее качалке, на которой она не качается, однако позволила себе помечтать, будто все совсем не так, и она, голая, делает пируэты в саду или что-нибудь еще в таком роде.

Пока мне не представился случай обойти окрестности, ведь я всего

лишь один раз прошла напрямик к замку и обратно, однако сто акров земли оставались пока не изученными. В прошлом все мои визиты ограничивались чаем и сэндвичами с ветчиной в тихой кухне Розалин, пока мама беседовала о безразличных мне вещах с моими странными дядей и тетей. Я бы все сделала — съела бы двадцать мокрых сэндвичей с яйцами и два куска любого кекса, — лишь бы выбраться из кухни и погулять в саду, который окружал дом со всех сторон. Больше меня ничто не интересовало. Видно, негодный из меня получился бы исследователь или путешественник, так как движение всегда утомляло меня. Никогда я не испытывала желания потянуться за чем-то, лежащим чуть дальше, чем на расстоянии вытянутой руки. И в тот день никаких перемен в себе я не ощутила, однако мне было грустно, поэтому, взяв книгу из чемодана, я отправилась в путь, предоставив шмыгающему Артуру отнести чемодан в дом.

По узкой дорожке, затененной тридцатиметровыми дубами, ясенями и тисами, я шла прочь от дома, прочь от замка. В воздухе стоял сладковатый аромат. Земля была мягкой благодаря тысячелетним слоям упавшей листвы и коры, и ноги у меня пружинили, словно я могла бы бесконечно бежать в своей лайкре и при этом еще совершать кувырки. Стояла жара, однако мне было прохладно в тени древних деревьев. Птицы напоминали сверхактивных обезьянок, непрерывно что-то кричавших и по-тарзаньи прыгавших с ветки на ветку. Устав после целой ночи болтовни с подружками, я все же продолжала идти, хотя голова у меня едва не взрывалась от полученной информации — например, Лаура стала принимать противозачаточные таблетки, — но самыми громкими были разговоры, которые я мысленно вела сама с собой. Отключиться от этого мне не хватало сил. Не помню, чтобы когда-нибудь прежде мне приходилось так много думать и мало говорить.

Время от времени, когда деревья все же расступались, я видела вдалеке замок, который смотрел поверх поляны на озеро, испещрившие землю, и на царственные деревья, похожие на знаки препинания. Одинокие, высокие и элегантные тополя словно щекотали небеса, огромные дубы со своими круглыми кронами были похожи на грибы. Вскоре замок снова пропал из виду, как будто играя со мной в прятки, и дорожка стала поворачивать влево — вероятно, чтобы я вновь увидела его. Еще двадцать минут ходьбы — и справа, вдалеке, моему взгляду предстали главные ворота. Я замедлила шаг. Темные готические ворота не заманивали внутрь, ибо все были в цепях, словно пленник, оставленный гнить на обочине. Высокая трава и прочая растительность, которая лезла вверх по относительно новой

калитке, оббивала проржавевшие решетки, как будто махала исхудалыми руками проезжавшим мимо машинам, умоляя накормить ее или отпустить на волю. Когда-то это была главная дорога, и она вела к замку, а теперь о ней забыли, ее не используют и не поддерживают в порядке, отчего она заросла травой, подобно дороге из желтого кирпича, которую я видела в «Возвращении в страну Оз»^[31]. Я вздрогнула. Прежняя слава, видимо, забыта навсегда, однако и меня не тянуло к ней, как тянуло к замку. Фантастичными были ее шрамы. В отличие от замка, который пробуждал во мне желание поднять руку и провести по стенам ладонью, дорожные шрамы казались мне уродливыми и вызывали желание отвести от них взгляд.

Тогда я решила отыскать другую дорогу, чтобы не видеть мрачные готические ворота, поэтому я пошла между деревьями и затем по пустоши. Мне показалось, что безопаснее идти именно между деревьями, а не по старой натруженной дороге, по которой ехали норманны на своих конях, яростно размахивая наколотыми на мечи крестьянскими головами.

Похожие на слоновьи ноги, стволы деревьев завораживали меня своими старческими морщинами. Они срастались друг с другом, как любовники. Некоторые от самой земли поднимались изогнутыми, словно в агонии, и устремлялись в сторону, а потом вверх, укоренившись в другом месте. Корням, видимо, было тесно под землей, и они выступали на поверхность, после чего опять, с претензией на элегантность, исчезали, напоминая плавающих в воде скользких угрей. Я спотыкалась о корни, но каждый раз мне удавалось не упасть благодаря ближайшему стволу. Таковы эти деревья — они подставляли мне подножку и предоставляли необходимую помощь, щекотали меня листьями и паутиной, тыкали в лицо ветками. Когда же я отводила ветки, чтобы освободить проход, а потом отпускала их, они выпрямлялись, словно катапультировались, и бесцеремонно били меня сзади.

От одной рощицы я перешла к другой, с удовольствием вдыхая сладкий воздух. Над цветущими деревьями вились пчелы, с жадностью опускаясь на цветок за цветком, желая их все и не в силах выбрать единственный. На земле валялись, видимо, с незапамятных времен, незнакомые плоды, одни сгнившие, другие высушенные словно чернослив. Остановившись, я подобрала один такой плод, решив определить, на что он похож. Принюхалась. Мерзость. Тогда я бросила его и, вытирая руки, вдруг обратила внимание, что ближайший ствол весь покрыт какими-то надписями. Бедное дерево снова и снова терпело издевательства, словно тыква, из которой вычищают всю мякоть, чтобы сделать прорези. Понятно,

что дерево расписали не за один день, даже не за один год и даже, может быть, не за одну сотню лет. Начиная примерно с семи футов и до земли весь ствол был покрыт разными именами в сердечках или рамках, и все декларировали вечную дружбу и любовь.

Я провела пальцем по надписям «Фрэнк и Элли», «Фиона и Стивен», «Сиобхан и Майкл», «Лори и Роуз», «Мишель и Томми». Все говорили о вечной любви. 4 ever, 2 gether^[32]. Интересно, живы ли еще эти люди. На других деревьях я не нашла ничего подобного. Тогда я отступила назад, чтобы оглядеться, и все поняла. Вокруг несчастного дерева было больше свободного места. Легко представить, как здесь раскладывали одеяла, устраивали пикники, как сюда приходили веселиться друзья и любовники, жаждущие побыть вместе.

Покинув рощу, я стала искать другие посадки. Однако впереди была стена, и так неожиданно закончилась моя игра с деревьями.

Я шла осторожно, стараясь не шуметь, но ветки, сучья, сухие листья выдавали меня. Стоило мне наступить на сучок — раздавался треск, который становился громче и протяженней по времени благодаря эху. У меня не было ни малейшего представления о здании, вставшем на моем пути, однако это был не замок, потому что этот дом располагался гораздо дальше замка. Вроде бы поблизости не должно было быть никаких домов, если не считать ветшавших коттеджей возле других трех входов на территорию замка, но очень давно, в один день, их почему-то все закрыли, а люди, которые в них жили, собрали свои вещи и укатили кто куда. Здесь каменная стена была не такой, как в замке, однако, на мой неопытный взгляд, не очень отличалась от той. Во всяком случае, тоже была старой и осыпающейся. Верхняя линия, видимо, давно стала неровной и очень давно не касалась того, ради чего ее возводили. Крыша исчезла, и теперь оставалась лишь стена. Я не видела ни двери, ни окна, но по большей части стена, в отличие от замка, выжила, несмотря на укусы судьбы, которые необходимы для восстановления энергии. Выйдя на опушку и ощущая себя дикобразом, покинувшим свою естественную среду обитания, чтобы познакомиться с большой дорогой, освещаемой фарами, я не была настроена решительно. Оставив позади могучих друзей, я под их неусыпными взглядами прошла под стеной.

Дойдя до того места, где стена как будто заканчивалась, я завернула за угол и увидела, что это далеко не конец. Потом мне послышалось женское напевное бормотание. Я испугалась. Если не считать дядю Артура, я не ожидала кого-нибудь здесь встретить. Крепко прижимая книгу к груди, я прислушалась. Голос был тихий, приятный, счастливый и звучал слишком

свободно для Розалин, а для моей матери — слишком радостно. Очевидно, женщина попросту убивала время, отвлекалась от каких-то мыслей, и мелодия не показалась мне знакомой, если, конечно, в ее бормотании была мелодия. Летний бриз донес до меня и ее аромат, и ее песню. Тогда я закрыла глаза и, прислонившись головой к стене с другой стороны, стала внимательно слушать.

Но едва мой затылок коснулся стены, женщина умолкла, и я, тотчас открыв глаза, немного отодвинулась.

Потом огляделась. Никого не увидела, значит, и она не могла меня увидеть. Стоило моему сердцу вновь забиться в более или менее привычном ритме, как так называемое пение возобновилось. Я двинулась вдоль стены, не отрывая ладони от серой каменной кладки, словно фиксируя, где есть паутина, где раскрошился камень, где он остался гладким, а где торчат острые края. Так как деревья больше не исполняли роль моего личного зонтика, то я оказалась во власти жаркого солнца. Неожиданно стены не стало, и, подняв голову, я увидела большую, украшенную резьбой каменную арку.

Сначала я сунула внутрь голову, чтобы меня не заметила таинственная певица, и обнаружила обнесенный стеной сад — насколько я могла заметить, в отличном состоянии. Со своего места я разглядела множество роз; разбитые у подножия вьющихся роз большие клумбы с распустившимися цветами, которые с двух сторон обрамляли дорожку, что шла от другого входа. Расхрабрившись, я сделала несколько шагов, чтобы осмотреть остальной сад. В центре были другие цветы — герани, хризантемы, гвоздики и такие, названия которых я не знала. Цветы росли в подвесных корзинах и больших каменных горшках с резьбой, обрамлявших дорожки. Мне с трудом верилось, что я на самом деле вижу подобный оазис, как будто у некоего человека в руках оказалась шипучка, человек потряс ею и открыл бутылку, после чего внутри обваливающихся стен все кругом залила шипучая красота. Пчелы летали от цветка к цветку, виноград карабкался вверх по стенам, окружавшим прекрасные растения. Я вдыхала аромат розмарина, лаванды и мяты, которые росли неподалеку. В углу стояла маленькая теплица, а рядом с ней около дюжины деревянных ящичков на ножках, и только тогда мне стало ясно, что любопытство завело меня слишком далеко, я вторглась в чужие владения. Пение прекратилось.

Я понятия не имела, чего ждать, и уж точно не ожидала увидеть то, что увидела. Пение доносилось до меня с другого конца сада, и там стояла женщина, смотревшая на меня так, словно я прилетела с другой планеты. На ней было нечто вроде скафандра, голова повязана черной вуалью, на

руках резиновые перчатки и на ногах невысокие резиновые сапожки. Она смотрела на меня так, будто только что вышла из космического корабля на территорию, зараженную после взрыва атомной бомбы.

Неловко улыбнувшись, я помахала ей свободной рукой:

— Здравствуйте. Я пришла с миром.

Женщина стояла неподвижно, как статуя, и пристально смотрела на меня. Мне стало немного не по себе, и, как обычно в таких случаях, я выпалила:

— Какого черта вы на меня так смотрите?

Не знаю, как она восприняла мою грубость, поскольку на ней был шлем Дарта Вейдера^[33]. Еще немного помедлив, пока я ждала, что она назовет меня Лукой и скажет, мол, она мой отец, она весело произнесла, словно очнувшись от транса:

— Что ж, я знала, что у меня маленькая гостья. Она сняла головной убор и оказалась намного старше, чем я ожидала, лет семидесяти с хвостиком.

Когда женщина направилась ко мне, я была почти уверена, что закон гравитации ее не касается. На лице у нее я заметила много, даже очень много, морщин, и кожа висела так, словно ее плоть истаявала с течением времени. Но голубые глаза сверкали, как Эгейское море, напомнив мне о том дне на папиной яхте, когда я смотрела вниз и видела песчаное дно и сотни разноцветных рыбок. А вот ей смотреть ни на что не надо было, потому что в ее ясном взоре отражался весь свет солнечного дня. Она сняла перчатку и протянула мне руку.

— Я сестра Игнатиус, — с улыбкой произнесла женщина, не встряхивая мою руку, но беря ее в обе свои руки. Несмотря на жару и тяжелые перчатки, ее руки оказались сухими и прохладными, как мрамор.

— Вы монахиня, — выпалила я.

— Да, — рассмеялась она. — Я монахиня. И была там, когда это случилось.

Наступила моя очередь рассмеяться, так как некоторые тайны обрели смысл. Шкаф, уставленный банками с медом, дюжины ящиков в обнесенном стеной саду, странный наряд старой женщины.

— Вы знакомы с моей тетей.

— Ну...

Я не понимала, как нужно отнестись к такому ответу. Она не выказала удивления и ни о чем не спросила меня, но все еще не выпускала мою руку. Мне тоже не хотелось шевелить рукой, все-таки ее держала монахиня, и я нервничала, потом заговорила вновь:

— Мою тетю зовут Розалин, а дядю Артуром. Он здесь садовником. А живут они в доме у ворот. Теперь мы тоже живем с ними... с недавних пор.

— Мы?

— Я и мама.

— А...

Она так высоко подняла брови, что они стали похожи на гусениц, которые вот-вот превратятся в бабочек и улетят.

— Разве Розалин не сказала вам?

Я была и обижена, и в то же время благодарна Розалин за то, что она берегла наш покой. По крайней мере, здешнее захолустье не перемывало нам кости.

— Нет, — ответила сестра Игнатиус. — Нет, — повторила она, не улыбнувшись и словно положив конец разговору.

Кажется, ей было неприятно, и я бросилась на защиту Розалин, попытавшись сохранить их дружбу или недружбу.

— Уверена, она берегла наш покой, давала нам время, чтобы... чтобы справиться... прежде чем она всем расскажет.

— Справиться с чем?..

— С переездом сюда, — с запинкой произнесла я.

Наверное, нехорошо лгать монахине? Но я не совсем лгала... Короче говоря, я запаниковала. И вся покрылась липким потом. Сестра Игнатиус что-то говорила, она открывала и закрывала рот, но я не слышала ни слова. Я думала о том, что солгала ей, что нарушила десять заповедей, что меня ждет ад, но и не только об этом, еще о том, как было бы здорово обо всем рассказать ей. Она же монахиня, и мне необходимо сделать попытку и поверить ей.

— У меня умер папа, — выпалила я, остановив поток приятных слов, которые сестра Игнатиус, по-видимому, произносила. Я услышала, как дрогнул мой голос, когда я произносила эту фразу, и сразу же, словно ниоткуда, как это случилось раньше с Кабаистом, слезы ручьями побежали по моим щекам.

— Ох, детка, — сказала сестра Игнатиус, принимая меня в свои объятия.

Нас разделяла книга, когда я прижималась к этой женщине, которую совершенно не знала, но она была монахиней, и я положила голову ей на плечо и не убирала, пока рыдала во весь голос, а она гладила меня по спине и тихонько покачивала. Я совершенно искренне лепетала: «Почему он это сделал? Почему-у-у-у?..» — когда пчела, ударившись о мое лицо, уселась прямо мне на губу. Тогда я закричала и вырвалась из рук сестры Игнатиус.

— Пчела! — взвизгнула я и замахала руками, чтобы отогнать ее. — О Господи, заберите ее!

Сестра Игнатиус внимательно смотрела на меня своими сверкающими глазами.

— Боже мой, сестра Игнатиус, пожалуйста, избавьте меня от пчелы. Фу! Фу! — Я беспрерывно махала руками. — Вас она послушается. Это же ваши чертовы пчелы.

Сестра Игнатиус погрозила пальцем и прокричала низким голосом:

— Себастьян! Нет!

Я перестала махать руками и в изумлении уставилась на нее. Слез словно и не было.

— Вы шутите! Как можно различать пчел по именам?

— Ну, вон там на розе сидит Джемайма, а на герани — Бенджамин, — оживленно проговорила она, и глаза у нее не переставали сверкать.

— Не может быть, — сказала я и провела ладонью по лицу, смущенная своим ором. — Похоже, у меня проблемы с психикой.

— Да нет, конечно же я не всерьез, — засмеялась она таким замечательным, чистым, детским смехом, что я не могла не улыбнуться.

И в эту минуту я поняла, что люблю сестру Игнатиус.

— Меня зовут Тамара.

— Да, — произнесла она, не сводя с меня изучающего взгляда, словно это не стало для нее новостью.

Я опять улыбнулась. У нее было такое лицо, что мне все время хотелось улыбаться.

— А вам можно разговаривать? Разве вы не должны молчать? — Я огляделась. — Не бойтесь, я никому не скажу.

— Многие сестры были бы тебе благодарны, — фыркнула она, — но мне разрешено говорить. Я не давала обета молчания.

— А... И другие монахини презирают вас за это?

Она опять засмеялась чисто, ясно, словно запела.

— Значит, вы давно не видели людей? Это против правил? Не бойтесь, я не скажу. Хотя Обама нынче президент США, — пошутила я. Она не ответила, и моя улыбка погасла. — Черт. Неужели вы этого не знаете? Ничего не знаете о «внешнем мире»? Похоже, быть монахиней все равно что быть во власти Большого брата^[34].

Сестра Игнатиус словно вышла из транса и засмеялась опять, отчего лицо у нее стало совсем младенческим, вроде как это было с Бенджамином Батоном^[35].

— Ты странная девочка, — с улыбкой произнесла она, и я очень постаралась не обидеться.

— Что это ты принесла с собой? — спросила сестра Игнатиус, глядя на книгу, которую я все еще прижимала к груди.

— А, это. — Я перестала прижимать ее к себе. — Я нашла ее вчера в... Ой, наверное, я задолжала вам книгу?

— Не глупи.

— Нет, правда. Маркус, ну тот, который работает в передвижной библиотеке, приехал позавчера. Он искал вас, а я не знала, кто вы такая.

— И поэтому ты должна мне книгу, — проговорила она, сверкнув глазами. — Дай посмотреть, чья это книга?

— Не знаю, кто ее написал. Но это не Библия и не святые тексты, поэтому она вряд ли вам понравится. — Мне совсем не хотелось отдавать книгу. — Возможно, в ней порнографические картинки, ругательства, гомосексуалисты, разведенные жены и мужья.

Глядя на меня, она поджала губы, стараясь не рассмеяться.

— Я не могу ее открыть, — пояснила я, отдавая ей книгу. — Она заперта на замок.

— Что ж, давай посмотрим. Идем со мной.

И она направилась к одному из входов в сад, аккуратно держа в руках книгу.

— Куда вы идете? — спросила я, едва поспевая за ней.

— Куда мы идем, — поправила ее сестра Игнатиус. — Повидаешься с сестрами. Они будут тебе рады. А я тем временем открою книгу.

— Ну нет.

С этими словами я постаралась догнать ее и отобрать книгу.

— Нас всего четверо. И мы не кусаемся. Особенно когда едим яблочный пирог сестры Марии. Только не говори ей, — фыркнув, почти прошептала сестра Игнатиус.

— Сестра, пожалуйста, я не умею разговаривать со святыми людьми. Понятия не имею, о чем с ними можно беседовать.

А она смеялась и смеялась, продвигаясь в своем фантастическом костюме в сторону сада.

— Что за дерево, на котором много надписей? — спросила я, стараясь не отставать от нее.

— А, ты побывала в яблонево́м саду? Знаешь, говорят, что та яблоня — дерево любви, — сказала сестра Игнатиус, и ее глаза округлились, а когда она улыбнулась, на щеках появились ямочки. — Много молодых людей приходят сюда, чтобы увековечить свою любовь. — И она твердой

поступью зашагала дальше, словно оставляя позади волшебную историю любви. — Плюс это хорошо для пчел. А пчелы хороши для деревьев. Футы, заговорила банальностями. — Она фыркнула. — Артур отлично поработал, чтобы сохранить сад. У нас самые вкусные яблоки «Грэнни Смит».

— Значит, поэтому Розалин каждый день печет три тысячи яблочных пирожков. Я уже так переела яблок, что они у меня лезут из...

Сестра Игнатиус посмотрела на меня.

— ...из ушей.

Ее смех вновь напомнил мне веселую песенку.

— А как получилось, — спросила я, хватая ртом воздух, — что вас тут всего четверо?

— В наше время немногие хотят стать монахинями. Это, как вы говорите, не прикольно.

— Дело не в прикольности или в неприкольности, не в оскорблении Бога и ни в чем таком, дело в сексе. Если бы вы разрешили секс, уверена, многие девушки захотели бы стать монахинями. Несмотря на оценки, я бы тоже была с вами.

И я закатила глаза.

Сестра Игнатиус рассмеялась.

— Все в свое время, детка, все в свое время. Тебе ведь всего семнадцать, почти восемнадцать?

— Шестнадцать.

Она остановилась и внимательно, с любопытством посмотрела на меня:

— Семнадцать.

— Через несколько недель будет семнадцать, — сказала я и затаила дыхание.

— Через несколько недель будет восемнадцать. Она нахмурилась.

— Как мне ни жаль, но мне шестнадцать, правда, многие думают, что я выгляжу старше.

Сестра Игнатиус вновь посмотрела на меня, словно увидела в первый раз, и мне показалось, что я чувствую, как у нее от напряжения горят мозги. Но тут она вновь двинулась в путь. Пять минут спустя я начала задыхаться в отличие от сестры Игнатиус, и мы миновали еще несколько зданий, похожих на надворные постройки и на старые конюшни. И еще церковь.

— У нас тут часовня, — пояснила сестра Игнатиус. — Ее построили Килсани в конце восемнадцатого века.

Я вспомнила, как занималась этим проектом в школе, и не могла

отвести глаз от часовни, не в силах поверить, что эссе в Интернете, списанное мной, было не просто моей домашней работой, а рассказывало о реальном строении — о маленькой часовне из серого камня, с двумя колоннами спереди, потрескавшимися, словно земля в пустыне, десятки лет не получающая воды. На верху часовни находилась башня с колоколом. Рядом — старое кладбище, обнесенное с трех сторон проржавевшей железной оградой. Непонятно, то ли она должна была не пускать мертвых наружу, то ли любопытствующих — внутрь, однако меня затрясло от одного взгляда на нее. Не сразу я сообразила, что остановилась, заглядевшись на нее, — и сестра Игнатиус остановилась, глядя на меня.

— Отлично. Я живу на кладбище. Просто великолепно.

— Все Килсани похоронены тут, — проговорила она негромко. — Во всяком случае, насколько известно. Для тел, которые не нашли, все равно были поставлены надгробные камни.

— Что значит «для тел, которые не нашли»? — в ужасе переспросила я.

— Тамара, они участвовали в войнах. Кое-кто из Килсани был арестован и отправлен в Дублинский замок^[36]. Другие путешествовали или принимали участие в восстаниях.

Мы молчали, пока я рассматривала старые надгробия, одни позеленевшие и покрытые мхом, другие почерневшие и покосившиеся. Надписи настолько поблекли, что их невозможно было разобрать.

— Здесь очень страшно. А вы тут живете?

— И молюсь тут.

— Молитесь о чем? Чтобы стены не упали вам на голову? Кажется, они могут развалиться в любую минуту.

Сестра Игнатиус рассмеялась:

— Здесь все еще есть святая церковь.

— Ну, конечно. И службы каждую неделю?

— Нет, — с улыбкой ответила она. — В последний раз тут служили... — Она крепко зажмурилась и задвигала губами, то открывая их, то закрывая, словно перебирала четки. Потом широко открыла глаза. — Послушай, Тамара, тебе следует проверить наши записи, чтобы установить точную дату. Там есть и все имена. Книги с записями в доме. Пойдем сейчас и посмотрим, почему бы нет?

— Ну... Нет. Но все равно спасибо.

— Думаю, ты сделаешь это, когда будешь готова, — произнесла сестра Игнатиус и пошла дальше. Я старалась не отставать.

— Вы давно тут живете? — спросила я, подходя к надворному

строению, которое использовали как сарай для хранения садовых инструментов.

— Тридцать лет.

— Тридцать лет? Наверное, вам было тут очень одиноко?

— О нет, можешь не верить, но очень давно, когда я приехала, здесь жило много народа. И три сестры были куда как подвижнее в те времена. Я самая младшая, почти малышка. — И она опять подетски рассмеялась. — Здесь был замок, был дом у главных ворот... в общем, времена были другие. Но мне нравится теперешняя тишина. Покой. Природа. Простота. Настала пора уgomониться.

— А я думала, замок сгорел в двадцатых годах.

— Он горел много раз. И в тот раз сгорел лишь частично. Владельцы изрядно поработали, чтобы восстановить его. И они поработали замечательно. Красивый был замок.

— И внутри вы были?

— Ну конечно же. — Ее удивил мой вопрос. — Много раз.

— Так что же все-таки случилось?

— Пожар, — проговорила она и отвернулась, ставя ящик с инструментами на загроможденный стол и открывая его. Пять ящичков были заполнены гайками и болтами. Сестра Игнатиус была похожа на всеумещающую-делать-собственноручно сороку.

— Еще один? — переспросила я, округлив глаза. — Честное слово, это странно. У нас дома была прямая связь с пожарной станцией. Знаете, как я это выяснила? Курила в своей комнате и не хотела открыть окно, потому что снаружи стоял адский холод, а когда открывала дверь, родители закрывались, потому что у них от меня болела голова. А я еще включила музыку на всю громкость, и не прошло пяти минут, как пожарный выбил мою дверь и уже хотел было тушить пожар...

Потом я замолчала, а сестра Игнатиус, пока слушала меня, глядела на свой ящик с инструментами.

— Кстати, он тоже решил, что мне семнадцать лет, — со смехом произнесла я. — Потом он позвонил мне, но к телефону подошел папа и пригрозил, что отправит его в тюрьму. Эффектная была речь.

Молчание.

— Никто не пострадал? — спросила я.

— Пострадал, — ответила она, и, когда взглянула на меня, я обратила внимание, что у нее глаза полны слез. — К несчастью, пострадал.

Она смахнула слезы и начала с шумом перебирать инструменты, так что ее морщинистые, но крепкие руки стремительно замелькали между

гвоздями и отвертками. На правой руке сестры Игнатиус я заметила золотое кольцо, очень похожее на обручальное и буквально вросшее в палец. Почему-то мне пришло в голову: а сможет ли она снять его, если понадобится? Мне хотелось расспросить сестру Игнатиус о замке, но я боялась огорчить ее еще сильнее, так как она с необъяснимым грохотом крутила инструменты в поисках особенной отвертки, о которой мне не приходилось слышать.

Она искала и искала нужную отвертку, парочку даже вытащила и повертела в руках. Я же заскучала и отправилась бродить по гаражу. Все стены были уставлены полками со всяким хламом. Стол занимал почти все пространство между тремя стенами, и на нем лежало много такого, что я видела в первый раз и не представляла, как этим пользоваться. Короче говоря, я увидела пещеру Аладдина для домашнего умельца.

Пока я осматривалась в гараже, в моей голове множились вопросы. Значит, замок был обитаем и после пожара 20-х годов. Сестра Игнатиус сказала, что живет тут тридцать лет и бывала в замке после его восстановления. Значит, это было в конце 70-х. Меня довольно сильно впечатлило то обстоятельство, что замок после пожара простоял еще очень долго.

— А где они?

— Внутри. Отдыхают. Сейчас по телевизору сериал «Она написала убийство». Им очень нравится.

— Нет, я спросила о Килсани. Куда они подевались? Сестра Игнатиус вздохнула:

— Родители уехали в Бат к своим кузенам. Им было невмочь смотреть на разрушенный замок. К тому же, не забывай, у них не было ни времени, ни сил, ни денег на его восстановление.

— А потом они приезжали сюда?

Она с грустью поглядела на меня:

— Тамара, они умерли. Извини.

Я пожала плечами:

— Ничего. Какое мне до них дело?

Я проговорила это слишком вызывающе, слишком дерзко. Почему? Мне действительно не было до них никакого дела. Я не была с ними знакома — так почему же меня должна волновать их судьба? А она меня, клянусь, волновала. Может быть, потому, что умер папа и всякая печальная история как будто становилась моей историей? Не знаю. Май, моя няня, любила смотреть программы о реальной жизни. Когда мамы и папы не было дома, она оккупировала телевизор в гостиной и не отрывалась от

«Секретных материалов», от которых я сбегала подальше. Не из-за кровавых картинок — я видела и похуже, — а оттого, до какой степени Май была поглощена тем, как заматались следы преступлений. Мне даже казалось, что она собирается убить нас, когда мы будем спать. Однако она делала лучший в мире кофе с молоком, и я не очень заикливалась на возможности убийства на случай, как бы не обидеть ее и получить свой кофе. Из одного шоу я узнала, что слово «ключ» (clue) пришло к нам от слова «slew», имевшего значение «клубок» или «нить», потому что в Древней Греции пользовались клубком, чтобы отыскать дорогу назад из лабиринта Минотавра. Это помогает отыскивать конец чего-то или, может быть, начало. То же самое с навигатором Барбары и моими крошками из дома Артура и Розалин до Киллини. Иногда у нас нет ни малейшего представления о том, где мы находимся, и потому нуждаемся в самом маленьком ключике, чтобы понять, как искать начало.

Наконец отыскался ключ.

— Сестра Игнатиус, вы темная лошадка, — поддразнила я ее.

И мы обе рассмеялись. Пока монахиня открывала тяжелый переплет, сердце у меня трепетало от волнения. Зои и Лаура говорили, что не надо это делать, и я слушала их, пока новая Тамара не прогнала своих бывших подружек взащей. Однако стоило сестре Игнатиус открыть замок, и мне опять стало не по себе, да еще я разозлилась оттого, что в книге ничего не было. Страницы были чистыми.

— Хмм-м-м... Посмотри-ка, — произнесла сестра Игнатиус, переворачивая толстые, немного пожелтевшие, с неровными краями страницы, которые выглядели так, словно были сделаны в другом времени. — Пустые страницы ждут, когда их заполнят, — проговорила она таинственно.

— Как странно.

Я округлила глаза.

— Более странно, чем если бы они были заполнены. Тогда ты точно не могла бы воспользоваться книгой.

— Но тогда я могла бы ее прочитать. И она по праву называлась бы книгой, — парировала я и вновь почувствовала разочарование.

— А ты предпочла бы получить уже прожитую жизнь? Чтобы ты могла сесть где-нибудь в уголке и прочитать ее? Тамара, неужели тебе не хочется прожить свою жизнь? — спросила она, и в глазах у нее засветилась улыбка.

— Но она же у вас в руках, — сказала я, отступая на пару шагов и не желая получать обратно книгу, которую столько времени прижимала к

груди, так как чувствовала себя обманутой.

— Нет, дорогая. Это твоя книга. И ты должна использовать ее по назначению.

— Не буду писать. Ненавижу ее. Она бьет меня по пальцам. И у меня от нее болит голова. Я предпочитаю послания по электронной почте. Нет, не могу. Она принадлежит передвижной библиотеке. Надо вернуть ее Маркусу. Я должна с ним встретиться и отдать книгу обратно.

Я заметила, что к концу моего монолога голос у меня стал тише. И я неловко попыталась скрыть улыбку.

От сестры Игнатиус ничто не могло укрыться, и она насмешливо наморщила лоб.

— Что ж, ты можешь повидаться с Маркусом и обсудить книгу, — поддразнила она меня. — Он решит, и я так думаю, что кто-то, верно, отдал дневник в библиотеку, приняв его за настоящую книгу.

— Если я возьму его, то не получится, что я нарушаю Заповеди или что-нибудь еще?

Сестра Игнатиус закатила глаза, и, несмотря на плохое настроение, я не могла не усмехнуться.

— Мне нечего писать, — сказала я на сей раз куда менее агрессивно.

— Всегда что-нибудь да найдется. Запиши свои мысли. Уверена, у тебя много разных мыслей.

Я взяла книгу обратно, всем своим видом показывая, насколько она мне неинтересна, и произнесла целую речь о том, что только дураки ведут дневники. Однако, несмотря на это, я с удивительным облегчением вновь ощутила книгу в своих руках. Это было правильно.

— Пиши все, что у тебя на уме, — сказала сестра Игнатиус, показывая рукой на висок. — И здесь, — добавила она, показывая на сердце. — Один великий человек назвал это «тайным садом». У всех людей есть такой сад.

— Это был Иисус?

— Нет. Брюс Спрингстин^[37].

— Сегодня я нашла вас, — улыбаясь, произнесла я. — И вы, сестра, больше не тайна.

— Ну вот, ты поняла. Всегда приятно делиться своими тайнами с кем-нибудь. — Она показала на книгу: — Или с чем-нибудь.

Глава девятая

Долгое прощание

Сумерки уже сгустились к тому времени, когда я вернулась в дом у ворот, да и желудок давал о себе знать, так как в последний раз я ела днем, когда мама Зои накормила нас американскими блинчиками с черникой. Опять Розалин стояла в дверях, высматривая меня, и, когда она поворачивала голову то вправо, то влево, каждую минуту ожидая моего появления, словно из пустоты, у нее было постаревшее, расстроенное лицо. Сколько же времени она простояла так?

Заметив меня, она встрепенулась и стала машинально разглаживать юбку от платья шоколадного цвета с зеленой веткой от подола до воротника. Возле груди сидела бойкая птичка, и еще одну я потом заметила рядом с левой ягодицей. Не думаю, что дизайнер нарочно сотворил подобное, просто рост Розалин сыграл с ней злую шутку.

— Ну наконец-то, детка.

Мне хотелось бросить ей, что я уже не ребенок, но, скрипнув зубами, я изобразила улыбку. Ясно, что надо быть терпимее с ней. Сегодня, Мэтью, я буду Тамарой Добренькой.

— Твой обед в духовке. Больше нельзя было ждать. Я слышала, как его желудок взывает ко мне из руин.

Слова Розалин вызвали во мне нешуточное раздражение. Во-первых, я обратила внимание, что она никогда не называет Артура по имени; во-вторых, наши пререкания опять и опять крутились вокруг еды, и, в-третьих, она назвала замок руинами. Вместо того чтобы топнуть ножкой, Тамара Добренькая улыбнулась и ласково проговорила:

— Спасибо, Розалин. Дайте мне пару минут, и я буду готова.

Я уже хотела было двинуться к лестнице, но меня остановило почти незаметное движение, разворот, и, как это бывает у бегуна, когда он уже почти слышит грохот стартового пистолета, я застыла на месте. Не глядя на Розалин, я ждала, что она скажет.

— Не беспокой маму, она спит.

Она уже не сдерживала себя в страстном желании услужить. Мне было трудно понять ее, но, наверное, и она не могла понять меня. Короче говоря, Тамара Не-Слишком-Добренькая зашагала вверх по лестнице. Тихонько постучавшись в дверь маминой спальни и не обращая внимания на

обжигавший меня взгляд Розалин, я не стала ждать приглашения и вошла внутрь.

В комнате было темнее, чем прежде. Несмотря на опущенные занавески, сюда все же проникали лучи солнца, которые к вечеру сделались мягче и слабее. В первый раз за последний месяц мама была похожа на мою маму, но не из-за ее материнских инстинктов. Она была укрыта по грудь желтым одеялом, руки вытянуты вдоль тела и крепко прижаты к бокам, как будто гигантский паук скрутил ее в своей паутине, намереваясь убить и съесть. Только Розалин могла так уложить маму, потому что самой маме это было бы не под силу, она не смогла бы так плотно подоткнуть одеяло. Тогда я освободила ее из жуткого плена, положила поверх одеяла ее руки и опустилась на колени возле кровати. У мамы было такое мирное выражение на лице, словно она сделала себе любимую свежую маску, намазалась йогуртом и расслабилась, принимая спа-процедуру. Она лежала не шевелясь, и я даже наклонилась над ней, желая удостовериться, что она дышит.

Потом я долго смотрела на нее, на ее светлые волосы, рассыпанные на подушке, на длинные ресницы, отбрасывающие тени на идеально сохранившуюся кожу. Слегка раздвинув губы, она тихонько выдыхала теплый, сладкий воздух.

Вероятно, рассказывая свою историю, я была несправедлива к маме. Безутешная вдова в ночной рубашке с широкими рукавами, которая старит ее, сидит в кресле-качалке и бессмысленно смотрит в окно. Но она совсем не старая. И даже еще очень красивая.

Маме всего тридцать пять лет, гораздо меньше, чем мамам моих подружек. Она родила меня в восемнадцать лет. Папа был старше, ему тогда уже исполнилось двадцать восемь. Ему нравилось рассказывать мне, как они встретились, и каждый раз он рассказывал эту историю по-разному. Кажется, он наслаждался, оставляя неприкосновенной тайну, известную только ему и маме. И мне тоже нравилось, поэтому я никогда не требовала рассказать мне всю правду. Возможно, сделай он это, и не было других историй, которых я наслышалась вдоволь. Общим знаменателем во всех папиных рассказах было то, что они оба оказались на каком-то шикарном банкете, и, когда встретились взглядами, он сразу понял, что мама — его судьба. Как-то я рассмеялась и сказала ему, что он в точности так же говорил о кобылке, которую увидел в Гоффсе.

Папа замолчал, перестал улыбаться и отстранился от нас, вероятно, пожалев, что у него дочь-подросток, ну а мама в тишине, видимо, обдумывала мои слова. Мне хотелось сказать, что я ничего такого не имела

в виду, что попросту не могу удержаться и не брякнуть лишнее, что не имела намерения им досадить. Но для того, чтобы сказать это моим родителям, я была слишком гордой. У меня не было привычки извиняться. Однако взять свои слова обратно мне помешала не только гордость, я была более или менее уверена, что попала в точку. Папа действительно произнес эти слова, когда рассказывал об аукционе. Точно так же он говорил, когда видел новые часы, новую яхту, новый костюм: «Ты бы видела его, Дженнифер. Я не могу его не купить». Если папе что-то хотелось, он это получал. Удивляюсь, насколько мама поддавалась ему и не умела противостоять, когда он покупал кобылку в Гоффсе, яхту в Монако и все остальное по всему миру, что имело несчастье ему понравиться. Но если она была такой безвольной, то почему я должна ее жалеть?

Не сомневаюсь, что папа любил маму. Обожал ее. Смотрел на нее, прикасался к ней, открывал перед ней двери, покупал ей цветы, туфли, сумки, постоянно делал неожиданные подарки, показывая, что не забывает о ней никогда. И так же постоянно говорил ей комплименты, причем по самым нелепым поводам, чем ужасно меня раздражал. Зато мне он никогда не говорил комплименты. И, что бы там ни писал Зигмунд Фрейд, я ничуть не ревновала — он был моим папой, а не моим мужем, и в моем случае правила не сработали, что бы там ни считали психоаналитики. Тем не менее. Нельзя потерять дочь, разве не так? Дочь всегда остается дочерью, даже если она живет в другом месте. А вот жену потерять проще некуда. Ей может стать скучно, и она сбежит. Мама была такой красивой, что могла бы заполучить любого мужчину в нашем окружении, и папа об этом знал. Его замечания, сказанные маме с самым любящим видом, казались мне немного покровительственными.

— Дорогая, скажи им, пожалуйста, скажи, как ты вчера ответила официанту, когда он спросил, что подать тебе на десерт? Давай, дорогая, не стесняйся.

— Ах, Джордж, стоит ли об этом вспоминать.

— Нет, Дженнифер, скажи всем. Дорогая, это было очень смешно, правда, смешно.

И мама говорила: «Я всего лишь сказала, что наберу вес, просматривая меню». В ответ все улыбались и смеялись, и у папы лицо светилось от гордости за свою остроумную жену, а мама улыбалась своей загадочной улыбкой, в которой не было никакой загадки. Мне же хотелось встать и крикнуть: «Какого черта вы тут все смеетесь? Этой шутке не меньше тысячи лет! И она совсем даже не смешная!»

Не знаю, что думала об этом мама, ведь она только и делала, что

улыбалась своей улыбкой, которая предполагала миллион объяснений. Возможно, и отцу было не по себе, потому что он не мог ее разгадать. Возможно, он никогда не знал, что у мамы на душе. И все-таки мои родители не были похожи на другие пары, они не закатывали глаза, слыша друг друга, и не подкалывали друг друга, позволяя обсуждать себя немного больше принятого. Их согласие доводило меня до зубовного скрежета. Мама с непроницаемым лицом, отец со своими комплиментами. Или я попросту не понимала, что происходит между ними, потому что пока еще не влюблялась. Не исключено, что влюбленные каждый раз, когда предмет их обожания делает или говорит нечто вполне обыкновенное, в полном восторге готовы устроить мексиканскую волну^[38] вплоть до самого Узбекистана. У меня такого ни с кем не было.

А вот мы с папой всегда были противоположных мнений. Когда он боялся, что кто-нибудь уйдет, он начинал сыпать комплиментами. Например, приходили мамины подруги, которые ужасно раздражали папу, и он игнорировал их все время, пока они не начинали прощаться. Вот тут он мило обнимал их, улыбался и провожал, провожал. Стоял в дверях и махал им, пока машина не исчезала из виду вместе с гостями. Представляю, что говорили мамины подруги. Мол, Джордж — настоящий джентльмен. Когда я уходила, он крепко обнял меня и помог сесть в машину. Жаль, Уолтер, что ты не похож на него.

Папа был силен в том, как произвести заключительное впечатление, отчего его смерть стала по сути символической. А я была другой. И проявилось это хотя бы в том, как я несколькими дурацкими словами облегчила Барбаре расставание. Точно так же я всю жизнь поступала с мамой и папой. Чтобы облегчить людям расставание, я заставляю их ненавидеть себя. Мне не приходило в голову, что эти люди надолго сохраняют в памяти мои выкрутасы испорченного ребенка и тем более саркастические выпады. А мне с самого раннего детства было привычнее как раз такое поведение.

Обычно я просила родителей пореже уходить из дома, но они меня не слушались. Оставались лишь в тех случаях, когда у них, так сказать, разряжались батарейки, то есть они были до того измучены лицемерием друг друга, что даже расходились по разным комнатам. У нас не было потребности проводить время втроем. Теперь я поняла, что больше всего остального — не всего конечно же — мечтала побыть со своими родителями в нормальной, естественной обстановке, а не когда они требовали меня к себе, чтобы с гордым чувством вручить какой-нибудь подарок или ошеломить неожиданным сообщением.

— Итак, Тамара, ты сама знаешь, насколько тебе посчастливилось, — начинала мама, у которой было обостренное чувство вины из-за того, что мы ни в чем не нуждались. — На свете много мальчиков и девочек, не имеющих твоих возможностей...

Ни разу я не ощутила волнения, которое они хотели пробудить во мне и которое я старательно изображала на лице. А мысленно я лишь повторяла: ладно-ладно-ладно, переходите к делу, что вы приготовили мне на сей раз?

— Поскольку ты с уважением относишься к тем очаровательным вещам, которые уже имеешь, поскольку ты самая лучшая из дочерей...

Ладно-ладно-ладно. Подарка нет. По крайней мере, его не видно. У мамы нет карманов, папа же как раз держит руки в карманах, так что на себе они не могли его спрятать. Значит, мы куда-то едем. Сегодня среда. У папы по четвергам гольф. У мамы ежемесячная чистка толстой кишки, и без этого она взорвется. Так что мы никуда не можем уехать до пятницы. Значит, уик-энд. Куда же они придумали отправиться на уик-энд?

— Мы поговорили и решили...

Ладно-ладно-ладно. Может быть, в Лондон? Но они часто бывают в Лондоне, и я там была. А они выглядят взволнованными. Значит, это место мы посещаем не часто. Париж. Не очень далеко. Денег хватит. Мама займется шопингом, папа будет ее сопровождать и втайне скупать все, что ей понравится, но что она сочтет слишком дорогим. А что буду делать я? Что мне делать в Париже? Неужели? Евродисней?!

— Мы даем тебе три попытки.

Мама чуть ли не визжит от восторга.

— Ну нет, мам, у меня не получится. Я не угадаю, — говорю я, стараясь выглядеть смущенной, взволнованной, растерянной и глубоко задумавшейся. — Ладно. — Я прикусываю губу. — Едем в гости к тете Розалин и дяде Артуру? — Я уже знаю, что, если сначала назвать совершенно невозможный вариант, родители будут в восторге от своего сюрприза. Потом я называю еще два паршивых варианта и наблюдаю, как мама кипит от восторга. Благослови ее Бог.

— Мы едем в Евродисней! В Париж! — кричит мама и прыгает как ребенок, пока папа достает рекламу отеля, в котором нам предстоит остановиться. Мама вглядывается в мое лицо, папа уткнулся в рекламу, чтобы немедленно обо всем рассказать. Вот это нужно сделать, это посмотреть, это купить. Посмотри на это, перелистай пару страниц, посмотри на это. Вещи, вещи, вещи.

Не важно, насколько родители считают себя умными и щедрыми,

детей им не обойти.

Итак, вернемся к главному, когда я устроила форменную истерику, прежде чем они ушли. Я набросилась на них с оскорблениями, чтобы они не чувствовали себя виноватыми, хотя в глубине души мне как раз этого хотелось. Тем не менее они ушли и, вероятно, чувствовали себя очень виноватыми передо мной, отчего меня как раз ничуть не волновало то, что я им наговорила. Мне заранее было известно, что они все равно уйдут, несмотря ни на что, и, не желая показаться несчастной, брошенной мамой-папой на глазах Май, я нарочно им нагубила. И я отлично владела собой.

В последние недели перед смертью, может быть, даже дольше — не помню, — папа вел себя странно. Я ни с кем не говорила об этом. Наверное, как раз для таких вещей и существует дневник. Мне кажется, он собирался покинуть нас. Еще тогда я чувствовала что-то необычное, но не могла понять, что именно. Он был слишком добр. Я уже говорила, что он был добр с мамой, да и со мной, по правде говоря, если я отвечала ему тем же, но тогда это было как долгое прощание в дверях. Очень долгое прощание, от которого у меня осталось необыкновенно приятное последнее воспоминание. Долгое прощание, совсем мертвый. У меня было ощущение, что грядет беда. Или мы уйдем, или он.

Потом, после его смерти, когда у меня спрашивали и спрашивали о его поведении, я изображала невинно-смущенное выражение на лице, как у мамы, и говорила: «Нет, нет, я не замечала ничего необычного». А что было говорить? Примерно в течение недели до своей смерти папа как будто стоял в дверях и долго махал нам рукой, даже после того, как мы исчезали из поля его зрения.

Я чувствовала, что что-то надвигается на нас, и поступала так, как поступала всегда, — отталкивала его. Вела себя отвратительнее обычного, поступала хуже некуда, курила дома, возвращалась пьяная, и все в таком духе. Бросала ему вызов. Наши поединки стали еще ужаснее, мои выпады более личными. Жуть. Я поступала так, как поступала ребенком, когда не хотела, чтобы родители уходили. Короче говоря, я почти прямо сказала ему — уходи. И возненавидела его за то, что он сделал, когда он сделал это. А теперь я тоскую по нему и ненавижу себя, и мне слишком тяжело это выносить. Хорошо бы он не думал о моих чувствах после нашего последнего разговора! Я попрощалась с ним как последняя дрянь, и он в ответ поступил так, чтобы я не забыла этого до конца своих дней. Может быть, он сделал это не из-за меня, но как запретить себе думать?

Не знаю, замечала ли что-нибудь мама. Может быть, и замечала, но молчала. Если она ничего не чувствовала, значит, чувствовала я одна. Надо

было что-то сказать. А еще лучше, что-нибудь сделать и остановить его.

Прости меня, папа.

Что, если бы, что, если бы, что, если бы... Что если бы мы знали, какую беду принесет нам завтрашний день? Могли бы мы предотвратить ее? Могли бы?

Глава десятая

Лестница на небеса

Наутро я решила позавтракать с мамой в ее комнате. Кажется, это встревожило Розалин, которая дольше обычного крутилась возле маминой постели, передвигала мебель, накрывала стол для нас двоих возле окна, раздвигала шторы, открывала окно, прикрывала его, потом открывала его пошире, спрашивала меня, нет ли в комнате сквозняка. — Розалин, пожалуйста, — тихо попросила я.

— Да, детка, — отозвалась она, продолжая заниматься постелью, яростно взбивать подушки, подтыкать одеяло с такой тщательностью, что я не удивилась бы, если бы она облизала простыню, прежде чем положить одеяло и запечатать его в виде конверта.

— Вам не нужно этим заниматься. Я сама все сделаю после завтрака. А вы идите к Артуру. Уверена, он хочет повидаться с вами перед уходом на работу.

— Его ланч на столе. Он знает.

И она продолжила взбивать, приглаживать, а потом, словно недовольная своей работой, начала все сначала.

— Розалин, — тихо позвала я.

Я знала, как ей не хочется смотреть на меня, но она все же торопливо оглянулась. Наши взгляды встретились, и она поняла, что проиграла, но все же продолжала смотреть на меня, словно ожидала, посмею я или не посмею сказать ей это напрямую. Думаю, она не верила, что я посмею. Проглотив скопившуюся во рту слюну, я произнесла:

— Если не возражаете, я бы хотела побыть с мамой. Пожалуйста, оставьте нас вдвоем.

Так прямо и сказала. Тамара Взрослая произнесла свое слово. Ответом на мое требование был несчастный взгляд, падение подушек, выпущенных из рук, и шепотом произнесенное: «Хорошо».

Я не ощутила ни малейшего укора совести.

В конце концов Розалин ушла, но еще некоторое время я не позволила себе пошевелить рукой или ногой. Не слыша скрипа досок, я понимала, что Розалин стоит возле двери. Прислушиваясь, охраняя, сторожа или запирая нас — не знаю. Чего она боялась?

Вместо того чтобы вызывать маму на разговор, как я делала весь

прошедший месяц, я решила не бороться с ее молчанием, а тихонько посидеть рядом — вроде бы ее это успокаивало. Почти случайно я взяла в руки дольку апельсина, подала ей, и она надкусила ее. А я не сводила взгляда с ее лица. Как завороченная, мама будто бы смотрела на большой экран в саду, который я не могла видеть. То поднимая, то опуская брови, она вроде бы реагировала на произносимые кем-то слова, и на губах у нее появлялась слабая улыбка, словно она припоминала некую тайну. Ее лицо таило в себе миллион секретов.

Проведя с мамой довольно много времени, я поцеловала ее в лоб и ушла. Дневник, который я прежде не выпускала из рук и гордо прижимала к себе, теперь лежал под матрасом. У меня появилось такое чувство, будто я куда-то убегаю, чтобы не выдать свою главную тайну. Должна признаться, мне было не по себе. Никто из моих друзей не вел дневник. Мы никогда не писали друг другу письма. Общались через компьютер, посылали фотографии с праздничных вечеринок или из примерочных кабинок в магазинах, требуя совета. Тем не менее общались постоянно, сплетничали, посылали длинные смешные сообщения и не делали из этого тайны. Мы обменивались впечатлениями о вещах, которые были доступны всем, и не углублялись ни во что серьезное. Не касались своих чувств.

Мой дневник, наверное, подошел бы Фионе — девочке из нашего класса, с которой, кроме Сабрины, никто не разговаривал, но из-за мигреней эта дурочка редко бывала в школе. А когда приходила, то обычно отыскивала уединенное местечко, какой-нибудь тихий уголок в классе, когда в нем не было учителя, или во время ланча под каким-нибудь деревом на территории школы, чтобы уткнуться носом в книгу или быстро писать что-то в тетради. Я смеялась над ней. Зато теперь мне было не до смеха. Что она писала?

Заняться своим дневником я могла только в одном месте. Достав его из-под матраса, я про мчалась по лестнице с криком: «Розалин, я ушла...». Когда же, громко стуча каблуками по скрипучим ступеням, спрыгнула с последней и с грацией слонихи оказалась внизу, то увидела перед собой Розалин.

— Господи, Розалин! — воскликнула я и прижала руку к груди.

Она торопливо оглядела меня, обратила внимание на дневник, внимательно изучила мое лицо. Я же обхватила себя руками, чтобы защитить дневник, наполовину прикрытый кардиганом.

— Куда ты? — тихо спросила она.

— Просто... куда-нибудь.

Она перевела взгляд на дневник. Это случилось помимо ее воли.

— Собрать тебе какой-нибудь еды? Ты умрешь от голода.

Умереть от голода. Жаркое солнце. Долгое прощание. Совсем мертвый.

— Есть свежий черный хлеб, цыпленок, картофельный салат и маленькие помидорчики...

— Спасибо, не надо. Я еще сыта после завтрака. И попыталась пройти к двери.

— Может быть, возьмешь каких-нибудь фруктов? — чуть громче спросила Розалин. — Или сэндвич с сыром и ветчиной. Еще остался салат с капустой...

— Розалин, нет. Спасибо.

— Ладно. — У нее был обиженный вид. — Ты там поосторожней. Не заходи слишком далеко. Будь поблизости. Не упускай из виду дом.

То есть чтобы она не упускала меня из виду.

— Я отправляюсь на войну, — рассмеялась я. — Конечно... поблизости...

Находясь в замкнутом пространстве дома, где всем и всегда было известно местоположение остальных, я жаждала хотя бы нескольких часов свободы.

— Хорошо.

— Не расстраивайтесь, — попросила я.

— Просто я не уверена... — Она опустила голову и разжала пальцы, чтобы провести ладонями по юбке, как будто разглаживая ее. — А мама отпустила бы тебя?

— Мама? Да мама отпустила бы меня на луну, лишь бы я не крутилась у нее под ногами.

Не уверена, что у Розалин полегчало на душе. Наоборот, мне показалось, что она сделалась еще более озабоченной. Неожиданно до меня дошло, и я вздохнула едва ли не с радостью. Розалин не была моей матерью, а тут вдруг, поскольку мама впала в блаженную дремоту, в тихом доме Розалин и на ее попечении оказались мы обе.

— Ой, я все понимаю, — ласково произнесла я и потянулась к ней, но Розалин была до того напряжена, что я бессознательно отдернула руку. — Не надо обо мне беспокоиться. Мама и папа никогда не запрещали мне уходить когда и куда вздумается. Почти целые дни я проводила со своими друзьями. Даже в Лондон ездила с подружкой. Мы вернулись вечером. У ее папы собственный самолет. Вот было здорово. Там всего шесть мест, а были только мы с Эмили, то есть с девочкой, у папы которой есть самолет. А на ее семнадцатилетие родители разрешили нам слетать в Париж. С нами

была ее старшая сестра, ну, чтобы все-таки приглядеть за нами. Ей девятнадцать лет, она учится в колледже, ну и все прочее.

Розалин напряженно вслушивалась в мои слова, даже слишком напряженно, слишком взволнованно, слишком внимательно и, уж точно, слишком испуганно.

— Ах, как чудесно! — воскликнула она радостно, пока ее зеленые глаза жадно следили за каждым движением моих губ. Мне даже показалось, будто я вижу, как она торопливо глотает произнесенные мной слова. — И твой день рождения совсем скоро. Тебе хочется чего-нибудь особенного? — Она огляделась, словно рассчитывала увидеть самолет в коридоре. — Конечно же самолет нам не по карману...

— Да не нужен мне самолет. Не поэтому я рассказала. Просто... ладно, не имеет значения, — поспешно произнесла я. — Пожалуй, я пойду. — И направилась к двери. — Все равно спасибо.

Перед тем как закрыть дверь, я успела заметить озабоченность на ее лице, словно она сказала что-то не то. Или глубоко задумалась о том, что новая жизнь могла или не могла предложить мне. Если сравнивать с моей прежней жизнью, то тогда возможностей у меня было, несомненно, больше. Словно безрассудный любовник, жизнь предлагала мне луну и звезды, хотя не могла мне их предоставить. А я, как дура, верила. Привыкла думать, будто лучше брать больше, чем меньше. Теперь же мне кажется, что если не было предназначено «больше», то надо брать свое, а остальное пусть подождет. Скромность Артура и Розалин всегда будет к моим услугам. И если я не зарвусь, то мне не придется ничего никому возвращать.

Я шла по садовой тропинке, когда увидела почтальона, и от неожиданности расплылась в широкой улыбке.

— Привет, — сказала я, преградив ему дорогу.

— Добрый день, мисс.

Он притронулся к шляпе, что показалось мне довольно старомодным, но любезным приветствием.

— Меня зовут Тамара, — произнесла я и протянула ему руку.

— Приятно познакомиться, Тамара.

Он решил, что я протянула руку, желая взять почту, и положил мне на ладонь несколько конвертов.

Тотчас у меня за спиной хлопнула дверь, и появилась Розалин.

— Джек, доброе утро, — сказала она и решительно зашагала по тропинке. — Я возьму почту. — С этими словами она буквально вырвала у меня из рук письма. — Спасибо, Джек.

Розалин твердо смотрела на него, пряча письма в карман фартука, словно в сумку кенгуру.

— Ладно. — Он наклонил голову, как будто ему указали на дверь. — Эти через дорогу, — проговорил почтальон, отдавая Розалин еще несколько писем, после чего повернулся на каблуках, сел на велосипед и скрылся за углом.

— Я бы их не съела, — несколько удивленная, произнесла я. Розалин рассмеялась и ушла в дом. Час от часу не легче.

Было только одно место, куда я могла пойти, чтобы заняться своим дневником. Едва касаясь шлепанцами прокаленной тропинки, я направилась к замку и радостно улыбнулась, когда деревья расступились, словно раздвинулся театральный занавес перед первым актом.

— Привет, — сказала я.

С превеликим почтением я прошествовала по комнатам. Трудно было поверить, что в здешнем разрушении виноват только пожар. В комнатах не было ничего, совершенно ничего такого, что предполагало бы живую жизнь, по крайней мере, в течение столетия. Ни каминов, ни изразцов, ни обоев. Не было совсем ничего, кроме кирпичей, сорной травы и лестницы, которая вела на несуществующий верхний этаж; собственно, она как будто вела на небеса, и я могла бы, сделав один гигантский прыжок, оказаться на облаке. Лестница на небеса.

Усевшись на нижней ступеньке и положив дневник на колени, я взяла в руки тяжелую ручку, которую стащила с письменного стола дяди Артура, и уставилась на закрытый дневник, пытаюсь придумать, о чем стоит написать. Мне хотелось, чтобы первые слова стали значительными, и очень не хотелось ошибиться. Наконец я решилась и открыла дневник.

И у меня буквально отвалилась челюсть. Первая страница до последней строчки оказалась заполненной аккуратным почерком... моим почерком.

Ничего не понимая, вся напрягшись, я вскочила, и дневник скатился на пол. У меня громко стучало сердце. Я огляделась, пытаюсь понять, не сыграл ли кто-нибудь со мной злую шутку. Осыпающиеся стены тоже смотрели на меня, и вдруг вокруг меня началось какое-то движение, послышался шум, которого я прежде не слышала. Ветки и травинки зашуршали, камни задвигались, за моей спиной и внутри стен кто-то ходил, однако я ничего и никого не видела. Наверное, у меня разыгралось воображение. Да и заполненная страница дневника тоже, скорее всего, подлила масла в огонь.

Тогда я несколько раз глубоко вдохнула воздух и подняла с пола

дневник. Поцарапанный камнями переплет был весь в пыли, и я попыталась вытереть его о шорты. Первая страница немного помялась при падении, однако записи были на месте — и на первой странице, и на второй, — и когда я стала судорожно перелистывать дневник, то они были и на других страницах, причем все сделанные моим почерком.

Как такое могло случиться? Я сравнила дату в дневнике с датой на своих часах. В дневнике стояло завтрашнее число и завтрашний день недели — суббота. Сегодня была пятница. Наверное, у меня сломались часы. Мне сразу же вспомнилась Розалин, как она утром посмотрела на дневник. Неужели это ее записи? Не может быть. Дневник все время пролежал под матрасом. У меня закружилась голова, и я, опустившись на ступеньку, прочитала первые строчки. Слова прыгали у меня перед глазами, и мне пришлось несколько раз вернуться к началу.

4 июля, суббота Дорогой дневник! Наверное, это правильное начало? Никогда прежде я не вела дневников и поэтому чувствую себя абсолютной дурой. Ладно, дорогой дневник, признаюсь, что я не в восторге от своей жизни. Если коротко, то дела обстоят так. Папа покончил жизнь самоубийством, после чего мы потеряли дом и вообще всё. Я потеряла свою жизнь, мама потеряла память, и теперь мы живем в захолустье с двумя социопатами. Совсем недавно я провела день с очень красивым парнем по имени Маркус, который работает вице-президентом странного учреждения — передвижной библиотеки. Два дня назад познакомилась с монахиней, которая держит улы и ломает замки, а вчера я почти до самого обеда пробыла на руинах...

Слово «руины» было зачеркнуто и заменено другим.

...в замке на лестнице на небеса, которая так и звала меня подняться по ней и прыгнуть на облако, чтобы оно унесло меня подальше отсюда. А теперь уже ночь, и я в своей спальне пишу дурацкий дневник по настоящему совету сестры Игнатиус. Она и в самом деле монахиня, а не трансвестит, как я поначалу думала.

Вздыхнув, я оторвалась от чтения. Как такое может быть? Необходимо было найти ответ на этот вопрос. Я подумала, что стоит побыстрее вернуться в дом и рассказать об этом маме, рассказать Розалин, позвонить Зои и Лауре. Но кто мне поверит? Пусть даже кто-нибудь и поверит, но чем он сможет мне помочь?

В замке стояла полная тишина, словно облака, идеально круглые и белые, как херувимы, двигались со скоростью сто миль в час. Время от времени слышался шорох травы, в воздухе летали семена одуванчиков, призывая меня поймать их, отнести в другое место и бросить на волю

ветра. Набрав полную грудь воздуха, я поглядела на жаркое солнце — на жаркое солнце. Совсем мертвый. Потом я закрыла глаза и медленно выпустила воздух. Мне по-настоящему нравилось быть в замке. Когда я открыла глаза и продолжила чтение, волосы у меня на затылке встали дыбом.

Мне нравится проводить время в замке. Наверное, он должен был показаться мне уродливым, но ничего подобного. Он должен был стать уродливым, как Джесси Стивенс с его сломанным носом и изуродованными из-за регби ушами. Надо было давно пописать тут и подурочиться. А я ничего не сказала у Зои, когда она и Лаура никак не могли заткнуться и все говорили и говорили о тренировочных штанах. Ну и пусть.

Мама не выходит из своей комнаты. Несмотря на желание свернуться клубочком и умереть — я промокла вчера и простудилась, — я все же решила съесть завтрак, спрятавшись за деревом в саду, потому что знала, что она будет за мной следить. Расстелила синее кашемировое одеяло из своей комнаты и поставила на него тарелку с нарезанными фруктами. Вкус был такой, словно я жевала картон. Голода я не чувствовала, а вся энергия ушла на то, чтобы уговорить маму погулять. Я постаралась казаться независимой, поэтому легла на спину, скрестила ноги и сделала вид, словно мне на все плевать. Так я попыталась выманить ее наружу, но она не поддалась. Мне подумалось, что, если она подышит свежим воздухом, если поглядит на все вокруг, придет в замок, может быть, она увидит то, что вижу я, и очнется от своего транса. Конечно же, пока она сидит в своей спальне, ей не хочется жить. Только выйдя на улицу и осознав, что жизнь продолжается, можно влиться в общий поток.

Не понимаю, почему Розалин и Артур не хотят помочь маме. Завтрак, ланч и обед, которыми можно накормить слона, ее не вылечат. И молчание тоже. Надо еще раз поговорить с Розалин. Или с Артуром? Он же брат, должен помочь. Насколько мне известно, если не считать своеобразного поцелуя в лоб, когда мы приехали из Дублина, больше ничего не было, и он не сказал ей ни слова. Странно все-таки.

После вчерашнего дождя...

Теперь я знала, как все это было странно, потому что нынешний день оказался лучше некуда. Никакого дождя и в помине. Насупив брови, я продолжала читать, вооружившись убеждением, что меня разыгрывают, и я почти ждала, что из-за осыпающихся колонн вдруг выскочит Зои или, чего не бывает, Эштон Катчер^[39].

...душит простуда. Розалин практически завернула меня в вату, усадила перед камином и чуть ли не насильно напоила куриным бульоном.

Я потеряла полдня, обильно потев около дурацкого камина и пытаюсь убедить Розалин, что до смерти мне еще далеко. Тем не менее она заставила меня накрыть голову полотенцем и постоять над кипятком с Vicks^[40], чтобы прочистить нос, и, пока я сморкалась, в дверь как будто позвонили. Правда, Розалин постаралась внушить мне, что никакого звонка не было. Надо было поймать сестру Игнатиус на слове, когда она пригласила меня в свой дом. Интересно, что такого ужасного может быть в жилище монахинь?

Завтра я планирую обойтись без «сердечного приступа на тарелке» и подыскать для себя тихое место, чтобы заняться дневником. Почему бы мне не позагорать в бикини? Пусть здешние поглазеют. Не самое страшное зрелище. Стоит закрыть глаза, и сразу оказываешься там, где хочешь быть. Буду лежать у пруда и воображать, что нахожусь около бассейна в Марбейе и в шелесте лебединых крыльев слышу маму. Она всегда укладывалась не там, где все люди, не в шезлонге или на лежаке, а на самом краю бассейна, возле фильтров. Перекидывала руку через край и шевелила пальцами в воде. Похоже было на шажки босоногого малыша. То ли так ей было прохладнее, то ли ей нравились звуки. Мне тоже нравилось слышать их. Хотя, сама не знаю почему, вечно просила ее перестать. Лишь бы что-нибудь сказать и нарушить молчание, чтобы она открыла глаза и посмотрела на меня.

Кому об этом было известно? Только маме.

Может быть, имеет смысл улечься прямо на пути газонокосилки Артура, чтобы он меня переехал? Если он не убьет меня, то, по крайней мере, спасет от воскового обертывания?

Артур в общем-то совсем неплохой человек. Он мало говорит. Почти ни на что не реагирует, однако мне он нравится. Розалин тоже, пожалуй, ничего. Сейчас я занимаюсь тем, что пытаюсь ее понять. Сегодня за обедом, например, она повела себя непредсказуемо, когда за пастушьям пирогом я сказала ей, что познакомилась с сестрой Игнатиус. Она ответила, что сестра Игнатиус заходила к ней утром и ни словом об этом не обмолвилась. Наверное, я в это время была в душе. Хотелось бы быть мухой и подслушать их беседу. А потом она принялась допрашивать меня, о чем мы говорили. Если честно, получилось слишком навязчиво, и даже Артуру стало не по себе. Неужели она думает, что я соврала ей? Вот уж только этого не хватало. Жаль, я не стала посвящать ее в то, что узнала о замке. Теперь мне понятно, любая информация, которую мне удастся раздобыть, уж точно будет исходить не от Розалин. Полагаю, Розалин и Артур просто другие. Или я другая. Никогда прежде об этом не

задумывалась. Все же была я, и осталась я.

На случай если я умру от обезвоживания, сообщаю тому, кому в руки попадет мой дневник, что я каждую ночь плачу. Держусь целый день, несмотря на муху и руины замка, как только могу, а потом добираюсь до кровати и лежу в темноте и безмолвии, пока мир не начинает быстро крутиться. И тогда я плачу. Иногда плачу очень долго, так что даже подушка становится мокрой. Слезы беспрерывно текут из глаз на уши, потом по шее, иногда на рубашку, но я не вытираю их. Иногда я даже не замечаю, что плачу, до того привыкла. Думаете, в этом есть смысл? Прежде я плакала, потому что падала и разбивалась, или ссорилась с папой, или напивалась до того, что любая малость доводила меня до слез. А теперь, похоже, что бы ни происходило... меня расстраивает, и я плачу. Иногда, пролив несколько слезинок, я убеждаю себя, что все еще уладится и будет хорошо. Но я не всегда верю себе и тогда плачу еще горше.

Во сне я часто вижу папу. Правда, это не всегда папа, скорее соединение многих лиц. Поначалу это папа, потом он становится школьным учителем, потом Заком Эфроном, а потом каким угодно знакомым человеком, например местным священником или еще кем-то. Говорят, когда видишь во сне любимого человека, который умер, то он как будто живой, будто в самом деле находится в твоём сне и подает тебе знак, ну вроде бы обнимает тебя. Суть в том, что сны — завуалированная связь между здесь и там, как комната свиданий в тюрьме. Оба в одной комнате, но по разные стороны и на самом деле в разных мирах. Прежде я думала, что люди, которые так говорят, или обманщики, или религиозные фанатики. А теперь понимаю, что это одна из множества других вещей, насчет которых я ошибалась. К религии это не имеет никакого отношения, никакого отношения не имеет к душевному здоровью, но точно имеет непосредственное отношение к природным инстинктам человеческого мозга, который надеется, когда надеяться уже не на что, конечно, если его владелец не циник из циников. Такое бывает, когда любишь, когда теряешь близкого человека, словно вместе с ним погибает часть тебя, и ты сделаешь всё, согласишься всему, лишь бы он вернулся. В тебе живет надежда, что в один прекрасный день вы снова встретитесь, и ты чувствуешь тепло этого человека, будто он все еще рядом с тобой. Такая надежда, в отличие от моих прежних представлений, не делает человека слабым. Она придает сил, потому что в ней есть смысл. Речь не о том, зачем и почему тебя осиротили, а о том, как тебе жить дальше. Речь о «может быть». Может быть, наступит день, когда твой мир не покажется тебе полным дерьмом. Это «может быть» способно мгновенно преобразить жизнь, улучшить ее.

Я считала, что с возрастом люди становятся циничнее. И я тоже? Едва я родилась, как устало оглядела больничную палату, перевела взгляд с одного лица на другое и сразу же поняла, что вокруг одно дерьмо и лучше бы мне вернуться обратно. Но пришлось жить день за днем. Везде, где я побывала, мне все казалось омерзительным, но где-то, возможно, было получше. Лишь сейчас, когда реальная жизнь больно стукнула меня — совсем мертвый, мертвый, — я начала выглядывать наружу из своего мирка. Ученые считают, будто это они познают окружающий мир. Ничего подобного. Думаю, настоящие ученые — это те люди, которые смотрят в обе стороны.

Несмотря на все то, что я наговорила, мне-то известно — папы в моих снах нет. Нет никакого тайного послания, нет тайного обьятия. Здесь, в Килсани, я никак его не ощущаю. В моих снах нет ничего точного, нет смысла и нет советов. Они всего-навсего некая картинка-перевертыш, отражающая прошедший день и бессмысленно, беспорядочно, абы как заброшенная мне в голову. Вчера ночью мне привиделся папа, который потом превратился в школьного учителя английского языка, а школьный учитель превратился в женщину, и мы все вместе оказались на уроке, на котором я должна была петь, но я всего лишь беззвучно открывала рот, после этого школа переместилась в Америку, где никто не понимал по-английски и я ни с кем не могла поговорить, и в конце концов мне приснилось, что я живу на яхте. Бред. Я проснулась, когда Розалин...

Наверное, сестра Игнатиус права. Не исключено, что дневник поможет мне. Смешная эта сестра Игнатиус. Всего два дня прошло после нашей встречи, а я постоянно думаю о ней.

Вчера. Я встретила с ней вчера.

Мне она понравилась. С тех пор как я приехала сюда, она первая, кто мне тут понравился, — нет, не так, она была второй, первым мне понравился замок. Вчера, когда я была в замке, пошел дождь, и я увидела, что по дороге в мою сторону идет Розалин, неся в руке плащ, и мне стало неловко, но я все равно побежала от нее прочь. Мне не хотелось, чтобы она знала, где я провожу время; мне не хотелось, чтобы она думала, будто она права в своих предположениях. Мне не хотелось, чтобы она вообще что-нибудь знала обо мне. Понятия не имею, куда я бежала. А дождь припустил как следует, начался настоящий потоп, похожий не столько на летний грибной дождь, сколько на осенний холодный ливень, и я промокла до нитки. Но все равно я была как будто на автопилоте, ни о чем не думала и не размышляла, просто бежала и бежала вперед и в конце концов очутилась возле садовой стены. Сестра Игнатиус стояла в оранжерее и ждала, когда

дождь кончится. У нее был лишний пчеловодческий костюм. И она сказала, будто предчувствовала мое возвращение.

Накануне я помешала ей, когда она работала с ульями, и у нее не хватило времени вернуться к ним. Пришлось уделить время другим вещам. Она молилась, да и других неотложных дел тоже оказалось немало. А вчера она показала мне, как ульи устроены изнутри. Еще она показала мне пчелиную матку со значком на спинке, чтобы не путать ее с другими пчелами, трутней, рабочих пчел и как пользоваться окуривателем. У меня даже голова закружилась. Что-то со мной произошло. Она не заметила. А мне пришлось протянуть руку и опереться о стену, чтобы не упасть. Пока я старалась справиться с недомоганием, сестра Игнатиус пригласила меня прийти на следующей неделе и вместе с ней достать мед, разложить его по банкам и продать на рынке. Но я была совершенно поглощена тем, что со мной происходит, и сказала «нет». Я хотела уйти. Надо было сказать ей, что я неважно себя чувствую, так как она была по-настоящему разочарована, и вот тут уж мне стало совсем плохо. Почему бы не поехать на рынок, не посмотреть на людей? Я сойду с ума, проводя день за днем с Артуром и Розалин. Еще мне хотелось узнать: неужели все смотрят на них так, как смотрели люди около паба? Что-то должно быть такое в их прошлом, почему на них так смотрят. Например, они организовывали вечеринки свингеров. Или что похуже?

Я сижу прислонившись спиной к двери своей спальни, чтобы не вошла Розалин, и пишу в дневнике. Чем меньше она знает о дневнике, тем лучше. Она и без того пытается влезть в мои мысли. Так что рисковать нельзя. Нечего ей знать, что мои сокровенные мысли можно прочесть, всего лишь зайдя в мою комнату. Придется прятать дневник. Сегодня вечером надо будет рассмотреть одну интересную доску на полу возле кресла, которое стоит в углу.

Сразу после обеда мама опять впала в забытие. Она очень много спала последние два дня. Но на сей раз заснула прямо в кресле. Я хотела разбудить ее и уложить в постель, но Розалин остановила меня. Буду писать в дневнике, пока не услышу храп Артура, и тогда мне никто не помешает пойти к маме.

Пока меня защищает этот дом, я могу сказать, что в замке вчера утром у меня появилось странное чувство. Мне показалось, будто там кто-то есть и наблюдает за мной. Утро было на удивление ясное, солнечное, пока дурацкое облако не пролилось прямо на мою голову. В это время я как раз сидела на ступеньке с дневником на коленях и никак не могла придумать, о чем писать и с чего начать первую страницу, поэтому просто загорала. Не

знаю, сколько времени у меня были закрыты глаза, но уж лучше бы я держала их открытыми. Определенно там кто-то был.

До завтра, мой дневник.

Закончив читать, я огляделась. Сердце громко стучало, и дышала я часто и тяжело. Речь шла о теперь. Я писала о себе то, что происходило со мной в данную минуту.

Неожиданно мне показалось, будто на меня уставлены тысячи глаз. Я вскочила и бросилась вниз по лестнице, споткнулась на последней ступеньке и ударилась о стену. Поцарапала руки и правое плечо, выронила дневник, и он упал на землю. Я стала искать его в траве и ладонью коснулась чего-то мягкого и пушистого. С криком я отпрянула и убежала в другую комнату. Там не было дверей — ни в одной из четырех стен. Несколько дождинок упали на меня, потом они стали падать чаще. Я подошла к дыре в стене, где прежде было окно, и попыталась вылезти наружу. И увидела, как Розалин идет по дороге вроде бы с плащом в руке. Она решительно продвигалась вперед с предвещающим бурю выражением на лице и держа над головой руку, словно это могло спасти ее от дождя.

Я отскочила к другому окну, которое выходит на противоположную сторону, и вылезла наружу, расцарапав коленки о стену, когда тянулась к подоконнику. Спрыгнула я на бетон, и мои ноги пронзила острая боль, так как я совсем забыла, что на ногах у меня шлепанцы. Розалин уже подходила к замку. Отвернувшись от нее, я побежала.

У меня не было ни малейшего представления о том, куда я бегу. Словно мной руководил автопилот. Только когда, промокшая до нитки, я оказалась возле обнесенного стеной сада, мне вспомнилась запись в дневнике, и, содрогнувшись, я вся от макушки до пяток покрылась мурашками.

Пока я стояла около входа, застыв от страха, мое внимание привлекла белая тень за мокрым стеклом оранжереи. Открылась дверь, и появилась сестра Игнатиус с костюмом пчеловода в руках.

— Так я и знала, что ты вернешься, — воскликнула она, и на бледном лице хитро блеснули голубые глаза.

Глава одиннадцатая

Где тут окуриватель

Я вбежала в оранжерею. Не чувствуя своего тела, встала рядом с сестрой Игнатиус. Плечи у меня были подняты выше ушей, как будто я, словно черепаха, старалась спрятаться внутри собственного тела. И еще я крепко сжимала в руках дневник, так что побелели костяшки пальцев.

— Ох, ты только погляди на себя, — произнесла сестра Игнатиус в своей радостно-беззаботной манере. — Ты похожа на мокрую мышшь. Сначала надо обсушиться...

— Не трогайте меня, — торопливо произнесла я, отпрянув от нее. И повернулась к ней боком, хотя то и дело посматривала на нее через плечо.

— Тамара, в чем дело?

— Не делайте вид, будто сами не знаете.

Глянув через плечо, я увидела, что она на мгновение прищурилась, потом широко открыла глаза. Что-то заметила. Что-то, верно, знала. Она была похожа на человека, которого застали врасплох.

— Признайтесь.

— Тамара, — проговорила она, потом замолчала, как будто подбирая правильные слова. — Посмотри на меня, Тамара. Я... Позволь мне объяснить... Нам надо пойти в другое место. Не здесь же разговаривать. Не в оранжерее. Ты совсем мокрая.

— Нет. Сначала вы должны признаться.

— Тамара, послушай меня, пойдем в дом и там...

— Признайтесь, что это написали вы, — резко потребовала я. На ее лице отобразилось замешательство.

— Я не понимаю, Тамара. В чем я должна признаться?

— В дневнике писали вы! — крикнула я и сунула дневник ей в лицо. Яростно перелистала страницы. — Видите, здесь написано? Я спрятала дневник в своей спальне, а утром взяла его с собой в замок, чтобы начать в нем писать, как вы говорили, и вот смотрите. Как вы это сделали? — Я тыкала дневником ей в нос и одновременно листала страницы, размазывая мокрыми руками чернила. А она мигала, пытаясь рассмотреть мелькавшие перед ней слова.

— Успокойся, Тамара. Я ничего не вижу, ты слишком быстро листаешь страницы.

Я стала листать их еще быстрее. Тогда она ухватила меня за запястья своими сильными руками и твердо произнесла:

— Хватит, Тамара.

Это сработало. Сестра Игнатиус взяла у меня дневник и открыла первую страницу. Потом быстро пробежала глазами первые строчки.

— Это не для чужих глаз. Здесь твои мысли.

— Я не писала.

К этому времени я поняла, что она тоже не писала. У нее переменялось выражение лица, и ее растерянность не была наигранной.

— Тогда... кто?

— Не знаю. Надо посмотреть в начале.

— Здесь стоит завтрашнее число.

— Кое-что из написанного рассказывает о событиях завтрашнего дня.

Дождь стучал в окно до того громко, что казалось, стекло вот-вот разобьется.

— Откуда тебе знать, если завтра еще не наступило?

Голос у нее стал мягче, словно она пыталась уговорить разбушевавшегося психа, чтобы он отдал ей нож. Наверное, это отлично подействовало бы, вот только у меня не было ножа и никто не вкладывал его мне в руку. Не мой случай.

— Может быть, ты проснулась среди ночи и сама все это написала? Была сонная и поэтому ничего не помнишь. Я в таком состоянии еще и не то делаю. Брожу по дому, ищу что-то, сама не знаю что, передвигаю вещи, а утром ничего не могу найти. Правда-правда, — со смешком договорила она.

— Это другое, — спокойно возразила я. — Я написала о том, что произойдет сегодня и о чем я понятия не имела. Дождь, Розалин, плащ, вы...

— А что я?

— Я написала, что вы будете тут.

— Но, Тамара, я всегда тут, и тебе это известно.

Сестра Игнатиус продолжала говорить, пытаясь придать моей истории некое рациональное объяснение. Она рассказала о том, как однажды ночью пришла в комнату сестры Марии в поисках садовых перчаток, потому что ей приснилось, будто пора сажать репу, и до смерти напугала сестру Марию. Я отключилась. Не могла я написать пять страниц и совершенно об этом не помнить. Как я могла предсказать дождь, появление Розалин с плащом, сестру Игнатиус, поджидающую меня в оранжерее с лишним костюмом?

— Тамара, наш разум иногда играет с нами в странные игры. Когда мы что-то ищем, он предпочитает свой маршрут. И нам ничего не остается, как следовать за ним.

— Но я ничего не ищу.

— Неужели? А вот и дождь перестал. Я же говорила. Пойдем в дом, обсохнешь, и я дам тебе выпить что-нибудь горячее. Вчера я сварила суп и положила в него собственноручно выращенные овощи. Думаю, там что-нибудь еще осталось, если сестра Мария не выпила его весь через соломинку. Накануне она потеряла свои протезы, и сестра Питер Регина неосторожно наступила на них. С тех пор она все пьет через соломинку. — Она прикрыла рот ладошкой. — Ох, извини, над этим нельзя смеяться.

Я хотела возразить, потому что вспомнила, что написала в дневнике о своей простуде. Но может быть, мне удастся что-нибудь изменить? И я последовала за сестрой Игнатиус в сад.

Дом был похож на сестру Игнатиус. В нем хватало обманок, потому что внутри он был такой же старый, как снаружи. Мы вошли в заднюю дверь и оказались в коридоре, где было множество сапог, плащей, зонтов и шляп от солнца — короче говоря, все необходимое на любую погоду. По неровно уложенным камням мы прошли в кухню, где все было устроено на манер 1970-х годов. Застекленные шкафы, линолеум на полу, клеенчатая скатерть, авокадо и апельсины во всех возможных местах, сохранившиеся с того времени, когда плоды земли несли в дом. Тут был длинный стол из сосны со скамейками по все стороны, такой длинный, что за ним могли бы усесться все Уолтоны^[41]. Из комнаты рядом с кухней доносились звуки радио. Следуя по коричневой ковровой дорожке, я уперлась взглядом в большой телевизор примерно в тридцати дюймах от стены. Его покрывала кружевная салфетка, и на ней стояла фигурка святой Девы Марии. На стене висел простой деревянный крест.

В доме стоял запах старости. Затхлый запах плесени смешался с запахом бесчисленных обедов и пригоревшего масла. Чувствовался тут и запах сестры Игнатиус, чистый аромат талька, словно только что вымытого ребенка. Подобно дому Розалин и Артура, здесь тоже выросли поколения и поколения людей, которые бегали и кричали по коридорам, били посуду, взрослели, влюблялись и уходили, оставляя дому часть себя. Здесь не люди владели домом, а дом владел их душами. В нашем бывшем доме ничего такого не было и в помине. Я любила наш дом, однако все живое в нем начисто изничтожалось моющим пылесосом, который каждый день гнал застоявшиеся запахи всевозможными моющими средствами. А раз в три года комнаты декорировались заново. Старую мебель выбрасывали, новую

расставляли по-новому и стены красили в тон новых драпировок. У нас не было места эклектике, когда мебель собирается годами. И никаких сантиментов по поводу семейных воспоминаний. Новая дорогая мебель не оставляла места для сантиментов. Вот так было в моем доме.

Сестра Игнатиус все еще в своем костюме, в котором она работала с пчелами, умчалась прочь, словно малыш в подгузнике. Я сняла кардиган и положила его на обогреватель. Майка промокла насквозь, прилипла к коже и просвечивала, шлепанцы хлюпали, однако я не стала их снимать, чтобы не запачкать ничего грязью, принесенной из прежней семьи. И без меня слишком много всякого скопилось тут от чужих людей.

Сестра Игнатиус вернулась с полотенцем и сухой рубашкой.

— Прошу прощения, больше ничего не нашла. У нас давно не одевались семнадцатилетние девицы.

— Шестнадцатилетние, — поправила я ее, осматривая спортивную рубашку.

— Я бегала в ней марафон с шестьдесят первого по семьдесят первый год, — пояснила сестра Игнатиус, поворачиваясь к плите и собираясь поставить на нее суп. — Боюсь, ничего другого нет.

— Ого, а вы были, видно, в форме!

— Ты о чем? — Она приняла соответствующую позу и показала свои бицепсы. — Пока еще ничего не потеряно.

Я рассмеялась. Потом через голову сняла майку, положила ее на обогреватель и надела сухую рубашку, которая была длиной с мини-юбку. Сняв шорты, я подпоясалась ремнем, превратив рубашку в платье.

— Ну как? — пройдясь по воображаемому подиуму, спросила я сестру Игнатиус.

Она со смехом присвистнула, выражая свое восхищение.

— Вот бы мне вернуть мои ножки! — воскликнула она и покачала головой. Сестра Игнатиус поставила на стол две миски с супом, и я с жадностью набросилась на еду.

Снаружи опять доносилось пение птиц, словно дождя не было вовсе, словно он нам привиделся.

— Как поживает твоя мама?

— Спасибо, хорошо.

Молчание. Нельзя лгать монахине.

— Не хорошо. Сидит целыми днями в своей спальне, улыбается и смотрит в окно.

— Значит, она счастлива?

— Она сошла с ума.

— А как считает Розалин?

— Розалин считает, что если скормить годовой запас еды за один день, то все будет в порядке.

У сестры Игнатиус дрогнули губы, как будто она усилием воли погасила улыбку.

— Розалин говорит, что это у нее от горя.

— Может быть, она права?

— А если бы мама стала голой кататься в грязи и распевать песни Энии^[42], тогда как? Это тоже было бы от горя?

Сестра Игнатиус улыбнулась, и кожа у нее на лице сложилась как origami.

— Твоя мама это делала?

— Нет. Но думаю, она недалеко от этого.

— А что думает Артур?

— Артур разве думает? — парировала я, глотая горячий суп. — Нет, беру свои слова обратно. Артур думает, вы правы. Артур думает, но ничего не говорит. Брат же он, на самом деле. Или он слишком сильно любит Розалин, так что в ее словах его ничего не задает, или он до того ее не выносит, что не хочет с ней разговаривать. Я пока еще не поняла.

Сестра Игнатиус, видимо, почувствовала себя неловко и отвернулась.

— Прошу прощения за свой язык.

— Полагаю, ты несправедлива к Артуру. Он обожает Розалин. И нет ничего, что бы он для нее не сделал.

— Даже женился?

Она поглядела на меня так, словно взглядом вlepила мне пощечину.

— Ладно, ладно. Извините. Просто она такая... Не знаю... — Я стала подыскивать слово, которое подходило бы к тому, как я себя чувствовала в ее присутствии. — Собственница.

— Собственница, — повторила сестра Игнатиус. — Интересно. Не знаю почему, но мне стало приятно.

— Тебе известно значение этого слова?

— Конечно. Она хочет все иметь.

— Хм-м-м.

— Я хотела сказать, что она слишком заботится о нас, постоянно что-то делает. Кормит нас по триста раз на день по какой-то динозаврской диете, а мне бы хотелось, чтобы она успокоилась, отстала от меня и дала мне дышать.

— Тамара, хочешь, я с ней поговорю?

И тут меня обуял страх:

— Ни за что. Тогда она узнает, что я говорила с вами о ней. А я даже не поставила ее в известность, что мы познакомились. Вы моя страшная «грязная» тайна, — пошутила я.

— Что ж, — рассмеялась сестра Игнатиус, и у нее порозовели щеки. — Мне еще не приходилось выступать в такой роли.

Оправившись от смущения, сестра Игнатиус уверила меня, что не проговорится Розалин о нашем знакомстве. Еще немного времени мы посвятили дневнику, как и почему он появился у меня, и она еще раз сказала, что мне не надо волноваться, так как мой мозг испытывает большое давление и нет никаких сомнений, я сама сделала записи и забыла о них. Мне стало лучше после этой беседы, хотя под конец я задумалась: а вдруг и правда с моим сном происходит что-то неладное. Если я во сне заполняю дневник, что еще я могу делать во сне? У сестры Игнатиус хватило сил убедить меня, будто все таинственное в моей жизни на самом деле такая же норма, как все святое и чудесное, поэтому не надо терзать себя с ответами, которые рано или поздно явятся сами, облака рассеются и все сложное станет простым, а странное — обыкновенным. И я поверила ей.

— Нет, ты посмотри, как хорошо стало! — воскликнула сестра Игнатиус, поглядев в окно. — Опять вовсю светит солнце. Надо поскорее навестить пчел.

Прежде чем отправиться в сад, я переоделась и стала словно круглый Мишлен-мен^[43].

— Зачем вы держите пчел? — спросила я, пока мы шли к ульям. — Например, если поешь в школьном хоре, то иногда можно пропустить уроки, когда принимаешь участие в конкурсе или хор зовут в церковь, скажем, на свадьбу учительницы. Будь я учительницей, ни за что не пустила бы на свою свадьбу противных маленьких пакостниц, которые превращают в ад каждый день моей жизни, чтобы они мелькали у меня перед глазами еще и в самый счастливый день. Я бы сбежала на Сент-Китс^[44] или на Маврикий. Или в Амстердам. Там в шестнадцать лет уже разрешено пить спиртные напитки. Правда, только пиво. Ненавижу пиво. Но ведь разрешено, и я бы не стала отказываться. А вот замуж в шестнадцать лет я не пошла бы. Не знаю, разрешено ли там выходить замуж в шестнадцать лет. А вы должны знать, вам-то ваш муж об этом наверняка говорил.

И я подняла глаза к небу.

— Значит, ты поешь в хоре? — спросила сестра Игнатиус так, словно

не слышала больше ни слова из того, что я наговорила.

— Пою. Но только в школе. Никогда не участвовала ни в каких конкурсах. Один раз мы ездили в Вербьер кататься на лыжах, а во второй раз у меня был ларингит. — Я подмигнула сестре Игнатиус. — Муж маминой подруги врач, и он давал мне освобождения, когда я хотела. Думаю, он был равнодушен к маме. Не хватало мне еще надрываться на их конкурсах, хотя наша школа всегда занимает первые места. Два раза мы победили на чем-то все-ирландском.

— А что вы поете? Мне больше всего нравилось слушать «Nessun Dorma»^[45].

— Кто это сочинил?

— «Nessun Dorma»? — Сестра Игнатиус изумленно посмотрела на меня. — Это одна из самых красивых теноровых арий Пуччини. — Она закрыла глаза и, покачиваясь, стала напевать мелодию себе под нос. — Ах, как я люблю ее! Конечно же, в исполнении великого Паваротти.^[46]

— Да, помню, такой жирный пижон, который пел с Боно^[47]. Почему-то я всегда считала, что он знаменитый шеф-повар, а потом по новостям показали его похороны. Наверно, я его с кем-то перепутала — наверно, с поваром, который на Кулинарном канале готовит необыкновенную пиццу. Например, с шоколадом. Один раз я попросила Маи приготовить что-то подобное, так меня чуть не вырвало. Нет, его песни мы не поем. Мы поем «Заткнись и отпусти меня» «Тинг Тингс»^[48]. Но у нас это звучало совсем по-другому и очень серьезно, не хуже оперы.

— Кулинарный канал? А я и не знала, что такой есть.

— Это спутниковое телевидение. У Розалин с Артуром его тоже нет. Вам наверняка не понравится, но там есть и Религиозный канал. Но не исключено, этот канал как раз понравится. Они там круглые сутки говорят о Боге.

Сестра Игнатиус улыбнулась, обняла меня за плечи, прижала к себе, и мы пошли в сад.

— Давай займемся делом, — проговорила она, когда мы приблизились к ульям. — Вот еще что. Правда, я должна была спросить об этом раньше. У тебя нет аллергии на пчелиные укусы?

— Понятия не имею.

— Тебя когда-нибудь кусали пчелы?

— Нет.

— Хм-м-м. Ладно, Тамара. Несмотря на все принятые меры, пчела все же может случайно тебя укусить. Да не смотри на меня с таким ужасом.

Или отправляйся к Розалин. Уверена, она угостит тебя вкусными говяжьими ножками, чтобы тебе было не скучно дожидаться обеда.

Я промолчала.

— От одного укуса ты не умрешь, — продолжала она. — Конечно, если у тебя нет аллергии, но я все же намерена рискнуть. На это у меня смелости хватит. — И она озорно сверкнула глазами. — На укушенном месте появится небольшое вздутие, которое будет немного чесаться.

— Как комариный укус?

— Правильно. А это окуриватель. Сначала я запущу в улей дым, а потом мы посмотрим, что там и как.

Сестра Игнатиус начала действовать, а я с изумлением наблюдала, что все прочитанное мною утром в дневнике происходит в действительности, разворачивается словно сценарий. Тем временем сестра Игнатиус продолжала окуривать улей.

— Когда улью угрожает опасность, пчелы-стражники выпускают некое летучее вещество, которое называется изопентилацетат, а еще называется запах опасности. Он поднимает по тревоге пожилых пчел, у которых больше яда, чтобы они защитили улей от незваных гостей. Однако, когда сначала впустишь дым, стражники бросаются на мед, так им велит инстинкт выживания, на случай если придется покинуть улей и поселиться где-то еще. Поглощение меда действует на пчел успокаивающе.

Я смотрела, как дым проникал в улей. И вдруг я подумала о панике внутри. На меня накатила слабость, и я протянула руку, чтобы опереться о стену.

— На следующей неделе буду собирать мед. Если хочешь присоединиться ко мне, этот костюм твой. Приятно работать в компании. Сестры совсем не интересуются пасекой. Иногда мне нравится быть в одиночестве, но время от времени неплохо иметь компанию.

Голова у меня кружилась, стоило мне подумать о дыме внутри улья и бедных пчелах, панически заглатывающих мед. Мне хотелось оттолкнуть сестру Игнатиус, сказать ей, чтобы она замолчала, что мне совсем неинтересно собирать мед, но я слышала ее голос, ощущала ее возбуждение, ее радость от предвкушения моего общества и вспомнила запись в дневнике. Не говоря ни слова, я лишь кивнула в ответ и почувствовала, что еще немного — и я потеряю сознание. А всё дым.

— Во всяком случае, приятно, когда рядом кто-то, хотя бы делающий вид, будто радуется происходящему. Я уже старая. И много мне не надо. Однако это здорово, что ты вызвалась быть добровольцем. Полагаю, самый подходящий день — среда. Надо еще послушать, какая будет погода, чтобы

она не испортила нам все удовольствие. Не хватало еще промокнуть, как сегодня...

Она говорила и говорила, пока я не почувствовала на себе ее пристальный взгляд. Правда, она не видела моего лица так же, как я не видела ее лица под густой сеткой.

— Что с тобой, дорогая?

— Ничего.

— Ничего есть ничего. Но в нем почти всегда кроется нечто. Ты думаешь о дневнике?

— Да, думаю. Дело в том... нет, ничего. Ничего.

Мы немного помолчали, а потом, словно подтверждая ее слова, я спросила:

— Был кто-нибудь в замке, когда случился пожар? Сестра Игнатиус ответила не сразу:

— К несчастью, да.

— Страшно видеть... валит дым. Люди в панике. Представляю.

Я опять прислонилась к стене, ловя на себе озабоченный взгляд монахини.

— Кто-нибудь умер?

— Да. Умер. Тамара, ты не представляешь, сколько погибло людей, когда огонь набросился на этот дом.

На этот дом. Дом. Случившееся показалось мне еще более таинственным, когда сестра Игнатиус назвала такое огромное здание обычным словом «дом». Кто бы ни были жившие тут люди, для них замок был домом.

— А где они живут теперь? Те люди, которые выжили?

— Знаешь, Тамара, Розалин и Артур живут тут гораздо дольше меня... спроси их об этом. И не задавай мне вопросов, на которые я не могу ответить. Лгать тебе я не буду, понятно? Но этот вопрос ты должна задать им. Ясно?

Я пожала плечами.

— Ты поняла меня? — Она протянула руку и схватила меня за запястье так, что я через перчатку почувствовала силу ее пальцев. — Я никогда не лгу.

— Да-да, поняла.

— Ты согласишься их?

Я опять пожала плечами:

— Спрошу когда-нибудь.

— Спрошу, спрошу, это не разговор. Сейчас я сниму крышку и покажу

тебе обитателей медовой империи.

— Ага. А как вам удалось собрать их всех там?

— Ну, это самое простое. Мы все, Тамара, и всегда стремимся домой.

А теперь знаешь, я намерена показать тебе королеву улья.

— Вы пометили ее.

— Откуда ты знаешь?

— Когда я спала, то написала об этом в дневнике. Здорово, правда?

— Хм-м-м.

Домой я возвращалась довольно поздно. Весь день пробыла в саду. Как всегда, в своей любимой куртке, Артур тоже шел с работы, и я остановилась, чтобы подождать его.

— Артур, привет.

Он кивнул.

— Хороший был день?

— Ага.

— Ладно. Пожалуйста, Артур, мне надо поговорить с вами прежде, чем мы окажемся дома. Он остановился:

— Ничего не случилось?

Озабоченность, какой я ни разу не видела у него, преобразила его лицо.

— Да... Нет... Мама...

— А вот и вы. — Розалин стояла на переднем крыльце. — Наверно, оба умираете от голода. А у меня обед прямо из духовки, горячий, и ждет не дождется вас.

Я посмотрела на Артура, он — на Розалин. Наступила неловкая пауза, так как Розалин отказывалась оставить нас вдвоем. Тогда Артур сдался и зашагал по садовой тропинке к дому. Розалин отступила в сторону, пропуская его, потом вернулась на прежнее место, поджидая меня, после чего отправилась в кухню приглядеть за обедом. Когда мы уселись за стол, она поставила мамин обед на поднос и понесла его наверх. Я тяжело вздохнула.

— Разве нельзя сделать так, чтобы мама пообедала с нами внизу?

Некоторое время все молчали. Артур поднял взгляд на Розалин.

— Нет, детка. Ей нужен покой.

Я не детка. Я не детка. Я не детка.

— У нее покой круглые сутки. А мне кажется, ей нужны люди.

— Уверена, у нее все есть.

— Почему вы так думаете?

Не ответив, Розалин стала подниматься по лестнице. Буквально на

одну минуту мы с Артуром остались вдвоем. Но, словно читая мои мысли, Розалин мгновенно вернулась в кухню и внимательно посмотрела на Артура:

— Пожалуйста, Артур, принеси бутылку воды из гаража. Тамара не любит водопроводную.

— О нет, мне все равно. Я попью и такую! — торопливо воскликнула я, не давая Артуру встать.

— Ничего страшного, если Артур принесет воду. Пожалуйста, Артур. Он поднялся со стула.

— Не надо, — твердо проговорила я.

— Розалин, она не хочет... — произнес Артур так тихо, что я едва расслышала его слова.

Розалин поглядела на Артура, потом на меня и стала подниматься по лестнице. У меня появилось ощущение, что она еще ни разу не совершала это путешествие наверх настолько стремительно.

Мы с Артуром немного помолчали. Потом я торопливо заговорила:

— Артур, с мамой надо что-то делать. Это ненормально.

— Все, через что ей пришлось пройти, ненормально. Уверен, ей лучше поесть в одиночестве.

— Что? — Руки у меня буквально взлетели вверх. — Что это с вами двумя такое? Почему вам так нравится держать ее взаперти?

— Никому не нравится держать ее взаперти.

— Почему же вы не поговорите с ней?

— Я?

— Да. Вы. Вы ее брат, и я думаю, вам есть что ей сказать, если вы хотите вернуть ее обратно.

Артур прикрыл рот рукой и отвернулся от меня.

— Вы должны с ней поговорить. Артур, ей нужна ее семья.

— Хватит, Тамара, — прошипел Артур, и я отпрянула от него.

На мгновение он показался мне как будто оскорбленным. В его глазах вдруг появилась глубокая печаль. Потом, словно набравшись смелости, он, бросив взгляд на дверь кухни, снова посмотрел на меня. Подавшись вперед, он открыл рот и прошептал:

— Послушай, Тамара...

— Ну, вот и я. Твоя мама в отличном состоянии, — произнесла Розалин, вбегая в кухню своей семенящей, как у младенца, походкой.

Артур не сводил с нее взгляда, пока она не уселась на свое место за столом.

— Что? — спросила я Артура, съезжая на краешек стула. Что он

собирался мне сказать?

Розалин повернула голову, будто получив некий сигнал.

— О чем вы говорили без меня?

Как нельзя вовремя Артур шмыгнул носом. Этого было достаточно для Розалин.

— Ешьте, — проговорила она с вызовом, занявшись ложками и мисками с овощами.

Артур не сразу приступил к еде. И съел он немного.

В тот вечер я несколько часов не могла оторваться от дневника. Положила его на колени и стала ждать, когда появятся слова. Однако незадолго до двенадцати меня сморило, а когда я открыла глаза, был уже час ночи, дневник все так же лежал у меня на коленях, но уже заполненный моей рукой. Вчерашней записи как не бывало, а на ее месте появилась новая — о завтрашнем дне.

5 июля, воскресенье

Не надо было говорить Уэсли о папе.

Эту фразу я прочитала несколько раз. Кто такой Уэсли?

Глава двенадцатая

Надпись на стене

Полагаю, когда я заснула, мне привиделось во сне именно то, что должно было привидеться.

Я лежала в постели, и в голове у меня крутилась запись, прочитанная в дневнике, когда я была в замке, прежде чем эта запись была стерта следующей. К счастью, я прочитала ее столько раз до того, как фразы исчезли со страниц, уступив место другим, что знала ее практически наизусть. Все, о чем я прочитала, сбылось. Неужели и завтра будет то же самое? Неужели это чья-то злая шутка? Или я и вправду, как сказала сестра Игнатиус, пишу во сне всякую чепуху, которая по какой-то странной причине сбывается?

Мне приходилось слышать, что некоторые люди засыпают и начинают творить разные не свойственные им вещи. До меня доходили слухи о сонной эпилепсии, сверхъестественной сексуальности, беспроегрышной игре или даже самоубийственном лунатизме, то есть самоубийстве или убийстве во сне. Известно о нескольких знаменитых случаях, когда люди совершали убийства, а потом заявляли, что делали это во сне. Двое из таких убийц были оправданы, но с тех пор они должны были спать в одиночестве и за запертыми дверями. Не знаю, то ли Май видела это в новостях, то ли мне запомнился эпизод из «Перри Мэйсона»^[49] под названием «Дело племянницы-лунатички», из которого я почерпнула свои знания предмета. В любом случае, если такое возможно, тогда почему бы и мне, заснув, не писать в своем дневнике о том, что случится завтра?

Больше веры у меня было относительно лунатиков-убийц.

Зная сон, который должен был исполниться на следующий день — согласно записи Тамары-Из-Завтра, — я стала напряженно соображать, как его изменить, как сделать так, чтобы папа не превращался в школьного учителя, чтобы удержать его подольше и всерьез с ним поговорить. Мне даже пришло в голову придумать некий шифр, который был бы понятен только нам с папой, и каким-то образом вытащить папу из мира мертвых для прояснения неизвестных мне вещей. Это поглотило меня настолько, что я, естественно, увидела как раз то, о чем писала: то есть лицо моего папы, которое трансформировалось в лицо школьного учителя английского языка, потом мою школу, переехавшую в Америку, где я почему-то не могла

говорить по-английски, потом яхту, на которой мы поселились. Отличие заключалось лишь в том, что меня постоянно просили петь ребята, учившиеся в Высшей школе музыки, но когда я открывала рот, из него не вылетало ни звука из-за случившегося у меня ларингита. Однако мне никто не верил, так как я слишком часто врала прежде.

Было еще одно отличие, куда менее приятное для меня, так как яхта, на которой я жила, что-то вроде Ноева ковчега, оказалась забитой людьми, как улей — миллионами пчел. В коридоры пробивался дым, но его никто не замечал, кроме меня, а люди продолжали есть, безостановочно набивать рот едой, сидя за длинными банкетными столами, как в фильме о Гарри Поттере, пока дым заполнял каюты. Единственной, кто видел это, была я, но никто не слышал меня, потому что из-за ларингита я потеряла голос. Ну прямо притча о мальчике и волке.

Кое-кто сказал бы, будто дневник оказался прав, а циник и вовсе предположил бы, что, позволив своим мыслям сосредоточиться на подробностях уже известного сна, я с неизбежностью увидела свой сон наяву. И я, как было предсказано, проснулась оттого, что Розалин с визгом уронила горшок на пол.

Откинув одеяло, я соскочила с кровати и упала на колени. Накануне я послушалась собственного голоса, посоветовавшего мне спрятать дневник под половицей. Если Тамара-Из-Завтра считала это важным, я не могла не последовать ее совету. Кто знает, почему она — или я — собиралась идти на все, желая скрыть игру своих гормонов? Может быть, Розалин решила сунуть нос не в свои дела, и она, или я, не написала об этом? Последние пару ночей я приставляла к двери своей спальни деревянное кресло. Конечно, Розалин этим не остановить, но, по крайней мере, ее визит не остался бы незамеченным. С тех пор она не видела меня спящей. Во всяком случае, насколько мне известно.

Я сидела на полу около двери и в который раз перечитывала последнюю запись в дневнике, когда услышала шаги на лестнице. В замочную скважину я увидела, как Розалин ведет маму наверх. Вскочив на ноги, я запела и заплясала, а Розалин, закрыв мамину дверь, постучалась ко мне.

— Тамара, доброе утро. У тебя все в порядке? — спросила она.

— Да-да, спасибо, Розалин. Внизу что-то упало?

— Ничего страшного. Это я уронила горшок. Ручка на двери начала поворачиваться.

— Нет, не входите! Я голая! — закричала я, рванувшись к двери и запирая ее.

— Ладно, ладно... — Упоминания о теле, особенно об обнаженном теле, смущали мою тетку. — Через десять минут будет готов завтрак.

— Отлично, — тихо произнесла я, не понимая, зачем ей врать. Мама спускалась вниз — это же здорово! Наверное, в нормальной семье из этого не делали бы ничего выдающегося, но только не в моей, да еще теперь.

Тогда-то я окончательно поняла, насколько важна каждая строчка в дневнике, ведь все они были словно хлебные крошки, которыми я хотела пометить дорогу из моего старого дома в мой новый дом. Каждое слово было открытием, ключом к тому, что происходило у меня под носом. Когда в дневнике появилась запись, я услышала, как Розалин что-то уронила и вскрикнула, побудив меня заняться чтением. Я должна была понять, что в обычных обстоятельствах она ничего не уронила бы, значит, произошло нечто такое, почему она все же уронила горшок. Зачем ей надо было лгать о том, что маме ни к чему спускаться вниз? От чего она оберегала меня? Или себя?

Я опять уселась на пол, прислонилась спиной к двери и стала читать запись, которую обнаружила накануне.

5 июля, воскресенье Надо рассказать Уэсли о папе. Ненавижу его, когда он смотрит на меня с жалостью. Если я ему не нравлюсь, значит, не нравлюсь. Отец, совершивший самоубийство, не делает меня лучше — хотя почему бы и нет? — и как Уэсли узнал о папе? Наверное, я лицемерю, когда говорю об этом, но мне совсем ни к чему, чтобы люди думали обо мне иначе, узнав о папе. Мне всегда казалось, что я хочу другого, настоящей симпатии. Я могу привлечь к себе всеобщее внимание, в конце концов, могу быть тем, кем хочу быть.

Я думала, мне это по душе. Если не считать первый месяц после смерти папы — ведь это я нашла его, поэтому мне задавали много вопросов, поили чаем, хлопали по спине, пока я с рыданиями делала заявления полицейским; а потом в клетке у Барбары, где Лулу было приказано не спускать с нас глаз, в результате для меня все свелось к ежечасному горячему шоколаду и дополнительным порциям зефира, — но особого внимания я не получила. Если не считать повышенного внимания со стороны Артура и Розалин, то в следующем месяце я превратилась в Золушку.

Помнится, я сразу невзлюбила Сьюзи, новую ученицу в нашем классе, но потом узнала, что ее брат играет в регби за «Лейнстер», и сразу же под села к ней на уроке математики и целый месяц проводила у нее уик-энды, пока брата не исключили из команды, когда он поломал чью-то машину, выпив слишком много водки и «Ред Буллов». Желтая пресса

разделала его под орех, и он потерял спонсоров из компании, производившей контактные линзы. Никто больше не хотел его знать. И через неделю я тоже бросила Сьюзи.

Не могу поверить, что написала это. Самой противно.

Как бы там ни было, Уэсли переменялся в лице, когда я рассказала ему о папином самоубийстве. Наверное, нужно было сказать что-нибудь другое, например, папа погиб на войне или — не знаю — что-нибудь по-обыденнее. Неужели прозвучало бы странно, если бы я добавила: «Кстати, насчет самоубийства. Я пошутила. Папа умер от сердечного приступа. Ха-ха-ха».

Нет. Может быть, и нет.

Кто такой этот чертов Уэсли? Я посмотрела на дату. Опять завтра. Итак, завтра я встречусь с Уэсли. Наверное, он поднимется по стене Форта-Розалин, чтобы поздороваться со мной?

Посмотрев ночью самый фантастический из моих снов, я проснулась гораздо более усталой, чем была вечером. После такого сна мне хотелось лишь одного: лежать и лежать в постели все утро — или весь день. Увы, не получилось. Говорящие часы стукнули в мою дверь, прежде чем войти.

— Тамара, уже половина десятого. Мы едем на десятичасовую службу, а потом на рынок.

Я не сразу сообразила, о чем говорит Розалин, но потом проямлила, мол, я не церковный человек и не жду, когда на меня прольется ведро со святой водой. Однако это был неправильный ход. Розалин быстро оглядела мою комнату, видимо, желая убедиться, что за ночь на стенах не появились адские рожи, и не стала со мной спорить, наоборот, как будто обрадовалась, ведь, по ее словам, оставшись дома, я могла приглядеть за мамой.

Аллилуйя!

Я слышала, как зашумел мотор, представила Розалин в двойке, с брошью и в шляпке с цветами, хотя видела, что шляпок она не носит. Представила Артура в цилиндре, сидящего в «кадиллаке», и весь мир, разрисованный сепией, пока они ехали на воскресную службу. Я была до того счастлива остаться дома, что у меня даже не мелькнуло мысли: а вдруг Розалин не хотела, чтобы нас видели вместе в церкви или на рынке? Чуть позже эта мысль пребольно кольнула меня в сердце. Тем не менее она не помешала мне опять заснуть, и не знаю, сколько я проспала, пока не услышала гудок автомобильного клаксона. Не обращая на него внимания, я попыталась вернуться в свои сны, однако сигналы становились все громче и продолжительнее. Тогда я сползла с кровати и распахнула окно, собираясь наорать на обидчика, но вместо этого рассмеялась, так как

увидела сестру Игнатиус, втиснутую в желтый «фиат-чинквеченто» с еще тремя монахинями. Она сидела сзади, около открытого окошка, и чуть ли не всем телом высунулась в образовавшуюся дыру, как будто ей вдруг захотелось рвануть навстречу солнцу.

— Ромео, — позвала я.

— У тебя такой вид, будто ты лезла сквозь зеленую изгородь.

Потом она сделала попытку увезти меня на воскресную службу. Из этого ничего не вышло. Тогда одна из сестер стала втаскивать ее обратно. Едва сестра Игнатиус уселась внутри, как машина помчалась прочь, не снижая скорость и не обращая внимания на знаки. Все-таки я увидела, как сестра Игнатиус машет рукой, и сквозь автомобильный грохот услышала: «Спасибо за кнiiiiииигу!» — когда монахини скрывались за углом.

Еще пару часов я подремала, наслаждаясь покоем и полной свободой, когда не слышно многозначительного постукивания кастрюль в кухне или шума пылесоса около моей двери, потому что Розалин постоянно чистила ковер в коридоре.

В какой-то момент я вспомнила, что Розалин сказала о маме. Она назвала маму лгуньей. Неужели они враждовали? Неужели Артур и мама враждовали? Внешне мама казалась абсолютно счастливой, когда мы приехали в этот дом. Что же изменилось? И если изменилось, то что? Надо постараться улучшить минуту и все же поговорить с Артуром наедине.

В одиннадцать часов я заглянула к маме. Она все еще спала, хотя это было необычно для нее, но, поднеся руку к ее носу, я убедилась, что она жива. Рядом с кроватью стоял оставленный Розалин поднос с завтраком. В кухне я пожевала апельсин, потом прошлась по дому, беря в руки разные вещи, изучая немногие фотографии в гостиной. Артур держит в руках громадную рыбину, Розалин в синем платье придерживает шляпу, едва не унесенную ветром, и смеется. Розалин и Артур стоят рядом, но не прикасаясь друг к другу, словно они дети и им приказали в день причастия постоять рядом перед фотографом; руки вытянуты вдоль тела или сжаты впереди — в общем, такие они скромные, что и воды не замутят.

Я сидела в гостиной и читала книгу, которую мне подарила Фиона. Точно в час дня к воротам подъехали Артур и Розалин, и на меня вновь навалилась непомерная тяжесть. От свободы не осталось и следа, в доме появились другие люди, и нам вновь предстояло играть в наши тайны.

О чем я, черт подери, думала?

Мне надо было как следует осмотреться. Мне надо было пойти в гараж и посмотреть, что там есть. Наверняка Розалин врет мне. Надо было позвать врача, чтобы он осмотрел маму. Надо было узнать, что находится

напротив через дорогу или хотя бы в саду за домом. Надо было, надо было... А вместо этого я сидела в гостиной и хандрила. Теперь придется ждать целую неделю, прежде чем представится удобный случай.

Пропавший день.

Заметка на память: в будущем не будь душой и оставляй окно открытым.

До завтра, дневник.

Спрятав дневник под полом, я аккуратно уложила половицу и, взяв из комода чистое полотенце и мой любимый шампунь, от которого уже почти ничего не осталось, но который был незаменим из-за своей комфортности и, впервые в моей жизни, из-за высокой цены, направилась в душ, однако вспомнила, как сестра Игнатиус говорила, будто заедет после службы. Вот была бы отличная возможность проверить дневник на правдивость. Я включила воду, а сама в ожидании притаилась на лестничной площадке.

Наконец в дверь позвонили, и меня бросило в дрожь.

Розалин пошла открывать, и по тому, как изменилась атмосфера в доме, я поняла, что пришла сестра Игнатиус.

— Доброе утро, сестра.

Как я ни изгибалась, все равно видела только спину Розалин. В этот день на ней было платье, подсказанное Фиффес^[50], — всё в связках бананов. Ничего, кроме платья, видно не было, так как Розалин постаралась не особенно открывать дверь, словно не желала показывать сестре Игнатиус, что творится у нее за спиной. Если бы не дождь, неожиданно пролившийся с небес, вряд ли сестре Игнатиус удалось бы войти в дом. С крыльца она переместилась в холл и огляделась. Мы встретились взглядами, я улыбнулась ей и опять спряталась.

— Проходите, проходите в кухню, — проговорила Розалин с такой настойчивостью, словно потолок в холле мог в любую минуту обрушиться.

— Мне и здесь хорошо. Я ведь ненадолго. — Сестра Игнатиус не двинулась с места. — Мне просто захотелось зайти и посмотреть, как вы тут. Мы уже несколько недель не виделись.

— О да, и то правда. Извините меня. Артур был ужасно занят на озере, ну а я... у меня непростой дел по дому. Пойдемте в кухню?

Розалин старалась говорить тихо, словно в доме спал ребенок.

— Ты, Розалин, прячешь в доме мать с ее ребенком, так расскажи об этом.

Из маминой комнаты слышался шум, будто передвинули кресло.

Сестра Игнатиус посмотрела на потолок:

— Что это?

— Ничего. А вы, верно, готовитесь к сбору меда. Пойдемте в кухню, пойдемте-пойдемте.

Розалин попыталась схватить сестру Игнатиус за руку и увести ее из холла.

— Если погода позволит, то буду собирать мед в среду.

— Дай Бог, дай Бог.

— Сколько банок вам принести? В маминей спальне что-то упало. Сестра Игнатиус сразу же остановилась, но Розалин потащила ее за собой, не переставая говорить-говорить-говорить. Лишь бы не молчать — не молчать — не молчать. Кто-то умер. Кто-то заболел. Мэвис из города сбил дублинский автомобиль, когда она отправилась за подарком на тридцатый день рождения своему племяннику Джону. Она умерла. Но подарок купила. Очень печально, особенно если вспомнить, что ее брат умер год назад от рака кишечника и теперь здесь никого не осталось из всей семьи. Есть, правда, еще отец, но ему придется жить в приюте. Он тяжело заболел, когда она умерла. Очень испортилось зрение, а ведь он был лучшим игроком в дартс. И поминки были очень грустные, потому что все вспоминали Мэвис. Не молчать — не молчать — не молчать. Сколько раз мы с мамой это обсуждали. И здесь тоже слон.

Когда сестра Игнатиус ушла, Розалин прижалась лбом к двери и тяжело вздохнула. Потом выпрямилась и поглядела наверх. Я отпрянула. Когда я вновь осмелилась выглянуть, то оказалось, что дверь в спальню Розалин открыта настежь. Мимо проскользнула тень.

У меня не было сил, чтобы выдержать завтрак в компании с Розалин и Артуром. Я хотела быть где угодно, но только не в кухне. Доносившиеся оттуда запахи вызывали у меня тошноту. Тогда меня осенило, и я отправилась к маме.

— Мама, пожалуйста, пойдем со мной. Я ласково взяла ее за руку и постаралась повести за собой. Но мама была как скала.

— Пожалуйста. Выйдем на свежий воздух. Погуляем под деревьями, сходим к озеру, посмотрим на лебедей. Держу пари, ты никогда здесь не гуляла. Пойдем. Тут есть красивый замок и много чудесных тропинок. Есть даже огороженный стенами сад.

Мама внимательно поглядела на меня. Я видела, как у нее расширились зрачки.

— Тайный сад, — произнесла она и улыбнулась.

— Мама, да. Ты была там?

— Розы.

— Ну да, там много роз.

— Мм-м-м. Красивые, — произнесла она с нежностью, а потом опять ушла в себя, словно умчалась на север Англии, и произнесла несколько слов: — Красивее розы. — Сказав это, она выглянула в окно, потом поглядела на меня и пальцем обвела мое лицо. — Красивее розы.

Я улыбнулась.

— Спасибо.

— Мама бывала тут раньше. Правда, бывала? — вырвалось у меня, когда я вбежала в кухню, испугав своим напором Розалин.

Она прижала палец к губам. Артур разговаривал по телефону, по очень старомодному телефону, висевшему на стене.

— Розалин, — прошептала я, — она заговорила.

Розалин перестала раскатывать тесто и повернулась ко мне:

— Что она сказала?

— Она сказала, что сад за стеной был тайным садом и что я красивая, как роза. — Я сияла от счастья. — Или красивее розы.

Розалин как будто помертвела.

— Это хорошо, детка.

— Что — хорошо? Что значит это чертово «хорошо»?

Розалин и Артур попытались утихомирить меня.

— Да. Это Тамара, — произнес Артур.

— С кем вы говорите?

— С Барбарой, — ответила Розалин. На лицо ей упали пряди волос, обычно тщательно заколотые сзади и, когда она стала вновь раскатывать тесто, повлажневшие.

— Можно мне поговорить с ней? — спросила я. Артур кивнул.

— Хорошо. Хорошо. Нам удалось прийти к соглашению. Да. Хорошо. Конечно. Хорошо. До свидания.

И он повесил трубку.

— Я же сказала, что хочу поговорить с ней.

— Барбара куда-то спешила, так она сказала.

— Наверно, ей не терпится переспать со своим чистильщиком бассейна. Все заняты, заняты, — с недоброй усмешкой произнесла я. Понятия не имею, почему мне пришло в голову спросить: — И зачем она звонила?

Артур взглянул на Розалин.

— К сожалению, им пришлось продать то место, где хранились вещи из вашего дома, поэтому их надо забрать.

— У нас тоже нет места, — мгновенно отозвалась Розалин, отворачиваясь к столу и посыпая доску мукой.

Ничего нового.

— А в гараже? — спросила я, начиная понимать смысл записи в дневнике.

— Там тоже нет места.

— Не бойся, найдем мы место, — желая угодить мне, произнес Артур.

— Не найдем, потому что его нет.

Розалин подхватила следующий шар из теста и, бросив его на стол, принялась изо всех сил бить его, крутить, оглаживать, придавая ему нужную форму.

— В гараже хватит места, — настойчиво повторил Артур. Розалин оставила тесто, но не обернулась.

— Не хватит.

Я переводила взгляд с Артура на Розалин, сразу же заинтересовавшись этой первой размолвкой, случившейся в моем присутствии.

— А что там такое? — спросила я.

Розалин вернулась к тесту.

— Придется освободить место, Розалин, — твердо произнес Артур и, словно ожидая возражений, повысил голос: — Больше негде.

На этом все закончилось.

У меня же появилось отвратительное чувство, что в принципе они были едины насчет меня и мамы, ворвавшихся в их жизнь, хотя и не сходились в некоторых деталях.

Ни Розалин, ни Артур не стали возражать, когда я вынесла в сад одеяло и, поставив на него тарелку с фруктами, уселась под деревом. Из-за пролившегося грибного дождя трава была еще мокрая, но я не собиралась уходить с облюбованного места. В воздухе стояла прохлада, но солнце упорно пробивалось сквозь облака. Со своего места я хорошо видела маму, глядевшую в окно. Мне очень хотелось, чтобы она вышла в сад, и не только ради нее самой, но также ради моего душевного равновесия. Увы, и в этом не было ничего удивительного, она не желала присоединиться ко мне.

Розалин возилась в кухне. Артур сидел за столом, слушал радио, включенное на всю мощь, и читал газету. Потом Розалин взяла поднос и вышла из кухни, а буквально через минуту я увидела, как она входит в мамину комнату. В ее поведении не было ничего необычного. Вот она подошла к окну, потом к столу, накрыла его скатертью, разложила еду.

Оставив поднос на столе, Розалин долго стояла неподвижно и смотрела на маму. Я выпрямилась.

Что бы это ни было, вела она себя необычно. Потом Розалин открыла и закрыла рот, словно что-то сказала маме.

Тогда мама подняла голову, проговорила что-то в ответ и опять отвернулась.

Не совсем соображая, что делаю, и не сводя взгляда с обеих женщин, я поднялась с одеяла.

Потом помчалась в дом, едва не наткнулась на Артура и бросилась вверх по лестнице. Когда я распахнула мамину дверь, то услышала крик и звон посуды, потому что ударила дверью Розалин и выбила у нее из рук поднос. Тарелки посыпались на пол.

— О Господи!

Розалин в ужасе присела на корточки и стала собирать осколки. У нее задралась юбка, открыв на удивление молодые ноги. Мама обернулась, посмотрела на меня, улыбнулась и вновь стала глядеть в окно. Я бросилась помочь Розалин, но она отвергла мою помощь, да еще попыталась прогнать меня прочь, старательно подбирая именно те осколки, к которым тянулась моя рука. Потом я шла следом за ней по лестнице, словно щенок, буквально наступая ей на пятки.

— Что она сказала? Я старалась говорить тихо, чтобы мама не услышала, как мы говорим о ней.

Не в силах унять дрожь, побледневшая Розалин никак не могла прийти в себя после случившегося. Ее шатало, и все же она упорно шагала в кухню, не выпуская из рук большой поднос.

— Ну же? — не отставала я от Розалин.

— Что «ну же»?

— Что у вас там был за шум? — спросил Артур.

— Что она сказала? — спросила я.

Округлившимися ярко-зелеными глазами, в которых полыхал огонь, Розалин посмотрела на Артура, потом на меня. Зрачки у нее стали совсем крошечными.

— Упал поднос, — ответила она Артуру и обернулась ко мне: — Ничего.

— Зачем вы лжете?

Розалин изменилась в лице. Оно вдруг стало таким злым, что мне сразу же захотелось взять свои слова обратно; виновато мое воображение, это я виновата, требовала внимания... не знаю. Я совсем запуталась.

— Простите, — запинаясь, произнесла я. — У меня само выскочило. Просто мне показалось, что она что-то сказала. Это все.

— Она сказала «спасибо», и я сказала «пожалуйста». Но я помнила движение маминых губ.

— Она сказала «извини», — проговорила я, даже не успев подумать о

том, чтобы промолчать. Розалин замерла. Артур оторвался от газеты.

— Она была виновата? В чем? — спрашивала и спрашивала я, переводя взгляд с Артура на Розалин и с Розалин на Артура. — Почему она извинялась?

— Не знаю, — тихо произнесла Розалин.

— Артур, вы должны знать. — Я не сводила с него взгляда. — Это имеет для вас смысл? Почему мама извинялась?

— Полагаю, она считает, что стала для нас обузой, — вмешалась Розалин. — Но это неправда. Мне совсем нетрудно готовить для нее. Никакого беспокойства.

— А! Артур едва удерживался, чтобы не сбежать из кухни, и как только он ушел, все стало как всегда.

Я решила, что осмотрю гараж, когда Розалин не будет дома, но, чтобы она ушла, надо было сделать вид, будто мне этого совсем не хочется. В таких случаях она, как правило, забывала о своей подозрительности.

— Можно мне помочь вам и отнести что-нибудь в бунгало?

— Нет, — раздраженно буркнула Розалин, все еще злясь на меня.

— Все равно спасибо, Тамара, — немного погодя проговорила она, и я очень удивилась.

Розалин положила на стол свежее испеченный черный хлеб, яблочный пирог, горшочек с чем-то мясным и несколько мисок фирмы «Таппервер»^[51]. Этого хватило бы на неделю.

— Кто там живет?

Ответа не последовало.

— Ну же, Розалин. Я понятия не имею, что с вами было прежде, но ведь я не из гестапо. Мне шестнадцать лет, и я любопытствую, потому что мне совершенно нечем занять себя. Возможно, там живет кто-то, с кем я могла бы поговорить, не доведя его до смерти.

— Моя мать, — в конце концов произнесла Розалин.

Я ждала продолжения. Моя мать сказала, чтобы я не лезла в чужие дела. Моя мать сказала, чтобы я всегда носила нарядные платья. Моя мать сказала, чтобы я никому не открывала тайну ее яблочного пирога. Моя мать сказала, что секс — это плохо. Но ничего такого не последовало. Мать Розалин. Ее мать живет напротив, через дорогу.

— Почему вы не рассказываете о ней?

Розалин смутилась:

— Она... она старая.

— Старики умные. Можно мне навестить ее?

— Нет, Тамара, нет. Пока нет, — проговорила она, несколько

смягчившись. — Она болеет. Не может ходить. И не жалуется незнакомых людей. Они пугают ее.

— Поэтому вы все время бегаете туда-сюда? Вам постоянно приходится обо всех заботиться, бедняжка.

Розалин была тронута:

— У нее больше никого нет. Кроме меня, за ней некому приглядеть.

— Вы уверены, что вам не нужна моя помощь? Я не буду с ней заговаривать, не буду шуметь и беспокоить ее.

— Нет, Тамара, но все равно спасибо. Спасибо, что предложила свою помощь.

— А почему она не живет поближе к вам, чтобы легче было за ней ухаживать?

— Нет. Она всегда там жила.

Тем временем Розалин положила в кастрюльку цыпленка и полила его томатным соусом. Пока я наблюдала за Розалин, у меня было время подумать.

— Значит, в том доме вы выросли?

— Да, — ответила она, переставляя еду на поднос. — В том доме я выросла.

— Недалеко же вы уехали. Вы стали жить здесь, когда поженились с Артуром?

— Правильно, Тамара. И хватит вопросов. Знаешь, что любопытство сгубило кошку?

И она коротко улыбнулась, направляясь к двери.

— Скука убила чертову кошку, — крикнула я, когда она закрывала за собой дверь.

Потом я побежала в гостиную, что делала каждое утро, и стала смотреть, как она переходит дорогу, словно была параноидной хомячихой, мечтающей о появлении ястреба, который утащил бы ее подальше.

Когда Розалин уронила полотенце, я стала ждать, что она остановится и поднимет его. Ничего подобного. Она даже не заметила пропажи. Тогда я быстренько выскочила из дома и побежала по садовой тропинке к воротам, где, изображая послушную девочку, остановилась в ожидании, что, спохватившись, Розалин примчится обратно.

Набравшись храбрости, я ступила за ворота. Сделав один шаг, я сделала второй, третий, не сомневаясь, что Розалин заметит отсутствие кухонного полотенца. Боевая готовность. Где-то здесь яблочный пирог с пылу с жару. Бунгало представляло собой скучное здание из красного кирпича и с двумя окнами, занавешенными белым тюлем, похожими на два

глаза с глаукомой и разделенными зеленой, цвета соплей, дверью. Окна казались темными и, хотя на самом деле такими не были, но, как цветные, отражали внешний свет, не выдавая никаких признаков жизни внутри дома. Посреди дороги я наклонилась и подняла клетчатое полотенце, совершенно не подвергая себя опасности, так как на дороге почти никогда — почти никогда, совсем мертвый — не проезжали машины. Никакого труда мне не стоило одолеть садовое ограждение, я всего лишь подняла ногу и переступила через него, до того оно было низким. Я считала этот путь самым безопасным, и мне не составило труда перелезть через пятьдесят лет гнившие ворота. Медленно продвигаясь вперед, я не сводила взгляда с окошка справа. Потом прижалась лицом к стеклу и постаралась разглядеть то, что происходило за жуткой тюлевой занавеской. Оказавшись опутанной множеством тайн, я сама не знала, что собираюсь увидеть. Самую тайную тайну, секту сумасшедших, трупы, коммуну хиппи, нечто невероятно сексуальное с множеством ключей в пепельнице... Не знаю. Что-то, что-то, но не электрический обогреватель на месте камина в окружении коричневых плиток и изразцовой каминной полки, зеленого ковра и старых кресел с деревянными подлокотниками и зелеными бархатными мягкими подушками. Если честно, комната показалась мне печальной. Она немножко напоминала приемную зубного врача, и мне стало не по себе. Розалин ничего не скрывала. Нет, не совсем так: она скрывала самый ужасный дизайнерский провал столетия.

Вместо того чтобы позвонить в дверь, я пошла вдоль стены, завернула за угол и сразу же увидела сад и большой гараж, в точности такой же, как за нашим домом. В окне что-то мелькнуло. Сначала мне показалось, будто это вспышка фотоаппарата, но потом я поняла, что нечто, на мгновение ослепившее меня, — отраженный солнечный свет. Я подошла поближе, изнемогая от желания увидеть то, что пряталось за углом.

Вдруг передо мной появилась Розалин, и я даже подпрыгнула от неожиданности, а мой громкий крик отозвался эхом в узком проходе. Секунда — и я рассмеялась.

Испуганная Розалин сделала мне знак, чтобы я замолчала.

— Простите, — улыбнулась я. — Надеюсь, я не очень напугала вашу маму. Вы обронили полотенце на дороге, и я принесла его. Что это за свет?

— Какой свет?

Она отступила вправо и тем самым защитила меня от яркого света, но и заслонила то, что привлекло мое внимание.

— Спасибо.

Я потеряла глаза.

— Тебе лучше вернуться домой, — прошептала Розалин.

— Ну почему? Разве мне нельзя даже поздороваться? Все это немного напоминает «Скуби-Ду»^[52]. Ну, знаете, сериал о чудовищах.

— Нет здесь никаких чудовищ. Мама не очень любит, когда приходят незнакомые люди. Если она будет чувствовать себя получше, мы как-нибудь пригласим ее на обед.

— Отлично. Еще одна старуха в моем списке знакомых людей.

Я уже собралась еще раз попытать счастья, видя, что Розалин совсем размякла, но тут с дороги послышался шум мотора, и я, надеясь на свидание с Маркусом, махнула Розалин рукой и помчалась прочь.

Увы, это был не Маркус, однако пять секунд надежды стали самым прекрасным, что случилось со мной за целый день. И все же это оказался он. Он стоял на крыльце, когда я перебежала через дорогу, и приглаживал волосы, глядясь в дверное стекло.

— Над ухом волосинка выбилась из прически, — окликнула я его, остановившись у ворот.

Улыбаясь, Маркус обернулся ко мне:

— Гудвин. Приятно тебя видеть.

— Ты приехал за книгой?

Он засмеялся:

— Ну да, за книгой, конечно. Никак не мог забыть о... проклятой книге.

— Знаешь, с книгой небольшая проблема.

— Что с тобой?

— Да нет, я говорю о книге, о той самой книге, которую я взяла.

— Ты ее потеряла?

— Нет, не потеряла...

— Не верю. Ты знаешь, какое наказание предусмотрено за потерю книги из передвижной библиотеки?

— Провести с тобой целый день?

— Нет, Гудвин. Если ты совершила преступление, то будешь отлучена от библиотеки на некоторое время. Я аннулирую твою карточку.

— Нет, только не это.

— Да. Давай сюда твою карточку. — Он встал рядом со мной и принялся щупать и тискать меня. — Где она? Где она?

Его руки были везде, наконец добрались до карманов на джинсах и стали спускаться вниз.

— Отказываюсь ее возвращать, — засмеялась я. — Если серьезно, Маркус, то я не потеряла ее, но и ты ее не получишь.

— Полагаю, тебе неизвестны правила передвижной библиотеки. Ты берешь книгу, читаешь ее, пусть даже танцуешь с ней, если тебе так больше нравится, а потом возвращаешь ее симпатичному библиотекарю.

— Да нет, послушай меня. Ее открыли, и оказалось, что это совсем не книга, а дневник. Все страницы были пустыми.

Совсем пустые. Совсем мертвый.

— И на них кто-то стал писать.

— Ну... кто-то. Случайно, не ты?

— Точно не я. Понятия не имею, кто бы это мог быть. — Я засмеялась, но мне было не до смеха. — Всего на нескольких первых страницах. Я могла бы вырвать их и отдать тебе книгу, но...

— Лучше скажи, что ты ее потеряла. Так будет проще.

— Погоди минутку.

Я бросилась в дом, промчалась вверх по лестнице, отдернула половицу и вытащила дневник. Потом, прижав его к груди, побежала обратно.

— Ты не будешь его читать, но вот тебе доказательство, что я его не потеряла. Я заплачу? сделаю как скажешь... Но не отдам его тебе.

Маркус понял, что я говорю серьезно.

— Нет-нет, ничего страшного. Одна книга не делает погоду. Можно мне прочитать? Там есть что-нибудь обо мне?

Я засмеялась и отодвинулась подальше, чтобы он не отобрал у меня дневник. Однако он был сильнее и выше, так что дневник оказался у него в руках. И я испугалась. Маркус открыл первую страницу, и я стала ждать, когда он прочитает ее и получит подтверждение о самоубийстве папы.

— Я не должна была говорить Уэсли о папе, — прочитал Маркус. — Кто такой этот Уэсли? — спросил он, оборачиваясь ко мне.

— Понятия не имею. — Больше не смеясь, я попыталась вернуть себе дневник. — Маркус, отдай дневник.

Он протянул его мне:

— Извини, я не должен был читать, но ты неправильно поставила дату. Пятое — завтра.

В ответ я лишь покачала головой. По крайней мере, я убедилась в реальности дневниковых записей. Дневник на самом деле существовал.

— Извини, я не должен был читать.

— Нет, ничего. Это не я писала.

— Тогда, верно, кто-то из Килсани?

Пожав плечами, я закрыла дневник. Мне очень хотелось прочитать, что там написано.

— Да, кстати, я нашла сестру Игнатиус!

— Надеюсь, живую?
— Она живет по другую сторону сада. Я покажу.
— Нет, Гудвин, я тебе не доверяю. В последний раз ты направила меня в разрушенный замок.

— Я сама провожу тебя. Пойдем в библиобус,
Книжник. Пробежав по тропинке, я прыгнула в автобус. Маркус со смехом последовал за мной. Когда мы остановились возле жилища монахинь, я нажала на клаксон.

— Тамара, так нельзя. Это же монастырь.
— На самом деле это не совсем монастырь, — проговорила я и еще раз нажала на клаксон.

На пороге появилась рассерженная женщина в черной юбке, черном джемпере и белой блузке, с золотым крестом и в белом монашеском покрывале. Она выглядела старше, чем сестра Игнатиус. Не дожидаясь расспросов, я выскочила из автобуса.

— Из-за чего весь этот шум?
— Мы приехали к сестре Игнатиус. Она хотела взять у нас книжку.
— Сейчас время молитвы, и ее нельзя беспокоить.
— А, да, конечно. Подождите, пожалуйста. — Я побежала в автобус, обогнув его сзади. — Вы не могли бы передать это ей? Скажите, от Тамары. Специальная доставка. На прошлой неделе она сделала заказ.

— Обязательно передам.
Монахиня взяла книгу и тотчас исчезла за дверью.
— Тамара, — строго произнес Маркус, — какую книгу ты ей дала?
— «Соблазненная турецким миллиардером» — лучшая книга издательского дома «Миллс и Бун».

— Тамара! Из-за твоих проделок меня уволят.
— Похоже, тебе не все равно! Едем, Книжник! Увези меня отсюда!
Мы поехали в город и даже остановились в людном месте. Но на самом деле мы отправились в Марокко, и он поцеловал меня у подножия пирамиды в Гизе.

— Итак, чем ты занималась последние несколько дней? — излучая счастье, спросила Розалин, накладывая мне на тарелку три тысячи калорий. Дневник не ошибся насчет пастушьего пирога.

Она перехватила меня, едва я вошла в дом. Правда, у меня все же было достаточно времени, чтобы спрятать дневник в своей комнате и вернуться вниз. Мне не хотелось говорить, что я провела день с Маркусом, ведь она могла бы и запретить нам встречаться. Однако она не могла быть против моего общения с монахиней, или могла?

— Довольно много времени я провела с сестрой Игнатиус.

Розалин уронила большие ложки в миску, потом на удивление неловким движением вновь вынула их из воды.

— С сестрой Игнатиус? — переспросила она.

— Да.

— Но... когда вы познакомились?

— Несколько дней назад. А как чувствует себя сегодня ваша мама? Она когда-нибудь придет к нам на обед?

— Ты не говорила о том, что познакомилась с сестрой Игнатиус.

Не говоря ни слова, я сидела и смотрела на нее. Ее реакция была в точности такой, как я написала в дневнике. Надо ли мне извиниться? Надо остановить этот разговор? Я не знала, что делать и как распорядиться информацией, которую получила. И какой в ней смысл?

Тогда я сказала:

— Я не говорила, как не говорила о том, что у меня во вторник началась менструация, но она же началась.

Артур вздохнул, у Розалин затвердело лицо.

— Говоришь, ты познакомилась с ней несколько дней назад? Ты уверена?

— Конечно же уверена.

— Может быть, это произошло сегодня?

— Нет.

— Она знает, где ты живешь?

— Да, знает. Она знает, что я живу тут.

— Понятно, — почти беззвучно произнесла Розалин. — Но... она приходила сегодня утром. И не задала о тебе ни одного вопроса.

— Правда? А вы что сказали ей обо мне?

Иногда, меняя тон, меняешь смысл произнесенных слов, и мне об этом было известно. Как правило, в письменных посланиях люди не улавливают нужный «тон» или, улавливая некий «тон», совершенно неправильно понимают смысл невинных фраз. Бесчисленное количество раз я ссорилась с Зои из-за того, как воспринимать послание из пяти слов. Однако моя последняя фраза имела особый смысл, и я намеренно подчеркнула ее своим тоном. Розалин поняла. Ума ей не занимать, и она сразу сообразила, что я могла слышать их разговор с сестрой Игнатиус. Правда, пока они беседовали, из душа доносился шум льющейся воды, но теперь это ничего не меняло.

— Вы против моей дружбы с ней? Думаете, она может плохо на меня повлиять? Я попаду в какую-нибудь сумасшедшую секту и буду одеваться

только в черное? О нет, ради Бога! Она же монахиня.

Со смехом я посмотрела на Артура, который не сводил взгляда с Розалин.

— О чем вы говорили?

Я услышала испуг в ее голосе.

— Разве имеет значение, о чем мы говорили?

— Я хотела сказать, ты еще маленькая девочка. О чем тебе разговаривать с монахиней?

Розалин улыбнулась, стараясь скрыть испуг.

В этот момент я собиралась заговорить о замке, о пожаре и о том, что замок был обитаем гораздо позже, чем я думала прежде. Вспомнив о дневнике, я собиралась задать Розалин вопрос: кто умер и вообще кто был там? Жаль, я не сказала ей о том, что узнала о замке. А может быть, мне и не надо было об этом упоминать? Долго-долго Розалин смотрела на меня, и я стала думать об ответе на ее вопрос. Чтобы у меня было время поразмышлять, я подцепила на вилку немного фарша.

— Понимаете... мы о многом говорили...

— О чем именно?

— Розалин, — тихо произнес Артур.

Она повернула голову и посмотрела на него, как олениха, которая услышала вдалеке щелчок спускового крючка.

— Твой обед остынет.

И он поглядел на ее тарелку, которая все еще оставалась нетронутой.

— Ах... Да. — Розалин взяла вилку, наткнула на нее кусок морковки, но не донесла его до рта. — Продолжай, детка. Ты что-то хотела сказать.

— Розалин, — вздохнула я.

— Дай ей поесть, — тихо попросил Артур.

Я поглядела на Артура, желая его поблагодарить, но он не поднял головы, продолжая с закрытым ртом пережевывать пищу. Наступила напряженная тишина, которая прерывалась лишь естественными звуками поедания разных блюд и звоном тарелок.

— Прошу прощения. Мне надо в ванную комнату, — в конце концов сказала я, не в силах больше выносить тишину.

Но я не пошла наверх, а осталась за закрытой дверью, чтобы послушать, о чем они будут говорить.

— Что это все значит? — рявкнул Артур.

— Шшш, говори потише.

— Я буду говорить потише, — прошипел Артур, но все же умерил свой пыл.

— Сестра Игнатиус заезжала сегодня утром, но она ни словом не обмолвилась о Тамаре, — прошептала Розалин.

— И что?

— Она вела себя так, словно ей ничего неизвестно о Тамаре. Но если Тамара познакомилась с ней, она должна была сказать хоть что-то. Сестра Игнатиус не из тех, кто промолчит о таком. Почему же она промолчала?

— И о чем ты думаешь? Тамара солгала?

У меня буквально отвалилась челюсть, и я едва не ворвалась в кухню, но меня остановил голос Розалин, прозвучавший с непередаваемой горечью:

— Конечно же солгала. Она копия своей матери.

На этом Розалин замолчала. Артур тоже ничего не сказал.

Глава тринадцатая

Большой замок

Я лежала в постели, стараясь не думать о словах Розалин, которые вновь и вновь возникали у меня в голове. Что-то эти люди знали такого, о чем я не имела ни малейшего представления. Значит, надо постараться и выяснить, что это, что Розалин имела в виду. Вчера никакие тайны не были разгаданы, а вот завтра — другая история. Не давая себе успокоиться, я вновь перечитала запись за завтрашний день. Было о чем подумать. Лежа в постели, я мысленно перебирала то, что должна сделать завтра за довольно короткий срок, так как Розалин и Артур вернутся точно в час дня и у меня не будет ни одной лишней минуты. Стояла сырая июльская ночь. Или скоро начнется гроза, или завтра будет жаркий день. Я открыла окно, решив глотнуть свежего воздуха, и, сбросив одеяло, лежала в голубом свете луны, наблюдая за сверкающими звездами на маслянистом небе.

В ночной тишине я слышала уханье филина, блеяние овец, мычание коров, требующих внимания к себе, — короче говоря, сельские звуки, к которым уже успела привыкнуть. Время от времени в комнату врывается легкий ветерок, и каждый раз я слышала нежный шорох листьев на деревьях, которые тоже благодарили его за прохладу. Некоторое время спустя я немного замерзла и потянулась, чтобы закрыть окно, но тут до меня дошло, что птичьи голоса были вовсе не птичьими голосами, а голосами людей, доносившимися до меня издалека. Людям, которые живут в сельской местности, известно, как далеко разносятся ночные звуки, и когда я опять прислушалась, то и впрямь различила естественные интонации человеческой речи, врывающийся в нее смех, наверное, музыку, а потом вновь возникшую тишину, когда притих ветер. Голоса доносились со стороны замка.

На часах было половина двенадцатого. Я надела теплый тренировочный костюм, тапочки и постаралась двигаться по комнате очень тихо, хотя половицы все равно скрипели у меня под ногами. При каждом скрипе я замирала на месте в ожидании, что проснется спящий великан. Отодвинув кресло от двери, я неслышно приоткрыла ее. Было бы здорово спуститься вниз и распахнуть входную дверь, не потревожив хозяйку дома. Розалин кашлянула, и я застыла на пороге, а потом, постояв немного, опять закрыла свою дверь. Прежде я ни разу не слышала, как она кашляет, и

приняла это в качестве предупреждения.

Тогда я залезла в постель, чтобы не скрипеть половицами, и подползла к окну. Матрас был старый, пружинный и совсем не бесшумный, но, во всяком случае, эти звуки были законными, так как никто не запрещал мне ворочаться в постели. Достав из прикроватной тумбочки фонарик, я пошире открыла окно. Теперь я могла без проблем пролезть в него. Моя спальня находилась прямо над парадным крыльцом. Правда, крыша оказалась заостренной, но если очень сосредоточиться, то вполне возможно спрыгнуть на нее. А потом относительно легко перебраться на перила — и на землю. Это уж совсем легко.

Вдруг открылась дверь спальни Розалин и Артура, и по коридору кто-то быстро зашагал. Пришлось нырнуть обратно в постель и укрыться с головой, чтобы спрятать тренировочный костюм и фонарик. Когда открылась моя дверь, я зажмурилась. Окно было поднято, и мое натренированное ухо различало громкий шум, так что я не сомневалась: мои намерения не остались неразгаданными.

У меня оглушительно застучало сердце, когда человек вошел в мою спальню. Заскрипели половицы, одна за другой, пока человек приближался ко мне. Это была Розалин. Я узнала ее по тому, как она задерживала дыхание, по ее запаху. Половицы перестали скрипеть, значит, она остановилась. Наблюдает. Наблюдает за мной.

Изо всех сил я старалась не открывать глаза. Попыталась ослабить веки и не очень двигать глазами. Дышала я тоже как обычно, разве что немного громче обычного, якобы глубоко сплю. Потом я почувствовала, как она наклонилась надо мной, и чуть не подпрыгнула, желая дать ей отпор, и тут поняла, что она, закрывая окно, нагнулась, так как иначе ей было не достать до него. У меня появилась мысль открыть глаза, поймать ее на месте «преступления» и устроить тарарам. Меня остановило лишь то, что я ничего от этого не выигрывала.

— Розалин, — услышала я шепот. Артур остался возле двери. — Что ты делаешь?

— Хочу убедиться, что с ней все в порядке.

— А что может быть не в порядке? Она уже не ребенок. Лучше пойдем спать.

Я почувствовала ее руку на моей щеке, потом она убрала волосы с моего лица и завела прядь за ухо, как это обычно делала мама. Мне оставалось только ждать, когда она поднимет одеяло и обнаружит не совсем то одеяние, в котором я должна была быть, но вместо этого я услышала дыхание Розалин на моей щеке, ощутила нежное прикосновение

ее губ к моему лбу, и потом она ушла. Дверь закрылась.

Она уже не ребенок.

Розалин ушла, и я, дождавшись, когда захрапит Артур, слезла с кровати, открыла окно и, не размышляя, выбралась наружу, после чего легко спрыгнула на крыльцо. Лишь после того как я очутилась на траве и посмотрела наверх, на дом, на мою спальню, на закрытое окно, я поняла предупреждение самой себе насчет того, что окно закрывать не надо.

С зажженным фонариком я направилась в сторону замка, то есть на звуки голосов. Видимость была отвратительной, всего на пару шагов, а дальше все погружено в ночную тьму. Казалось, деревья таили в себе гораздо больше тайн, нежели я думала днем, и ночные шорохи, которыми они переговаривались между собой, побуждали меня верить в то, что им есть, о чем рассказать. Приближаясь к замку, я все отчетливее слышала голоса, вдыхала дым, слышала музыку, звяканье бокалов или бутылок. Мне был виден свет, лившийся из открытой двери и из комнаты с неповрежденными окнами справа. В остальных комнатах царила мгла. Выключив фонарик, я отправилась вокруг замка, миновала две комнаты, из которых открывался великолепный вид на озеро и на несколько сотен ступенек к нему. Потом подошла к комнате, где уже была прежде, остановилась и прислушалась.

Исходящий от ночных звезд свет желтыми пятнами ложился на старую стену. Звезд было много, и я, в полной уверенности, что в комнате никого нет, заглянула внутрь, хотя люди, которых я видела в другом окне, производили весьма сильное впечатление. Мне казалось, что только я наблюдаю за ними, но тут послышался чмокающий звук поцелуя. И почти сразу раздался крик.

Началась беготня, было много громких голосов, одни пытались утихомирить других, поднялся шум от падающих банок и бутылок. Со всех сторон доносился шепот. Потом чья-то рука коснулась моих волос, меня схватили за шиворот и буквально потащили куда-то.

— Эй, отпустите, — брыкалась я. — Уберите свои поганые руки.

Я была по рукам, обхватившим мою талию — несомненно, мужским рукам, — когда меня почти оторвали от земли и то ли понесли, то ли потащили дальше. Мысленно я поблагодарила Розалин за ее богатую углеводами диету и за несколько лишних фунтов, которые я набрала в ее доме, ведь иначе похититель легко вскинул бы меня на плечо. Оказавшись внутри, он посадил меня на землю и, оставаясь у меня за спиной, не спешил убрать руку. Пару раз я попыталась обернуться и все-таки добилась того, что увидела уродину со щетиной на подбородке. Шесть человек

смотрели на меня во все глаза. Одни сидели на лестнице, другие — на ящиках, стоявших на полу. Мне очень хотелось наорать на них, чтобы они убегали из моего дома.

— Она следила за нами, — проговорил один из кричавших, который встал в дверном проеме и дышал так, словно еще немного — и он потеряет сознание.

— Я не следила, — сказала я, глядя то в одну, то в другую сторону. — Наглая ложь.

— Она американка? — спросил один из парней.

— Я не американка.

— А говоришь как американка, — заявил другой парень.

— Ханна Монтана!^[53]

Все засмеялись.

— Я из Дублина.

— Ну конечно!

— Из Дублина.

— До Дублина тебе как до неба.

— Я приехала сюда на лето.

— На каникулы, — произнес кто-то, и все опять засмеялись.

Еще один парень появился в дверях. Некоторое время он прислушивался к тому, как я пытаюсь защитить себя не своим, визгливым голосом, который была не в силах контролировать. Я сама не понимала, как потеряла самообладание в окружении местных бандитов.

— Гарри, отпусти ее, — в конце концов произнес парень, который пришел последним.

Щетинистого подбородка Гарри как не бывало. Определить главного в шайке не составило труда.

Как только мне вернули свободу, я быстро взяла себя в руки:

— Может быть, вы хотите задать мне еще вопросы? Например, вы, сэр в морском кителе и «док-мартинсах», не хотите ли задать мне вопрос о временах особой славы «Ганз эн Роузез»?^[54]

Кто-то хихикнул и, получив удар локтем, закричал от боли. Гарри-Щетинистый-Подбородок все еще стоял сзади и пребольно пихнул меня в спину.

— Я слышала вас, когда лежала в своей комнате. Уже была в постели.

Мне было ясно, что вид у меня как у самой жуткой приставалы на всем свете, как у ребенка, прервавшего званый обед взрослых.

— Ты живешь поблизости?

— Она врет.

— Ну да, а как ты думаешь, где я живу? Или я прилетела из Лос-Анджелеса на полночную прогулку?

— Ты живешь в доме у ворот?

— В королевском доме у ворот, — вмешался кто-то еще, и все захохотали.

Что ж, мой дом и впрямь далек от Букингемского дворца, однако он намного лучше множества ветхих домов-сараев, мимо которых мы проезжали. Я переводила взгляд с одного лица на другое, пытаюсь обдумать свои ответы. Неужели я сглуплю, если правдиво отвечу, у кого живу?

— О нет, я живу в коровнике и сплю со свиньями, как вы сами, — отрезала я. — Не понимаю, в чем вы усмотрели проблему. Не похоже, что он тоже отсюда.

Я обращалась к смуглокожему главарю банды, который стоял в дверном проеме и пристально смотрел на меня. В подобных ситуациях, когда становишься заложницей, надо искать лидера и говорить с ним. Не самая умная идея, если серьезно.

Ребята переглядывались, и я слышала слово «расист», повторяемое снова и снова.

— При чем тут расизм? — Я обвела взглядом остальных. — На нем одежда от «Дискваер». В последний раз, когда я смотрела Хиксвиль ^[55], там такой одежды не было.

Не очень-то я умная. Я видела «Освобождение» и знаю, что они могут сделать с заложниками, а ведь я уже сказала, будто они спят со свиньями, — не очень хорошее начало, хотя я могу и извиниться. От меня не укрылось, как сверкнули зубы главаря, когда он коротко улыбнулся, а потом прикрыл рот рукой, стоило остальной банде разогреться, начать тыкать в меня пальцами и снова и снова называть расисткой, хотя я ясно объяснила, на каких принципах зиждется мое мировоззрение. Парень в дверях приказал всем замолчать, даже призвал к рассудку особенно рьяных и пьяных крикунов, а потом схватил меня и потащил наружу, вдоль стены и к месту преступления, то есть к окну, в которое я подглядывала.

— Здесь ты сделаешь вид, что убьешь меня, а на самом деле отпустишь? — с тревогой спросила я. В общем-то, я не сомневалась, что он побьет меня.

Он хмыкнул:

— Ты — Тамара? Да?

Я ничего не понимала.

— Откуда тебе?.. — Потом меня осенило: — Ты Уэсли? Настала его

очередь изумляться:

— Артур рассказал тебе обо мне?

— Артур? Ах да, конечно же Артур. Он все время говорит о тебе.

Парень явно смутился:

— Он рассказал мне о тебе.

— Правда?

Вот уж не думала, что Артур станет говорить обо мне. Вот и призадумалась, хорошо это или плохо.

— Куришь?

Я взяла сигарету, и он чиркнул спичкой. Когда она разгорелась, я смогла рассмотреть его лицо. Кожа была цвета молочного шоколада, не эбонитовой, но очень красивого оттенка. Глаза темные и большие, длинные ресницы. И мне сразу же стало обидно оттого, сколько карманных денег я потратила в прошлой жизни, чтобы сделать себе пушистые ресницы. Рот большой, губы сочные, зубы идеально прямые и белые. Отличный подбородок, красивая линия щек. Парень был настолько красив, что я ощутила ревность. Он был выше меня, выше на целую голову. Спичка догорела у него в руке, и он бросил ее. Тогда я поняла, что он тоже меня рассматривал. Потом он зажег другую спичку, и я в конце концов вдохнула табачный дым. Довольно много прошло времени.

— Спасибо.

— Не стоит.

— Какого черта ты тут делаешь? А? Куришь с ней? Она же член сумасшедшей семейки, ты не забыл?

Из-за угла появилась еще одна девица, и тогда первая, нетвердо стоя на ногах, направилась к нам, наполняя воздух ароматом подарочной корзинки «Боди Шоп»^[56].

— Успокойся, Кейт, — сказал Уэсли.

— Ну нет, с чего бы мне, черт тебя подери, успокаиваться?

Выдав пьяную тираду, она стала бить Уэсли сумочкой и занималась этим довольно долго, пока подружка не оттащила ее.

— Отлично, — проговорила она, оттолкнув подружку, потом схватилась за нее и едва не повалилась вместе с ней на землю. — Все равно я иду домой.

— Ого, — выдохнула я, глядя на Уэсли.

— Мне не больно.

— Подделкой под «Луис Виттон»? Шутишь? Мне было больно от одного ее вида.

— Снобка, — засмеялся Уэсли.

— А ты плохой дружок.

— Она мне не подружка.

— Все равно.

— Хочешь выпить?

Я кивнула, пожалуй, слишком радостно, отчего Уэсли рассмеялся и исчез в окне. Я последовала за ним.

— Эй, Уэсли, ты же не собираешься поить Ханну Монтану нашим пивом?

Уэсли проигнорировал Гарри и вручил мне банку.

— Что это?

— «Алмазное белое».

— Никогда не слышала о таком.

— Как же мне объяснить, чтобы ты поняла? — Он задумался. — Считай, что это шампанское, но сделанное из яблок.

У меня округлились глаза:

— Если ты думаешь, что я пью шампанское, то ты меня совсем не знаешь.

— Ну не знаю, и что? Это сидр. Американцы зовут его крепким сидром.

— Я не американка.

— Но выговор у тебя не ирландский.

— И ты не похож на ирландца. Хотя, может быть, ты и ирландец, ведь ирландцы тоже меняются. — Я тяжело вздохнула, изображая сарказм. — Один Бог знает, кто мы есть!

— У моей мамы рыжие волосы и веснушки.

— Не исключено, что она шведка.

Уэсли рассмеялся, после чего показал мне на камень за моей спиной, и я села на него. Он сел напротив меня.

— А твой папа откуда?

— С Мадагаскара.

— Здорово! Как в кино?

— Да уж, в точности как у Диснея, — печально проговорил он.

— Ты был там?

— Нет.

— А почему он оказался тут?

— Потому.

— А... — Я с пониманием кивнула. — Отличная причина на все случаи жизни.

Мы засмеялись.

В соседней комнате кто-то вновь сказал, что я расистка.

— У меня в мыслях ничего не было, кроме твоей одежды, — тихонько произнесла я. — Ты одет лучше, чем здешний Джон Бой и Мэри Эллен, которая вышла во двор в поддельных угги и пыхтя, как Дьюбери.

Уэсли засмеялся и одновременно вздохнул, не сводя с меня пристального взгляда.

— Она не моя девушка.

— Ты уже говорил. Однако мой супер-шпионский бинокль говорит другое.

— Ну, это было всего лишь... — Он вынул изо рта сигарету и положил окурки в банку. Мне стало это приятно. Я почувствовала себя почти что мамой, которая вернулась домой и обнаружила тарарам, устроенный детьми. — Знаешь, есть такие автобусы, — произнес он, — настоящие автобусы с рулем, которые возят людей туда, где поднимается дым.

— Где они стоят? — переспросила я, словно вдруг узнала о лекарстве от рака. — Отсюда...

— В Даншоглине. Полчаса, если на машине.

— Как ты добираться туда?

— Папа меня отвозит.

А мой папа умер.

— Кстати, это твоя? — Он порылся в сумке и вытащил ручку. Одну из тех, что я стащила из стола Артура и обронила накануне.

Было же у меня такое чувство, как будто кто-то следил за мной. За мной кто-то следил.

— Где ты был вчера?

— Я...

Он задумался.

— Чего тут думать? — набросилась я на него.

— Не знаю. Нет. Да. Нет, не знаю. Ручку я нашел вчера, если ты об этом.

— Вчера тебя не было, когда я потеряла ручку.

— Обычно я тут вместе с Артуром.

Он не ответил на вопрос.

— Обычно?

— Да, обычно.

— Ты обычно тут?

— Я работаю вместе с Артуром.

— Ах, так.

— Мне показалось, ты сказала, что Артур говорил обо мне?

— Ну... да. А Розалин знает, что ты работаешь с Артуром? Уэсли кивнул.

— Понятия не имею, насколько ей нравится мое присутствие, но, когда у Артура болит спина, ему нужен помощник.

— Давно ты с ним работаешь?

Уэсли напряженно думал, глядя в пространство.

— Ну, дай сообразить. Мы с Артуром... примерно... уже три недели. Я рассмеялась.

— Мы переехали сюда лишь в прошлом месяце, — пояснил Уэсли.

— Правда? — У меня подпрыгнуло сердце. У нас с ним обнаружилось кое-что общее. — Ты откуда?

— Из Дублина.

— И я тоже! — Я была на верху блаженства, словно попала в «Великолепную пятерку»^[57]. — Извини. — У меня запылало лицо. — Кажется, я немножко разволновалась, встретив представителя своей породы. И как же тебе удалось так быстро стать главарем? Заворожил их? Или научил разжигать костер?

— Я считаю, что вежливостью можно многого достичь. Шпионством, вмешательством в чужие вечеринки, оскорблениями ничего не добьешься, если хочешь обрести свое место в сообществе.

— Не хочу я обретать место в сообществе, — мрачно проговорила я. — Мне пора уходить. Мы долго молчали.

— Тебе известно, что здесь произошло? В этом самом замке? — спросила я.

— Ты имеешь в виду норманнов?

— Нет, не норманнов. Что случилось с семьей, которая жила тут совсем недавно?

— Был пожар, и все уехали.

— Прекрасно. Тебе бы писать исторические книги.

— Мы просто заняли пустовавший дом, — с улыбкой проговорил Уэсли. — А почему тебе это интересно?

— Просто интересно.

Некоторое время я чувствовала на себе его пристальный взгляд.

— Если хочешь, можем спросить их. Я поняла, что он имеет в виду ребят, которые расположились за стеной.

Оттуда доносился смех, и мне показалось, что там идет игра в бутылочку.

— Нет, не надо.

— Наверное, сестра Игнатиус знает. Ты ведь знакома с ней,

правильно?

— Откуда ты знаешь?

— Я же сказал, что работаю тут. К тому же я не слепой.

— А я тебя ни разу не видела.

Он пожал плечами.

— Она сказала, чтобы я спросила у Розалин и Артура, — проговорила я.

— Вот и спроси. Знаешь, Розалин всю жизнь прожила в бунгало напротив? Если кто-то и знает обо всем, так это она. Почему бы ей не рассказать тебе, что происходило тут в последние двести лет?

Не могла же я настолько довериться ему, чтобы раскрыть тайну дневника, не разрешавшего мне расспрашивать Розалин.

— Не знаю... Не думаю, что они захотят об этом говорить. Розалин постоянно скрытничает. Наверняка они знали тех людей, и, если они умерли, я не собираюсь беспокоить их прах. Но мне кажется, умерли не все, и Розалин с Артуром их знают. Не стал бы Артур работать бесплатно. А тебе, — спросила я, щелкнув пальцами, — тебе кто платит?

— Артур. Наличными.

— Ага.

— А ты как здесь оказалась?

— Сказала же тебе: услышала вас из спальни.

— Нет. Здесь, в Килсани?

— А!

Пауза. Я быстро соображала. Нельзя говорить правду. Мне не нужна его жалость.

— Мне показалось, что Артур упоминал обо мне?

— От него много не узнаешь. Он сказал лишь, что ты и твоя мама теперь живете с ним.

— Нам пришлось, понимаешь, пришлось приехать. Скорее всего, ненадолго. Возможно, на лето. Мы продали дом. И теперь надо ждать, когда мы купим другой.

— Твоего отца тут нет?

— Нет, нет, он, ну... Он бросил маму ради другой женщины.

— Ах так, сочувствую.

— Ну да... ради двадцатилетней модели. Она знаменитая. Ее фотографии есть во всех журналах. Просто сил нет смотреть на нее.

Уэсли нахмурился, не сводя с меня взгляда, и я почувствовала себя последней дурой.

— Ты все еще видишься с ним?

— Нет. Больше не вижусь.

Я следовала указаниям моего дневника. Жаль, я не рассказала Уэсли о папе. Но мне все равно было не по себе. Я солгала Маркусу и теперь как будто совершила акт самооправдания, ведь с Маркусом получилось одно никудышное вранье, и мне не хотелось повторения этого с Уэсли. К тому же он все равно узнает у Артура, что к чему, в ближайшие десять лет.

— Уэсли, прости, я тебе соврала. — И я провела ладонью по лицу. — Мой папа... умер. Он выпрямился:

— Что? Почему?

Мне надо было что-то выдумать, например он погиб на войне или — не знаю — что-нибудь более обыкновенное, чем самоубийство.

— От рака. — Я хотела положить конец этой теме. Я не могла продолжать. Не могла. Не надо было ему задавать вопросы. — От рака яичек.

— Ох.

Сработало.

Потом я ушла. Но, прежде чем вылезти из окна, поблагодарила его. На полпути к дому я вдруг остановилась и, повернув обратно, помчалась что было духу.

— Уэсли, — прошептала я, едва отдышавшись. Он собирал банки и бутылки.

— Забыла что-нибудь?

— Ну, забыла... — шепнула я.

— А почему мы шепчемся? — спросил он шепотом, после чего, улыбнувшись, подошел к окну и уперся локтями в подоконник.

— Потому что... потому что не хочу произносить это громко.

— Ладно.

Улыбка исчезла с его лица.

— Ты решишь, что я ненормальная...

— Я уже знаю, что ты ненормальная.

— А... Ладно. Пусть. Мой папа умер не от рака.

— Да?

— Да. Я сказала неправду, потому что так проще. Хотя рак яичек не самое простое. И не совсем обычно.

Уэсли ласково улыбнулся мне:

— От чего он умер?

— Он сам убил себя. Наглотался таблеток и запил их виски. Специально. Я нашла его.

Я сдержала слезы.

Вот тут все и началось. Его лицо изменилось в точности так, как я написала в дневнике. Во взгляде читалась жалость. Он смотрел на меня, будто на чудовище. И молчал.

— Мне не хотелось врать, — сказала я и пошла прочь.

— Хорошо. Спасибо, что сказала.

— Я еще никому не говорила.

— И я никому не скажу.

— Отлично, спасибо. Теперь мне точно пора. Мерзопакостное ощущение.

— Спокойной ночи.

Уэсли высунулся из окна и проговорил довольно громко:

— Увидимся, Тамара.

— Да. Конечно.

Мне хотелось поскорее убраться подальше.

Банда, расположившаяся у главного входа, свистела и смеялась, и я поторопилась спрятаться в темноте.

В эту ночь я узнала нечто очень важное. Некоторые события не стоит предотвращать. Иногда предстоит почувствовать себя дурой. Иногда предстоит испытать боль на глазах у всех. Иногда это необходимо, чтобы повзрослеть, чтобы перейти в другой день. Дневник не всегда прав.

Глава четырнадцатая

Час пополудни

Дневник рассказал мне, что должно случиться до часу дня. И правда, все было необычно в то утро и в точности так, как я прочитала в дневнике. Розалин разбудила меня и наказала оставаться дома — во второй раз за все время, — и мне стало окончательно ясно одно: она не хочет никому меня показывать. Подумать только, до чего ей страшно и стыдно сообщать о нашем с мамой существовании, о папе, который сам распорядился своей жизнью, что считается самым ужасным грехом. В груди у меня поднялась злость, и мне пришлось взять себя в руки, чтобы не заявить, мол, я тоже еду на службу, но все же я осталась лежать под одеялом, прислушиваясь, как удаляется шум машины в раскрашенном сепией дне, весьма отличавшемся от дня, описанного в дневнике. Такое не очень необычно, когда знаешь, что что-то случается, и знаешь, что это должно было случиться, — но я как будто уже начинала привыкать.

Когда Розалин и Артур уехали, я решила, что хватит спать, оделась и побежала вниз. Я сидела в саду, когда на дороге показался «чинквеченто» с открытым окошком, словно летевший мне навстречу.

— А вот и она! — воскликнула сестра Игнатиус, сверкнув глазами. — Девочка, которую я хотела повидать. Едешь на службу?

Я посмотрела на машину, в которой теснились четыре монахини.

— Садись сестре Регине на колени, — пошутила сестра Игнатиус, и я услышала «Вот еще» изнутри. — Мы всегда поем во время утренней службы. Ты тоже в нашем хоре, так что должна быть в храме, если только твой ларингит остался в прошлом.

— Нет, — беззвучно проговорила я, схватившись за горло и закрывая рот рукой.

— Полощи солью — и будешь как новенькая, — сказала она, внимательно глядя на меня. И вдруг просияла: — Кстати, спасибо за книжку.

— Пожалуйста, — прервала я молчание. — Я взяла ее специально для вас.

— Так я и подумала, — хмыкнула сестра Игнатиус. — Знаешь, сначала она мне не понравилась, твоя Мэрилин Маунтротмен. Слишком она была заносчивой и хотела слишком многого, а потом я полюбила ее. Не меньше,

чем Тарик. Они не выглядели настоящей парой, но постепенно он стал понимать, о чем она думает, особенно когда она плакала над письмом отца, о котором не хотела ему говорить. Должна признаться, меня это тоже задело за живое. Он все понял. Он понял, что она любит его. Умный человек! Представляю, как он сделал свои миллионы и стал нефтяным воротилой. И мне нравится, когда на первой обложке есть фотографии персонажей. Это помогает мне представлять их, пока я читаю. Например, его с зачесанными назад волосами, мускулистого...

— Вы вправду прочитали?

— Ну да, конечно же прочитала. Теперь ее читает сестра Концептуа.

Женщина на переднем пассажирском сиденье повернулась к нам:

— Только не говори, что будет дальше. Пока он нанял частный самолет до Стамбула.

— О, у тебя впереди все самое интересное, — хлопнув в ладоши, произнесла сестра Игнатиус. — Два слова: турецкие радости.

— Я же просила не говорить, — прервала ее сестра Концептуа. — А ты не можешь промолчать.

— Пора ехать, — вмешалась сестра Мария, сидевшая за рулем. — Не хватало еще опоздать.

— Буду ждать тебя на следующей неделе, ладно? — без тени улыбки спросила сестра Игнатиус.

— Конечно, — кивнула я. — А сейчас пойду в постель. Если увидите Розалин, скажете ей об этом?

Она прищурилась:

— Ты уверена?

— Да. Абсолютно уверена.

— Понятно. А зачем ты встала с постели?

— Нам и правда пора, — сказала сестра Мария, включая зажигание. — Подождите. — Кажется, я запаниковала. — Вы должны назвать имя.

Несколько мгновений спустя они, не включив сигнальных огней, уже заворачивали за угол, и сестра Игнатиус высоко поднимала руку в прощальном приветствии.

Это было в десять часов утра.

Я заранее наметила несколько дел, и во главе списка поставила маму. Для начала пролистала телефонную книгу и нашла человека, имя которого мне назвала сестра Игнатиус. Послышался гудок, второй, третий, потом, когда уже должен был включиться автоответчик, я услышала мужской голос.

— Алло! — прохрипело в трубке, после чего человек откашлялся. —

Говорите же. Я поняла, что ему трудно говорить, однако он не позволил себе включить автоответчик.

И тогда, тоже откашлявшись, Тамара-Взрослая-Девочка взялась за дело:

— Здравствуйте. Я звоню, чтобы записаться на прием к доктору Гедаду.

— А его тут нет. — Разговаривавший со мной мужчина как будто не совсем проснулся. — Могу я принять сообщение?

— Ну... Нет... Он вернется до часу дня?

— Его операционная не работает по воскресеньям. Я помолчала. Голос показался мне знакомым.

— Я позвонила домой?

— А что, похоже на отделение «Скорой помощи»? У меня перехватило дыхание:

— Уэсли?

— Да. А это кто?

Соври, Тамара, соври, тебе нужно имя.

— Тамара. Извини, что разбудила.

— Тамара. — Он как будто почти проснулся. — С тобой все в порядке? Тебе нужен врач? Это мой папа.

— А... Врач нужен не мне, а моей маме. Только не хирург, ничего такого. Как ты считаешь, твой папа вернется домой до часа дня?

— Не знаю. Они отправились на службу, а потом на рынок. Обычно возвращаются около часа.

— Почему здесь все едут на чертову службу, а потом на рынок?

— Насколько я знаю, им это нравится. — Он зевнул. — Наверное, папа пользуется случаем, чтобы вручить свои визитки тем, кто кашляет.

Я рассмеялась.

— Ты еще долго оставался вчера?

— Около часа. Ты слышала нас?

— Да я полчаса взбиралась в свою спальню. Случайно закрыла окно и поломала все ногти, прежде чем открыла его.

Теперь засмеялся он.

— Надо было вернуться, и я бы помог тебе с окном. Я знаю, где Артур прячет инструменты. Хочешь, чтобы я попросил отца позвонить тебе в час?

— Нет, не надо. Лучше до часа.

— А как насчет завтра?

Или ждать еще неделю, когда Розалин и Артур отправятся на службу... Еще у меня есть крошечное окошко, когда Розалин пойдет к матери.

— Завтра между десятью и одиннадцатью.

— Я передам. И заставлю заехать.

— Нет, — торопливо отозвалась я. — Сюда нельзя.

— У тебя там камера или карцер? — пошутил Уэсли.

— Нет.

— Ладно, — вздохнул он. — Еще слишком рано, и я плохо соображаю. Дай мне минуту. Я подождала.

— Ясно. Ты не хочешь, чтобы Розалин и Артур узнали, поэтому, когда папа вернется, я выясню его расписание, и мы встретимся в замке в два часа.

Смешно. Он мог бы позвонить, но ему хотелось встретиться со мной.

Повесив трубку, я чувствовала, что горю. Один звонок — и почти весь список оказался перечеркнутым.

Второй пункт заключался в том, чтобы исследовать бунгало. По крайней мере, взглянуть на задний сад, ведь я ни в коем случае не намеревалась пугать старую женщину. Чтобы устроить себе алиби, я положила немного ягод в миску, вскипятила чайник, отрезала пару кусочков хлеба, сделала омлет... очень плохой, потому что он подгорел. Потом вымыла сковороду в раковине и с ужасом представила лицо Розалин, когда она увидит это.

Поставила все на поднос и прикрыла полотенцем, как это каждый день делала Розалин. Гордая своей первой попыткой приготовить завтрак, я вышла из дома и направилась очень медленно, чтобы не пролить чай, через дорогу. Держа обеими руками поднос, я с трудом перелезла через ворота, не в состоянии прислониться к столбу. Полотенце стало мокрым от чая, но я твердо шагала вперед. Миновала занавешенную тюлем гостиную и пошла дальше. И снова меня ослепило яркое солнце, светившее мне прямо в лицо. Я крепко зажмурилась и, стараясь не опрокинуть поднос, поставила его к стене. Он едва не выскользнул у меня из рук, когда пришли в движение чашки и тарелки. Потом солнце отступило, и ко мне вернулось зрение, так что я пошла дальше, глядя по большей части в землю. Когда я добралась до конца прохода, то оказалась в дальнем саду и приготовилась быть изгнанной, приготовилась увидеть маленькую старушку, которая ухаживает за своим садом, гигантские грибы и фей, единорогов и все остальное, чему полагается быть в волшебном саду, скрываемом Розалин от чужих глаз. Ничего такого не было. Совсем ничего, кроме длинного, заросшего травой поля с деревьями по обе стороны. У матери Розалин не было садоводческого таланта; чего не было, того не было.

Вся территория позади бунгало была такой же пустынной, как и перед

домом. На окнах висели тюлевые занавески. Здесь были два окна и дверь. Я поняла, что одно окно кухонное, так как разглядела кран и раковину. Дверь как будто недавно пристроили. Она была коричневой с желтыми непрозрачными стеклами. Что скрывало второе окно, я не поняла.

Отвернувшись от бунгало, я сосредоточила внимание на постройке, где нечто сверкало в окошке и звало меня к себе. Бунгало осталось позади. На полпути я сообразила, что поднос надо где-то оставить, но не сделала этого. При ближайшем рассмотрении то, что так ярко сверкало, оказалось перевернутым зеркалом, висевшим на бечевке. Оно с грациозной медлительностью поворачивалось, напоминая виноградную гроздь, и было примерно шестидесяти дюймов в длину. На сквозняке зеркало двигалось кругами, словно по спирали, снова и снова ловя солнечные лучи. Впечатление было завораживающим.

Пока я смотрела в окно, случайно в поле зрения попало нечто неожиданное. Какое-то движение. Решив, что меня смутило отражение, я обернулась, желая посмотреть, кто находится у меня за спиной, но никого не увидела, лишь деревья покачивали ветками, повинуюсь порывам ветра. Тогда я решила, что меня подвело мое собственное воображение, однако, присмотревшись повнимательнее, убедилась, что воображение ни при чем. В сарае кто-то был. Не спеша я подошла ближе, стараясь не шуметь подносом и жалея, что взяла его с собой, так как яйца и чай давно остыли, а тост с маслом совсем размяк. Окно находилось на уровне моих плеч, и я поднялась на цыпочки, чтобы заглянуть внутрь. Я не посмела осмотреть всю комнату, сосредоточившись на матери Розалин, если она вдруг заметит меня и упадет с острым осколком зеркала.

Мне была видна лишь спина низко склонившейся над верстаком женщины в длинном коричневом кардигане. У нее были длинные, но довольно редкие волосы, каштановые с проседью, к которым как будто месяц не прикасалась расческа. Понаблюдав за ней некоторое время, я все не могла решиться и постучать в дверь. Ведь я даже не знала ее имени, как не знала девичьей фамилии Розалин, чтобы хоть как-то обратиться к ее матери. В конце концов я набралась храбрости и тихонько постучала.

Женщина вскочила со своего места, и я испугалась, как бы ее не хватил удар. Видно, движения давались ей с трудом, поэтому обернулась она очень медленно. Половину лица я не видела вообще, а другую половину закрывали длинные грязные волосы. На глазах были очень большие очки, прятавшие большую часть лба и верхнюю часть щек. Волосы и очки — точь-в-точь психованный профессор.

С трудом удерживая поднос на одном колене, пока чашки и тарелки

сталкивались и звенели, качались и проливали содержимое, я исхитрилась помахать старухе, изображая самую лучезарную улыбку, на какую только была способна, чтобы не напугать ее до смерти. Она же смотрела на меня с полным безразличием и не подавала никаких знаков, мол, я тебя вижу. Тогда я высоко, насколько смогла, подняла поднос и опять опустила его на колено, показав жестами, что у меня еда, которую надо съесть. Никакого ответа. И тут я поняла, что попаду в большую беду, так как мой план не сработал. Розалин оказалась права; ее мать не желала видеть чужаков, но даже если желала, без Розалин я не могла обойтись, она должна была представить меня старухе. Пришлось отступить.

— Ухожу и оставляю это для вас, — громко проговорила я в надежде, что буду услышана. После этого поставила поднос на траву и отвернулась. Идя назад, я посматривала мимо гаража в глубину сада. Вдруг с открытым ртом буквально отпрыгнула в сторону. Только тут я разглядела, что вся поляна перегорожена бельевыми веревками. Их было примерно десять — двадцать. На каждой висело по несколько дюжин стекляшек разных видов, и они крутились, превращаясь в нечто уникальное, раскачивались, повинуваясь ветру, ловили лучи солнца и сверкали в тишине. Стекло поле.

Миновав дом, я оказалась на задней поляне, где меня ждало открытие. Вербки располагались довольно далеко и не касались друг друга. Будь они хотя бы на сантиметр ближе, то все, висевшее на них, поразбивалось бы. И они не провисали, будучи намертво привязаны с одной стороны к стене в саду, а с другой — к столбам. Так как они были довольно высоко над моей головой, я все время задирала голову, чтобы посмотреть, как стекло преломляет солнечный свет. Ничего прекраснее мне еще не приходилось видеть. Некоторые стекляшки, словно наполненные водой, стекали вниз, как гигантские слезинки, будто бы замерзшие в воздухе. Другие были поменьше, но позамысловатее, больше похожие на пики, позлее и поострее, как сосульки, как оружие. Каждый раз, когда поднимался ветер, они качались из стороны в сторону, а я шла и шла, изредка останавливаясь, чтобы полюбоваться стеклянными творениями. Ничего подобного, ничего такого же чистого и прозрачного я никогда не видела. У одних внутри были заметны пузырьки воздуха, у других не было ничего. Я подняла руку и стала смотреть через стекло, кое-где матовое, кое-где безупречно прозрачное. Завораживающе прекрасные стеклянные произведения чьих-то рук постоянно двигались, волнуя остальные, которые были до того прелестны и хрупки, что казалось, дотронься до них — и они разлетятся вдребезги.

Я собиралась пойти дальше и посмотреть все, что было на поляне, но по какому-то наитию не ожиданно обернулась, желая убедиться, что я одна, и увидела мать Розалин, которая подошла к окну, выходявшему на ту половину сада, где была я. Прижимая руку к стеклу, она пристально смотрела на меня. Замерев на месте, я ощутила себя вилок капусты на стеклянном поле и улыбнулась старой женщине, пытаясь сообразить, как долго она следила за мной. Мне хотелось разглядеть ее лицо, черты ее лица, но это было невозможно. Она опять отодвинулась от окна, и мне осталось лишь наблюдать за ее силуэтом, за длинными волосами, падающими на плечи, и совсем не седыми, как мне показалось прежде, а мышинного цвета с седыми прядями. Похоже, у нее не было возраста, не было лица, и потому она стала даже более загадочным персонажем для меня, чем прежде, когда я еще не видела ее.

Стеклянное поле я покинула, не в силах справиться с ощущением, что в наказание за проступок никогда больше ничего такого не увижу. Но когда я вышла на другую половину сада, женщина все еще следила за мной, но стояла не возле окна, а в глубине комнаты.

Еще раз помахав ей рукой, я показала на поднос в траве и сделала несколько жестов, словно приглашая ее поест, как в зоопарке, когда наступает час кормежки. Она же не шевелилась и не сводила с меня взгляда. Недовольная собой — жаркое солнце, настоящая удача, совсем мертвый, — я отвернулась от женщины и пошла прочь, не оглядываясь, но чувствуя себя так, словно я маленькая девочка и бегу от подружки к себе домой в полной темноте и к тому же в полной уверенности, что за мной гонится ведьма.

Двенадцать часов.

Я мерила шагами гостиную, туда-обратно, туда-обратно, направо-налево. Садилась, вставала. Шла к маме, но останавливалась и возвращалась. Заламывала руки и то и дело выглядывала в окно, ожидая увидеть мать Розалин, которая торопливо пересекает дорогу на инвалидном кресле, крутя колесами и щелкая хлыстом. Еще я ждала, как Розалин с Артуром на максимальной скорости покажутся из-за угла. Розалин расставила ловушки вокруг бунгало: я споткнулась о проволоку, примяла траву, прошла не там, где надо, включила сигнал тревоги у нее в сумке. Она привяжет меня к кровати, раздробит мне ноги кувалдой и заставит писать романы. А я не сумею. Я могу всего лишь заполнять дневник. Не знаю, но у меня было странное ощущение, будто что-то должно случиться. Дома я постоянно нарушала правила — и ничего, а здесь порядки были другие. Здесь было строго и традиционно, словно меня поселили на краю раскопок,

где люди ходят на цыпочках, сюда нельзя, туда нельзя, только по тропинке, говорят тихо, боясь повредить фундамент, пользуются маленькими кисточками, может быть, другими инструментами, чтобы расчищать поверхность и сдуть пыль, но ни в коем случае не ступать за дозволенную черту. А я заявила с лопатой и ломом и крушу все подряд.

Пора вернуться и забрать поднос, иначе Розалин все поймет. Надеюсь, я не отравила ее маму — о Господи, а если отравила? Яйца могли ей навредить, и еще я забыла вымыть ягоды. Можно ли умереть от сальмонеллы? Я едва не схватилась за телефон, чтобы позвонить Уэсли, но, не знаю как, устояла. Проведя довольно много времени в паническом страхе, в конце концов я убедила себя, что ничего не случится — ни сейчас, ни позднее — и я не сделала ничего плохого. Всего лишь попыталась быть милой со старой женщиной. Пусть меня застрелят за это. Надеюсь, яичница пришлась старухе по вкусу.

Мне стало легче. Следующим в моем списке числился гараж в глубине нашего сада. Открыв заднюю дверь, которая вела из кухни в сад, я пробежала по лужайке, потом по огороду Розалин. Подняла голову, чтобы посмотреть на окно маминной спальни, но ее не увидела, — по-видимому, она еще спала.

Снаружи гараж был в отличном состоянии. Сложенный из того же камня, что и дом, или из почти такого же, он выглядел гораздо лучше любой из построек моего отца. Я говорю это, испытывая величайшее уважение к отцу, который гордился своей работой, правда, не думаю, что его очень волновали проблемы архитектуры. Его заботило внешнее пространство и то, как подарить клиенту побольше внутреннего, домашнего пространства. Гараж занимал почти весь сад в ширину, метров двадцать пять. Справа от дома, по другую сторону аккуратно постриженной зеленой изгороди, я заметила след трактора, и еще один след шел вокруг всего земельного участка. Однако, прежде чем покинуть сад, трактор повернул в сторону двойных дверей гаража. Мне еще не приходилось видеть тракторный парк Артура изнутри. Возможно, Розалин права, и в гараже нет места для наших вещей. Я предпочла бы войти в гараж с этой стороны, чтобы меня не увидели из дома, но надо было открыть большую дверь и отпереть большой замок. Тогда я заглянула во все окна, но ничего не рассмотрела. Изнутри они были завешены черными мешками. Я попыталась открыть запертую одинарную дверь, потом опять побежала к двойным дверям. Била их, толкала, стучала в них, и все напрасно. Тогда я подняла с земли камень, чтобы использовать его вместо молотка, но и это не дало никакого результата, разве что осталась вмятина

на металле.

В дом я вернулась в половине первого, так и не попав в гараж. Вымыла руки, переоделась, потому что вся одежда была черной от бессмысленных попыток прорваться в гараж. Заскочила к маме, которая наконец-то проснулась и принимала душ. Надевая чистую одежду, я отлично знала, сколько времени у меня в запасе до возвращения Розалин и Артура. Села на кровать и посмотрела в сторону бунгало. Нечто привлекло мое внимание.

На столбике возле передних ворот стоял поднос. Я поднялась на ноги, оглядела дом и сад. В окно никто не смотрел, в саду никого не было. Неужели Розалин уже приехала? Нет, машина еще не появлялась.

Без десяти минут час.

Я слетела по лестнице вниз, потом перебежала через дорогу. Поднос был накрыт полотенцем, которое я взяла с собой. Еда съедена, чай выпит. Посуда сверкала, словно ее только что вымыли. На тарелке лежал самый крошечный осколок стекла, который я когда-либо видела. Как будто еще не совсем замерзшая капля, он был мягким и гладким и отлично лег на мою ладонь. Больше ничего. Не было и карточки с надписью, мол, это подарок для тебя. Я подождала-подождала, но никто не пришел. Чем ближе к часу, тем опаснее становилось ждать, и я отправилась домой. Рисковать было нельзя. Не хватало еще, чтобы Розалин обнаружила меня у ворот с подносом и стеклянной слезинкой. Тогда я положила стекляшку в карман. И побежала через дорогу так быстро, как только могла, но чтобы не разбить посуду. Едва я успела закрыть за собой дверь, как услышала шум мотора. Вся дрожа, я расставила вымытые чашки, блюда, тарелки по местам в кухонном шкафу. Поднос тоже нашел свое место, после чего я схватила книгу в гостиной и, примчавшись к маме, рухнула на кровать. Мама как раз выходила из душа и с изумлением уставилась на меня. Буквально пару секунд спустя дверь отворилась, и в комнату заглянула Розалин.

— Ой, прошу прощения, — проговорила она, так как мама как раз в это мгновение затягивала на себе полотенце.

Розалин отступила в коридор, откуда могла видеть только меня.

— Тамара, все в порядке?

— Да. Спасибо.

— Что ты делала все утро?

Это не было любопытством, это было беспокойство, но не за меня и не из-за того, что я скучаю.

— Я все утро провела с мамой. Читала ей книжку.

— А, ну и хорошо. — Розалин немного постояла, как всегда, не решаясь сразу уйти. — Если понадобится, я внизу.

Она закрыла дверь, и когда я обернулась к маме, то увидела, что она смотрит на меня и улыбается. Потом она рассмеялась и покачала головой, а у меня появилось ощущение, что нам не нужен доктор Гедад.

Когда дверь распахнулась в следующий раз, Розалин посмотрела на поднос с завтраком:

— Дженнифер, ты опять ничего не ела.

— Да? — переспросила мама, надевая кашемировый халат. — Тамара съест мой завтрак. И она ласково улыбнулась Розалин.

— Нет-нет, — торопливо проговорила Розалин, входя в комнату и забирая поднос. — Я унесу твой завтрак.

Мама не сводила с Розалин блестящих голубых глаз.

— Тамара, поторопись, ланч почти готов, — взволнованно произнесла Розалин и, не отворачиваясь от нас, вышла из комнаты.

Ничего не понимая, я посмотрела на маму, рассчитывая получить объяснения, но она уже опять спряталась в свою раковину. Черепахи исчезают в панцире по двум причинам: или они напуганы до смерти, или им грозит опасность и они таким образом защищаются. В любом случае, когда панцирь вырастает, он больше никуда не девается, так как становится частью их существа.

В течение того лета, когда люди пытались убедить меня, что мама никогда не станет такой, какой была до смерти папы — некоторые говорили об этом почти впрямую, — я тотчас начинала думать о черепахах. Возможно, мама носила панцирь, который нарастила за несколько прошедших месяцев и который будет носить всю оставшуюся жизнь, но это не значит, что она в нем исчезнет. Я видела доказательство того, что мама не спряталась навсегда, я поняла это по ее глазам. И вспомнила об этом в тот самый миг, когда снова увидела жизнь в ее глазах. В один час пополудни.

Глава пятнадцатая

Вещи из кладовки

Розалин преображалась, собираясь на службу в храм и на рынок. Появлялись воскресная бежевая юбка до колен с маленьким разрезом сзади и кремовая полупрозрачная блузка с пышными рукавами, завязанная бантиком на шее. Под блузкой я разглядела кружевной лифчик, хотя вряд ли Розалин даже подозревала о том, что она просвечивает. И правда, вид у Розалин был не такой простой, как обычно. Она надевала бежевый, в тон, жакет с брошкой из павлиньих перьев на отвороте, а на ноги — открытые необычные босоножки. Став выше всего на один-два дюйма, Розалин выглядела великолепно. Когда я сказала ей об этом, она просияла, и у нее от удовольствия даже порозовели щеки.

— Спасибо.

— Где вы это купили?

— А! — Она смутилась, не имея привычки говорить о себе. — В Даншоглин. Там в получасе есть местечко, которое я очень люблю. Мэри очень милая, да благословит Господь ее душу...

Затаив дыхание, я стала ждать рассказ о трагической судьбе Мэри, который включал в себя сведения об ее умершем муже и тысячах благословений, ниспосланных на нее Богом.

Тогда я попыталась зайти с другой стороны:

— У вас есть братья или сестры?

— Сестра живет в Корке. Хелен. Она учительница. И еще есть брат Брайан, он в Бостоне.

— Они приезжают сюда?

— Иногда. Как раз не очень давно были. Обычно мама сама ездит к ним в гости. По крайней мере, к Хелен в Корк, чтобы сменить обстановку, но сейчас это невозможно. Она больна. — Розалин посмотрела на меня. — У нее рассеянный склероз. Ты знаешь, что это значит?

— Немного. Вроде того, что мышцы перестают работать.

— Примерно так. С годами ей становится все хуже и хуже. Она ужасно мучается. Поэтому мне приходится бегать туда-сюда. Я не могу отправиться в путешествие, потому что нельзя оставить ее одну. Без меня ей никак.

Похоже, довольно много народу нуждалось в Розалин. Однако у меня

вдруг появилась мысль: если так много людей нуждается в одном человеке, может быть, как раз все наоборот, и это она нуждается в них. Например, у меня никогда не было в ней никакой нужды.

Ее мать не пришла, чтобы ткнуть в меня обвинительным перстом, а было уже два часа. Незаметно я выскользнула из дома, когда Розалин заканчивала готовить свои пирожки. Мне было известно, что три тысячи разных пирогов она пекла в течение недели не только для нас и своей матери, но еще часть отвозила по воскресеньям на фермерский рынок и продавала так же, как домашнего приготовления джем и выращенные самолично экологически чистые овощи. Розалин поставила на стол сумку с банкнотами и мелочью, повернулась ко мне спиной, чтобы что-то достать из нее, и сунула мне в руку двадцать евро. Я была до того тронута, что отказалась взять деньги, однако Розалин настояла на своем.

Когда я пришла в замок, Уэсли уже сидел на ступеньках — на моих ступеньках. Он был в синих джинсах, черной фуфайке с белым черепом на груди и синих кроссовках. Даже днем от него веяло прохладой.

Уэсли поднял голову и снял наушники.

— Он может приехать завтра в десять.

Никаких тебе «здравствуйте», и это немного выбило меня из колеи.

— О, здорово! Спасибо. — Мне хотелось, чтобы он встал и исчез, как маленький голубь, который доставляет послания, а он продолжал сидеть как ни в чем не бывало. — А мог бы он приехать в десять пятнадцать на случай, если Розалин задержится дома?

— Да. Конечно. Я скажу ему.

— Хорошо, отлично, спасибо.

Он все еще оставался на месте, и я, сделав пару шагов, прислонилась к стене напротив него.

— Ты знаешь женщину, которая живет в бунгало?

— Мать Розалин? Видел ее, когда мы только переехали сюда, а потом ни разу. Кажется, она не выходит из дома. Старуха. У нее вроде болезнь Альцгеймера или что-то в этом роде.

— А ты был у нее дома?

— Привозил кое-что для Артура. Дрова, уголь, что-то из мебели. Однако Розалин ни на минуту не оставляла меня одного. — Он улыбнулся. — Да там и воровать-то нечего, если она беспокоилась из-за этого.

— Из-за чего-то она все-таки беспокоится. Вот и Артур никогда не бывает в бунгало один... — подумала я вслух. — Почему они все время вместе? Почему?

— Найди ответ, Нэнси Дрю^[58]. И как получается, когда я ищачу на Артура, чтобы он не отрывал зад от дивана, и отношу пару чертовых кресел его теще, то ничего за это не получаю?

— Но он никогда не ходит к ней.

— Ты что-то ищешь? Или я ошибаюсь?

Он напомнил мне о том, что говорила сестра Игнатиус о необычной работе мозга, когда до чего-то докапываешься. Она как будто заранее знала, что я буду искать сама не знаю что.

— Просто... — Я ненадолго задумалась. — Если честно, мне здесь скучно. — И я рассмеялась. — Никакой жизни, никаких друзей, даже поболтать и то не с кем, вот я и придумываю себе развлечения. Иначе мне и дела не было бы до Розалин с ее секретами.

— С какими секретами? — со смехом переспросил Уэсли. — У Розалин нет секретов. Она не понимает искусства общения. Все время сама по себе. Не думаю, что она умеет говорить о своих чувствах.

— Знаю. Я думала об этом, и все-таки...

— Что — все-таки?

Не понимаю, как и зачем, но я рассказала ему все о том, что со мной было в последние два дня. О непонятных разговорах, о пропавшем альбоме, о странном замечании Артура, будто бы мама не хочет его видеть, о Розалин, которая ни с кем не оставляла меня наедине и которая забыла упомянуть обо мне, беседуя с сестрой Игнатиус, о сестре Игнатиус, которая сказала, чтобы я задала свои вопросы Розалин, о словах Розалин, будто бы моя мама всегда врет, о ее желании держать маму наверху в спальне, о ее тайных походах в бунгало и нежелании посвятить меня в эти тайны, о том, что я видела там в саду, о подносе, оставленном у стены, о ссоре Артура и Розалин насчет наших вещей и гараже.

Уэсли терпеливо слушал меня, время от времени поощряя жестами.

— Понятно... — произнес он, едва я умолкла. — Звучит немного таинственно, но мне ясно, почему ты подозрительна, хотя все на свете так или иначе объяснимо. Например, тем, что Розалин немного странная — только без обид, — торопливо прибавил он. — Мне известно, что она доводится тебе тетей.

— Принято. Без обид.

— Я здесь тоже недавно, поэтому знаю не всех или плохо знаю, но Розалин в самом деле ни с кем в городе не разговаривает. Когда мама встречается с ней, она всего лишь кивает маме и идет дальше. Не знаю, то ли это от застенчивости, то ли еще от чего-то. Или, как она ведет себя с тобой. Что ей известно о том, как быть матерью? Однако, Тамара, все это

вовсе не значит, что ты не права. Наверное, взрослые что-то скрывают от тебя. Понятия не имею, что это может быть, но если произойдет еще что-то странное, скажи мне.

— Происходит нечто суперстранное.

Сердце буквально грохотало у меня в груди. Мне самой не совсем верилось, что я собиралась рассказать ему о дневнике. Но мне очень хотелось посвятить его в свою тайну, хотя я и боялась, как бы он не поднял меня на смех.

— Расскажи.

— Ты подумаешь, что я ненормальная.

— Не подумаю.

— Пожалуйста, только учти, я не вру.

— Ладно. Говори, — нетерпеливо произнес Уэсли.

И я рассказала ему о дневнике.

Понятно, что Уэсли отпрянул от меня, обхватил себя руками и всем своим видом напомнил мне выключенный компьютер. О Господи. И смотрел он на меня теперь иначе. Совсем не так, как узнав о смерти папы. Это было другое. Он решил, что я спятила.

— Уэсли, — произнесла я, не зная, что говорить дальше.

— Э-эй, — неожиданно послышалось неподалеку, и Уэсли мгновенно обернулся к двери, в которой появилась прекрасная блондинка. Она смотрела на Уэсли, будто не замечая моего присутствия.

— Эшли, — удивленно воскликнул он, — ты пришла раньше!

— Знаю, извини, просто мне очень хотелось тебя увидеть. Я принесла одеяло.

Она помахала корзинкой и помчалась к Уэсли, потом, бросив корзинку у ног, обняла его за шею и поцеловала совсем не по-сестрински. Неожиданно я ощутила укол зависти, от которого тотчас постаралась откреститься. Словно почувствовав, что Уэсли не очень реагирует на нее, Эшли открыла глаза и, увидев меня, уронила руки, как будто наскучив спектаклем.

— Отлично получилось. Но мне пора.

Уэсли с улыбкой повернулся ко мне.

— А ты кто? — спросила Эшли, поглядев на меня так, словно от меня воняло. — Кто это? — спросила она Уэсли.

— Я его тайная любовница. Нам нравится делать это в замке, причем одетыми, поэтому я стою прислонясь к стене, а он сидит на лестнице по другую сторону. Это трудно, но нам нравятся сложные задачи. Своего рода извращение. Пока, милый.

И я подмигнула Уэсли по пути к двери.

— Это Тамара, — услышала я, выходя из замка. — Она всего лишь подруга.

Она всего лишь подруга. Четыре слова, которые вполне могут убить любую женщину, но я всего лишь улыбнулась. Во-первых, сумасшедшая из сумасшедших историй, какую он только мог услышать в жизни, не погнала его на меня с факелом, чтобы немедленно, не теряя времени, сжечь меня а во-вторых, здесь, на этом самом месте, я наконец-то обрела друга.

И свидетелем мне был замок.

— Тамара, — вновь услышала я, уже подходя к дому, и отошла в сторону на пару шагов, то есть поближе к деревьям, чтобы защититься от всепроникающего взгляда Розалин.

Уэсли задыхался.

— О дневнике...

— Извини и забудь...

— Я хочу поверить тебе и не могу.

С одной стороны, я услышала комплимент, с другой — это было обидно.

— Но если ты скажешь, что будет завтра, и это случится, тогда я тебе поверю. Так будет правильно?

Я кивнула.

— Если ты окажешься права, я помогу тебе во всем, что ты только задумаешь сделать.

Я улыбнулась.

— Но если ты все придумала, — сказал Уэсли и, покачав головой, внимательно посмотрел на меня, — тогда сама знаешь...

— Знаю. Тогда ты не захочешь стать моим другом. Понятно. Он засмеялся.

— Так что случится?

— Я еще не читала.

Ночью я сбежала из дома, прежде чем в дневнике появилась запись, и все утро была настолько занята, что не нашла ни минутки, дабы заглянуть в дневник.

На лице Уэсли появилось сомнение. Я и сама с трудом верила себе, а ведь я точно знала, что не вру.

— Прочитаю, как только доберусь до дома, а потом позвоню тебе. Ты будешь дома? Я не помешаю твоей э-эй?

Уэсли рассмеялся.

— Звони и приходи. — Он пошел обратно и вдруг обернулся. —

Кстати, она мне не подружка.

— Конечно нет, — отозвалась я.

Вернувшись домой, я немного посидела в гостиной с Артуром и Розалин, делая вид, будто читаю подаренную Фионой книгу. Однако ждать становилось невыносимо. Тогда я зевнула, потянулась и, извинившись, отправилась в свою комнату. Там достала дневник из-под половицы, подвинула кресло к двери и уселась в него. Открывала дневник я не просто с любопытством, но и с надеждой увидеть новую запись, которая должна была появиться рано утром.

Отвернув обложку, я увидела, что прежней записи больше нет, словно новый день смыл старые чернила, а на ее месте стала появляться другая запись — тоже моя запись, — кружочки и палочки, слово за словом, причем так быстро, что я едва успевала их разбирать. Из-за первой же фразы я сильно занервничала.

6 июля, понедельник Вот ужас! Сегодня утром в точности, как мы планировали, приехал доктор Гедад. Не меняя привычного распорядка, Розалин в десять часов ушла в свой зоопарк. Я проследила за ней, желая удостовериться, что никакая случайность не вернет ее домой раньше обычного. В десять пятнадцать доктор Гедад позвонил в дверь. Тогда я стала молить Бога, чтобы Розалин не выглянула в окно и не увидела его припаркованную машину, однако с этим я ничего не могла поделать. Мне следовало впустить его в дом и как можно скорее выдворить обратно. Я ждала его у двери, и он показался мне на редкость приятным, симпатичным человеком. Но это меня не удивило, недаром он был отцом Уэсли. Мы еще стояли внизу, как вдруг распахнулась дверь, и на пороге оказалась Розалин. Честно говоря, когда она взглянула на доктора Гедада, то изменилась в лице, словно ее схватили полицейские. Доктор Гедад будто ничего не заметил. Он был дружелюбен, как прежде, и незамедлительно представился, потому что они не были знакомы. Розалин смотрела на него так, словно некое неземное существо вдруг оказалось в ее бесценном доме. К тому же Розалин нервничала из-за яблочного пирога, который она попробовала уже в бунгало и в который добавила соль вместо сахара, что, верно, случилось впервые в ее жизни. Она была по-настоящему расстроена, словно опозорила себя на всю оставшуюся жизнь. Поэтому она вернулась за другим пирогом, приготовленным к обеду. Она не сомневалась, что я и Артур не будем против, если она отнесет пирог матери. В общем, виноват был яблочный пирог, но тогда почему Розалин дрожала всем телом? Понятия не имею, было это из-за пирога или из-за приглашенного мной, без ее согласия, доктора. Доктор Гедад поинтересовался здоровьем ее

матери, несколько пошатнувшись, насколько он слышал, и удивительным образом переместился в кухню, куда меня не пригласили посидеть с ними и где они закончили свою беседу. Мне доктор Гедад сказал, что не уверен в необходимости своего появления в комнате мамы. Он посочувствовал мне в моей утрате, вручил брошюру с рекомендациями и откланялся.

Мое положение в доме стало еще хуже. У меня не было сил это выносить. Остаться я больше не могла. В следующий раз, когда придет Маркус, я залезу в его автобус и заставлю отвезти меня домой. Потому что дом у ворот не мой дом.

Неважно, что я напишу завтра.

Дрожащими руками я спрятала дневник под половицу, зная, что это надо делать как следует. Потом я отправилась вниз. В кухне Розалин пекла пироги на завтра.

Я села и, наблюдая за ней, стала нервно грызть ногти, мысленно определяя, что делать дальше. Если не дать ей насыпать слишком много соли в пирог, значит, она не заявится домой раньше времени. Но если я это изменю, Уесли мне наверняка не поверит. Что же важнее? Привести врача к маме или получить союзника, который будет мне помогать?

— Тамара, ты не возражаешь, если я попрошу тебя принести сахарный песок из кладовки? — прервала Розалин поток моих мыслей.

Я застыла на месте.

Розалин обернулась.

— Тамара!

— Да! Сейчас, — решительно произнесла я.

— Набери его в банку до сих пор и принеси, так будет нетрудно. И Розалин мило улыбнулась, наслаждаясь наметившейся связью между нами.

Взяв у нее размеченную банку, я почувствовала, будто мое внутреннее «я» отправилось в кладовку. В комнатке рядом с кухней от пола до потолка стояли полки, нагруженные едой, которой могло бы хватить лет на десять. Например, консервы в банках с железными крышками и надписями, сделанными отличным почерком, о содержимом и времени закладки овощей и фруктов.

Отдельную полку Розалин отвела луку, картошке, ямсу, моркови. На другой полке — одни консервированные супы, фасоль и томаты в банках. Внизу полка с крупами в стеклянных банках, рисом, макаронами всякого вида и цвета, горохом, овсянкой, чечевицей, кукурузой и сухими фруктами — кишмишем, сабзой, курагой. Рядом всякая всячина для пирогов: мука, сахар, соль и дрожжи, а еще множество банок и бутылок с маслом, оливковым, кунжутным, а также с бальзамическим уксусом, устричным

соусом и всевозможными специями. Отдельно стояли банки с медом и разными джемами — клубничным, малиновым, черничным и даже сливовым. Им не было числа. Соль и сахар Розалин пересыпала из магазинных пакетов в банки. Все банки надписаны аккуратным почерком.

У меня дрожали пальцы, когда я потянулась за солью. Мне вспомнился урок, полученный накануне: я могла изменять прочитанное в дневнике. Мне не обязательно в точности следовать тому, что там сказано. И тогда моя жизнь пойдет по другому пути.

И тут я опять вспомнила об Уэсли. Если я дам Розалин сахар, она не вернется домой раньше времени и не встретится с врачом внизу, прежде чем он поднимется к маме. Если я не последую записи в дневнике, то не буду иметь ни малейшего представления о том, как сложатся события, и Уэсли мне не поверит. Я потеряю недавно приобретенного друга, и это станет моей самой непростительной глупостью.

А если я все сделаю как надо, тогда маме не видать врача. И сколько же мне еще ждать, пока она будет дремать в кресле, время от времени просыпаясь, словно и не просыпаясь вовсе?

Я приняла решение и потянулась за банкой.

Глава шестнадцатая

Полная абстракция

Ночью я почти не спала. Крутилась, вертелась, сбрасывала одеяло, потому что мне становилось нестерпимо жарко, а потом, замерзнув, опять закутывалась в него, выставляла наружу то руку, то ногу и никак не могла устроиться удобно. Тогда я не выдержала и пошла вниз, чтобы позвонить Уэсли и сообщить ему о дневниковой записи. Так как скрипучие ступеньки могли разбудить Розалин, я сделала то, чем могла бы гордиться моя учительница по гимнастике, то есть перелезла через перила и мягко приземлилась на каменном полу. Хотя прыжок получился отличный и почти бесшумный, все же, едва я приблизилась к телефону, в дверях кухни появилась Розалин в рубашке 1800-х годов, до самого пола, в которой она была больше похожа на привидение, чем на человека. — Розалин!

От испуга я подпрыгнула на месте.

— Что ты тут делаешь? — шепотом спросила она.

— Собираюсь налить воды. Очень хочется пить.

— Позволь помочь тебе.

— Нет, — отрезала я. — Я сама могу налить себе воды. Спасибо. Идите лучше спать.

— Я посижу с тобой, пока.

— Розалин, нет. — Я почти кричала. — Вы совсем не даете мне дышать. Сейчас я возьму стакан воды и пойду к себе.

— Ладно, ладно. — Сдаваясь, Розалин подняла вверх руки. — Спокойной ночи.

Я подождала, пока она поднялась вверх по скрипучим ступенькам. Потом услышала, как закрылась дверь спальни, как она подошла к кровати, как запружинил матрас под тяжестью ее тела. Тогда я бросилась к телефону и набрала номер Уэсли. Он почти тотчас взял трубку:

— Привет, Нэнси Дрю.

— Привет, — прошептала я и застыла в страхе от того, что собираюсь сделать.

— Ну, прочитала дневник?

У меня не было причин не отвечать. Я прислушалась к его голосу — не шутит ли он? Не задумал ли чего-нибудь? Может быть, он слушает меня в комнате с автоответчиком, где хватает его провинциальных приятелей —

скажем, на случай, если кто-то ворвется в мой дом и начнет все крушить в поисках пророчествующего дневника?

— Тамара, — позвал Уэсли, и я не услышала в его голосе ничего такого, что заставило бы меня изменить свое решение.

— Я тут, — прошептала я.

— Ты прочитала дневник?

— Да.

Я не знала, какое принять решение. Можно было сказать, что это была шутка, что я придумала веселую шутку, не хуже чем о самоубийстве отца. Вот посмеемся!

— Ну и?.. Рассказывай. Из-за тебя я прождал у телефона до одиннадцати часов. — Он хмыкнул. — Бог знает, что только не воображал себе. Завтра будет землетрясение? А что там с лотереей? Попробуем сшибить немного денег?

— Нет, — усмехнулась я, — там всего лишь про скучные мысли и чувства.

— А... — Я поняла, что он улыбается. — Что ж, на нет и суда нет. Тогда давай пророчество...

Ночью я просыпалась едва ли не каждые полчаса, так как ужасно волновалась из-за того, что должно было произойти днем. В половине четвертого моему терпению пришел конец, и я достала дневник, желая посмотреть, как сложится наступающий день и какие события ждут меня в ближайшем будущем.

Взяв фонарик, я с бьющимся сердцем открыла дневник. Мне пришлось протереть глаза, чтобы убедиться в правильности написанного. Слова то появлялись, то исчезали, фразы оставались незаконченными, не имели смысла и тоже, едва появляясь, исчезали. Буквы как будто в полном беспорядке спрыгивали со страницы. Похоже, в дневнике царила такая же сумятица, как у меня в голове, и он был не способен сформулировать ни одной мысли. Я закрыла его и сосчитала до десяти, после чего, не теряя надежды, вновь открыла его. Слова все так же бессмысленно прыгали по странице.

Какие бы планы мы ни строили на завтра вместе с Уэсли, ручаться ни за что нельзя. Ясно одно. День будет таким, каким я его сделаю, и он еще не прописан в дневнике. Пока все в моих руках.

В те минуты, когда мне удавалось задремать, мне снилось, как вдребезги разбивается стекло и я бегу по стеклянному полю, а так как день ветреный, то осколки бились об меня, царапали мне лицо, руки, тело, раздирали в клочья кожу. Мне никак не удавалось добраться до сада, я

словно потерялась среди стеклянных рядов, а у окна стояла женщина и смотрела на меня сквозь упавшие на лицо волосы. Но каждый раз, когда загоралась молния, я видела ее лицо, и это было лицо Розалин. Каждый раз я просыпалась вся в поту, с колотящимся сердцем и боялась открыть глаза. Потом я снова засыпала и снова попадала в тот же сон. В пятнадцать минут седьмого я отчаялась заснуть и встала с постели. Хотя моей главной задачей было вернуть маму к нормальной жизни, я заглянула к ней, как ни странно, в надежде, что лучше ей не стало. Не знаю почему — конечно же мне всем сердцем хотелось увидеть ее здоровой, — но у любого человека есть некое пространство в самой глубине его существа, где находится кнопка саморазрушения, и это пространство не стремится обнаружить себя.

В первый раз за все время пребывания у родственников я раньше их, без пятнадцати семь, спустилась вниз. Взяв чай, устроилась в гостиной и постаралась сосредоточиться на книжке о девочке-невидимке, которую мне подарила Фиона. В среднем я прочитывала по параграфу в день, но тут, верно, чтение захватило меня, потому что я не видела и не слышала, как появился почтальон, зато услышала, как падают на пол конверты. Получая удовольствие от нарушения любого правила в доме, где жизнь напоминала безукоризненно отлаженный механизм, я помчалась в холл. Я уже почти держала письма в руках, как, откуда ни возмись, появилась рука и забрала их у меня из-под носа, словно с небес упал стервятник и унес свою законную добычу.

— Тамара, не стоит беспокоиться, — радостно произнесла Розалин, пряча письма в карман фартука.

— Я и не беспокоюсь. Просто хотела их поднять. И вовсе я не собиралась их читать.

— Конечно же нет, — проговорила она так, словно такая мысль даже не приходила ей в голову. — Тебе надо успокоиться и радоваться жизни, — с улыбкой заметила Розалин и потрепала меня по плечу.

— Спасибо, — отозвалась я, тоже с улыбкой. — Знаете, иногда вам надо кому-то передоверять свои дела.

И я последовала за Розалин в кухню.

— Зачем, если мне так нравится? — Розалин сразу взялась за приготовление завтрака. — К тому же у Артура золотые руки, однако яичницу ему лучше не доверять, он будет жарить ее до сентября. Она фыркнула.

— Кстати насчет сентября. — Наконец-то я решилась сказать об этом. — У нас, насколько я понимаю, договоренность жить тут до конца лета. Пока на дворе июль, и о сентябре никто не обмолвился ни словом.

— Ну да, скоро твой день рождения. — У Розалин загорелись глаза. — И нам обязательно надо решить, что мы будем делать. Хочешь устроить вечеринку? Или поедешь к своим друзьям в Дублин?

— В общем-то, я думала пригласить сюда своих друзей. Пусть посмотрят, где я теперь живу и чем тут занимаюсь.

Розалин словно током ударило:

— Тут? Но...

— Я еще не решила, — торопливо отказалась я от неожиданно возникшей идеи. — Лауре и Зои далеко сюда ехать, да и для вас это будет настоящая морока...

Я ждала, что Розалин будет возражать, но она промолчала.

— Во всяком случае, я бы предпочла поговорить о своем будущем, а не о дне рождения, — сменила я тему. — Если мы все еще будем здесь в сентябре, а, насколько я понимаю, так оно и будет, то каким образом я буду ездить отсюда в свою школу? Здесь не ходят автобусы, за все время я ни одного не видела. И очень сомневаюсь, чтобы дядя Артур пожелал каждый день возить меня туда и обратно...

Я ждала чего-то конкретного от Розалин и, как всегда, не дождалась. Она делала вид, будто ее ничего не интересует, кроме завтрака, поэтому отчаянно громыхала горшками и сковородами, что обычно служило знаком для моего пробуждения.

— Наверно, ты должна обсудить это с мамой. Я не могу ответить тебе вместо нее.

— Но, Розалин, как мне что-то с ней обсуждать?

— Ты это о чем?

Стук, звон, грохот, треск. Кухня — центр мироздания.

— Вы знаете о чем. — Я встала рядом с ней, но она даже не повернула головы. — Мама ничего не говорит. Она все время молчит. У нее не в порядке с психикой, и я не понимаю, почему вы не хотите это признать.

— Тамара, с твоей мамой все в порядке. — Наконец она оставила в покое нож и повернулась ко мне. — Она просто... грустит. Надо дать ей время, и все само собой уладится. А теперь будь хорошей девочкой и достань мне из холодильника яйца, тогда я научу тебя готовить вкусный омлет, — с улыбкой сказала Розалин. — Положить тебе перцев?

— Перцев, — заносчиво повторила я и увидела, как засияло ее лицо. — Вкусных, сочных, отменяющих все проблемы перцев, — радостно произнесла я и передвинулась к холодильнику, когда на ее лице появилось мрачное выражение, после чего достала по одному зеленый и красный перец. — Эй, привет, мистер Зеленый Перец. Как насчет того, чтобы

решить мою проблему? В какую школу я пойду в сентябре? — Я приложила к нему ухом и прислушалась. — О нет, так не пойдет. — Я потрясла его. — Может быть, мне стоит послушать красный перец? Привет, мистер Красный Перец. Мне кажется, Розалин считает, что вам не по силам решить мои проблемы. А вы что думаете? Отправить нам маму в сумасшедший дом или держать ее наверху до самой смерти? — Я опять прислушалась. — Нет. Ничего. — Я положила перцы на стол. — Похоже, сегодня они не желают отвечать. Может быть, спросить луковицу? — спросила я, изображая энтузиазм. — Или натертый сыр?

— Тамара, — услышала я голос Артура, в котором звучало предостережение, и замолчала. Не говоря больше ни слова, я вышла из кухни и отправилась в гостиную. Обычно мы в гостиной не ели, но в этот раз Розалин принесла мне омлет туда. Милейшее создание — но вместо примирения я попросила принести соль.

В десять часов Розалин, нагруженная тяжелым подносом, должна была идти в другой дом, и я боялась, как бы ее мать не рассказала ей о моем визите. Правда, в дневнике об этом не было ни слова, однако я все равно боялась. В пятнадцать минут одиннадцатого к дому подъехала машина доктора Гедада. Набрав полную грудь воздуха, я отперла калитку.

— Вы, верно, Тамара, — радостно произнес он, направляясь к крыльцу. И я не могла не улыбнуться ему в ответ. Высокий, худой, он отлично выглядел. У него уже начали сесть волосы, однако не было и намека на лысину. Я сразу же заметила высокие скулы и ласковые глаза, придававшие ему отчасти женственный вид, несмотря на явную мужественность и совсем не женскую красоту. Когда он вошел в дом, мы обменялись рукопожатием.

— Доброе утро. В этом году стоит отличное лето. — У доктора Гедада был глуховатый голос, словно во рту у него застрял кусочек хлеба, который мешал говорить, отчего приходилось растягивать слова, словно напевать их, но это ему ничуть не вредило. Несмотря на мадагаскарский акцент, у него проскакивали слова, произносимые с чисто ирландским blas^[59]. Звук был необычный и приятный на слух. Мне он тем более понравился, так как я увидела перед собой человека, который был способен внести новый дух в старый порядок вещей, потрясти его и преобразовать.

— Позвольте взять ваш портфель.

Я нервничала, меня бросало то в жар, то в холод, и я понятия не имела, как себя вести. К тому же мне с трудом удавалось отвести взгляд от двери.

— Нет, Тамара, спасибо, — отозвался доктор Гедад. — Портфель мне еще понадобится.

— О да, конечно.

— Насколько я понимаю, вы позвали меня к своей маме?

— Да. Она наверху. Пойдемте.

— Спасибо, Тамара. Я очень сочувствую вам из-за смерти вашего отца. Уэсли рассказал мне об этом. Наверно, вы обе тяжело переживаете случившееся.

— Да. Спасибо, — с улыбкой ответила я, напрасно стараясь проглотить застрявший в горле комок, который появлялся каждый раз, стоило кому-то заговорить о папе.

Я направилась наверх и уже начала думать, что справлюсь со своей задачей и верну маму, хоть и потеряю Уэсли, как распахнулась входная дверь. Через порог переступила Розалин, держа в руках тарелку, накрытую фольгой. Она поглядела на доктора Гедада так, словно он был безжалостным потрошителем. И побелела как мел.

— Доброе утро, — учтиво произнес доктор Гедад.

— Кто вы?.. — Розалин перевела взгляд со странного человека в ее холле на меня, потом опять на него. Она прищурилась: — Вы наш новый врач?

— Правильно, — довольно весело произнес доктор Гедад и спустился с лестницы. «Нет!» — мысленно прокричала я.

— Приятно с вами познакомиться, миссис...

— Розалин, — торопливо произнесла она, поглядев на меня, потом опять на него. — Меня зовут Розалин. Добро пожаловать в наш город.

Они обменялись рукопожатием.

— Очень вам благодарен за то, что вы и ваш муж дали работу моему сыну Уэсли.

Розалин поглядела на меня, испытывая явную неловкость.

— О да, он нам очень помогает, — проговорила она, как отрезала. — Доктор, — смущенно произнесла она, — а что?.. Почему?.. Тамара, ты заболела?

— Нет, я не заболела, Розалин, спасибо. Доктор Гедад, нам сюда, — поспешила я пригласить доктора наверх и побежала вверх по лестнице.

— Ты куда?

— К маме, — ответила я настолько вежливо, насколько мне хватило сил.

— Нет, Тамара, ты же не хочешь ее побеспокоить, — сказала Розалин, улыбнувшись мне и обратив озабоченное лицо к доктору Гедаду, словно намекая ему, что девочка, мол, не в себе. — Тебе самой известно, как важно для нее сейчас много спать. — Она посмотрела на врача: — Ей не хватало

сна, что неудивительно при сложившихся обстоятельствах.

— Конечно, — важно кивнул доктор и посмотрел на меня. — Наверно, мне лучше не тревожить ее теперь. Я загляну в другой раз.

— Нет! — крикнула я. — Розалин, она уже целую неделю только и делает, что спит.

Я не могла контролировать свой голос, который напомнил мне о столах и криках визгливой скрипки.

— Естественно, ведь она почти не спит ночью, — твердо произнесла Розалин. — Не хотите чаю, доктор? Вы не поверите, но я положила в пирог соль вместо сахара. Мама чуть не упала. — Она засмеялась. — Знаю, знаю, ей нельзя есть пирог на завтрак, — извиняющимся тоном проговорила Розалин.

— Как себя чувствует ваша матушка? — спросил доктор Гедад. — Мне говорили, ей нездоровится.

— Я все расскажу вам за чашкой чая, — с живостью ответила Розалин, на что доктор Гедад рассмеялся и снова стал спускаться с лестницы. — Вам, Розалин, чрезвычайно трудно отказать.

Неподвижно стоя там, где остановилась, я с открытым ртом наблюдала за происходящим. В дневнике я уже прочитала о том, что так будет, но не могла поверить своим глазам: доктор с легкостью поддался уговорам Розалин, тогда как наверху его ждала по-настоящему больная женщина.

— Пусть твоя мама еще немного отдохнет, — сказал доктор Гедад. — Я загляну к ней попозже.

— Хорошо, — прошептала я, пытаюсь сдержать слезы, потому что понимала: он повторит наверху все, что ему скажет Розалин во время чаепития. Хотя мне все было известно наперед, я все же постаралась проникнуть в кухню, однако Розалин закрыла перед моим носом дверь.

— Если не возражаешь, Тамара, я бы хотела поговорить с доктором наедине о моей маме. Хочу убедиться, что с ней не происходит ничего плохого. Мне кажется, несколько дней она немного не в себе.

Я поспешно сглотнула слюну, потому что почувствовала себя виноватой, ведь это мое появление могло плохо сказаться на состоянии матери Розалин, однако чувство вины исчезло, едва успев появиться, и я вновь разозлилась. Мне было плевать на старуху, и я не могла сдержать гнева из-за того, что Розалин непустила доктора к моей маме.

— Да, конечно, Розалин, я все понимаю, но мне нужно сделать в точности то же самое для моей мамы, — с вызовом произнесла я и повернулась к ней спиной, прежде чем она успела вымолвить хоть слово, после чего вихрем метнулась наверх. Когда дверь в кухню закрылась, я

вошла в мамину комнату. Она спала, свернувшись клубком, словно в утробе своей матери.

— Мама, — тихонько прошептала я, опускаясь на колени и несильно дергая ее за волосы. Она застонала.

— Проснись, мама.

Она открыла глаза.

— Мамочка, тебе нужно встать. Я позвала доктора. Он внизу. Спустись к нему. Или как-то иначе привлеки его внимание. Пожалуйста, сделай это для меня.

Но она вновь со стоном закрыла глаза.

— Мамочка, послушай, это важно. Доктор сумеет тебе помочь. Она открыла глаза.

— Нет, — прохрипела она.

— Знаю, мама, знаю, ты очень сильно тоскуешь по папе. Я знаю, ты очень любила его и, наверно, думаешь, что жизнь больше никогда не будет лучше, но это не так, надо только постараться, и она станет лучше.

Мама закрыла глаза.

— Пожалуйста, мамочка, — прошептала я, и слезы хлынули у меня из глаз. — Ты должна сделать это для меня.

Заснув, мама снова задышала медленно и глубоко, а я стояла на коленях возле ее кровати и плакала.

С первого этажа до меня доносились приглушенные голоса беседовавших в кухне доктора Гедада и Розалин. В конце концов кухонная дверь отворилась, и я, вытерев слезы, опять потрясла маму, чтобы разбудить ее.

— Ладно, мама, он будет тут. Тебе надо всего лишь подойти к двери. Это все. Больше от тебя ничего не требуется.

Она испугалась, поняв, что мне удалось разбудить ее.

— Пожалуйста, мама.

Она была в замешательстве. Я выругалась и бросилась вниз, успев остановить Розалин, когда та уже открывала входную дверь.

— А, Тамара, я поговорил с Розалин и считаю, что твою маму лучше всего на некоторое время оставить в покое, но я вернусь, как только смогу быть ей полезным. Если захочешь позвать меня, вот моя карточка.

— Но я уже позвала вас, чтобы вы сегодня посмотрели мою маму.

— Это понятно, но мы поговорили с Розалин, и мне ясно, что это делать не обязательно. Тебе не о чем беспокоиться. У твоей мамы и вправду тяжелое время, но вряд ли у тебя есть серьезные причины тревожиться за ее здоровье. Уверен, ей надо отдохнуть, и тогда к ней

вернется ясность мыслей, — по-отечески проговорил доктор Гедад.

— Но вы ведь даже не взглянули на нее, — со злостью возразила я.

— Тамара... — предостерегающе произнесла Розалин.

Доктор Гедад явно чувствовал себя не в своей тарелке, потом я увидела по его лицу, что он усомнился в своем решении, он как будто спрашивал себя: какие основания у него доверять или не доверять Розалин? И Розалин тоже это увидела, поэтому тотчас принялась действовать.

— Доктор, мы благодарим вас за то, что вы к нам заглянули, — ласково произнесла она. — Пожалуйста, передайте привет Морин и вашему сыну...

— Уэсли, — подхватил доктор. — И вам спасибо. Благодарю за чай и булочки. Я не почувствовал в них ни крошки соли.

— О нет, соль была в яблочном пироге, — подевчоночьи засмеялась Розалин.

И доктор Гедад ушел. Розалин проводила его и повернулась ко мне лицом, но я прошагала мимо нее, открыла дверь и громко захлопнула ее за собой. Пошла по дороге. На улице было тепло, и сладко пахло свежескошенной травой и коровьим навозом. Издалека доносился шум газонокосилки Артура, и этот шум мотора для Артура, сконцентрировавшегося на неотложных задачах, заслонял весь остальной мир. Слева, и тоже довольно далеко, я заметила сестру Игнатиус в белоглубом одеянии посреди зеленого лугового пространства. Вся трепеща от ярости, словно в жилах у меня текла не кровь, а содовая шипучка, я бросилась к ней. Перед сестрой Игнатиус в траве стоял мольберт, и она вглядывалась в замок, поднимавшийся вверх примерно в четверти мили от нее, а прямо перед ней были лебединые озера в тени гигантского дуба. Солнце уже успело прогреть утренний воздух, и небо сияло голубизной, на которой не было ни единого облачка. Наверное, сестра Игнатиус настолько увлеклась своим занятием, что низко склонила голову к бумаге и проводила языком по губам, словно повторяя движения кисти.

— Ненавижу ее! — крикнула я, нарушив тишину и спугнув стайку птиц с ближайшего дерева, которые теперь торопливо перегруппировывались в небе, ища для себя другое укрытие. А я бежала и бежала в своих шлепанцах, не обращая внимания на порезы и уколы.

Когда я приблизилась к сестре Игнатиус, она не подняла головы.

— Здравствуй, Тамара, — весело произнесла она. — Сегодня прекрасное утро.

— Ненавижу ее! — крикнула я еще громче, встав рядом с монахиней.

Тогда сестра Игнатиус посмотрела на меня испуганным взглядом

круглых глаз. Она торопливо покачала головой и замахала руками, словно, стоя на железнодорожных путях, пыталась остановить надвигающийся поезд.

— Да! Это правда! Я ненавижу ее! — безостановочно кричала я.

Сестра Игнатиус приложила указательный палец к губам и огляделась, как будто ей неожиданно потребовался туалет.

— Она отродье Сатаны! — не могла уgomониться я.

— Ох, Тамара, — наконец-то вырвалось у монахини, которая в смятении подняла руки вверх.

— Что? Мне плевать, что Он думает. Пусть повергнет меня ниц. Боже, заberi меня отсюда, я наелась здешней жизни досыта и хочу вернуться домой. — Меня скрутило от отчаяния, и я упала на траву. Потом долго лежала, глядя в небо. — Вон то облако похоже на пенис.

— Ох, Тамара, перестань сейчас же, — немедленно отозвалась сестра Игнатиус.

— Почему? Разве это обижает вас? — стараясь быть саркастичной, спросила я, желая причинить как можно больше боли всем окружающим меня людям, какими бы хорошими и добрыми ни были они по отношению ко мне.

— Нет! Ты напугала белку, — произнесла она с самым несчастным видом. Ничего не понимая, я выпрямилась и выслушала ее долгую страстную речь. — Я целую неделю пыталась приручить ее. Оставляла на тарелке еду, и вот она моя — она не соответствовала распространенным историям о белках и о том, что их невозможно приручить. К сыру она не прикоснулась, а, не поверишь, «Тоффи попс» пришлись ей по вкусу. А теперь она убежала и никогда больше не вернется, и сестра Концептуа съест меня заживо за то, что я взяла ее «Тоффи попс». Полагаю, ты со своим драматическим появлением довела бедняжку до инфаркта, — вздохнула она и, несколько успокоившись, повернулась ко мне: — Кого ты ненавидишь? Полагаю, Розалин?

Я посмотрела на ее рисунок:

— Это белка? Похожа на слона с пушистым хвостом!

Поначалу сестра Игнатиус ужасно разозлилась, но потом, приглядевшись к своему творению, рассмеялась.

— Ох, Тамара, ну и зараза же ты. Ты это знаешь?

— Нет, — раздраженно ответила я, вскакивая на ноги. — Я не зараза, иначе не стала бы звать врача к маме. И мне бы это удалось, если бы не она.

Я шагала то в одну, то в другую сторону. Сестра Игнатиус серьезно

глядела на меня.

— Ты позвала доктора Гедада?

— Да. И он приехал сегодня утром. Я думала, Розалин пробудет подольше у своей матери — кстати, я видела ее маму и могу поклясться чем угодно: она не в силах съесть все то, что Розалин таскает ей каждый день, если только у нее нет глистов. Однако Розалин вернулась, прежде чем доктор Гедад успел подняться на второй этаж, так как — вот главная новость — Розалин положила соль вместо сахара в свой яблочный пирог... и вы правы, это моя вина, хотя я не чувствую себя виноватой и сделаю то же самое завтра, пока не дознаюсь до правды. — Я перевела дух. — Ну вот, она вернулась, чтобы забрать пирог, приготовленный для меня и Артура, хотя мне плевать на ее пироги, от которых я пукаю по пятьдесят раз на день, и ей удалось увести доктора, так что он даже не взглянул на маму. Он уехал, а мама все еще в спальне, наверно, спит или водит пальцем по стене.

— Под каким предлогом Розалин отослала его?

— Понятия не имею. Понятия не имею, что она сказала ему. Мне он заявил, мол, маме надо побольше отдыхать, а я могу в любое время позвать его в случае необходимости.

— Что ж, врачу лучше знать, — без всякой уверенности в голосе проговорила сестра Игнатиус.

— Да он даже не видел ее. Он только выслушал то, что ему сказала Розалин.

— А почему он не должен верить Розалин?

— А почему он должен ей верить? Это я позвала его, а не Розалин. А что, если бы я видела, как она пыталась убить себя, и ничего не сказала об этом Розалин?

— Она пыталась?

— Нет. Но не в этом дело.

— Хм-м-м.

Сестра Игнатиус молча обмакнула кисточку в жуткую коричневую краску и начала мазать ею по бумаге.

— А сейчас у вас нечто вроде наследника инцеста, только что скушавшего гнилой орех.

Сестра Игнатиус фыркнула, потом откровенно расхохоталась.

— Вы когда-нибудь, как бы это сказать, молитесь? Я видела вас с пчелами, в саду, за мольбертом.

— Тамара, мне ужасно нравится создавать что-то новое. Я всегда верила, что творческий процесс — это духовный опыт, в котором я становлюсь соавтором Святого Духа, сотворившего все вокруг.

Притворившись удивленной, я огляделась.

— Ваш Святой Дух устроил себе перерыв на ланч? Сестра Игнатиус задумалась.

— Если хочешь, я загляну к ней, — спокойно проговорила она.

— Спасибо, но ей нужно больше, чем поддержка простой монахини. Не обижайтесь.

— Тамара, ты понимаешь, чем я главным образом занимаюсь?

— Ну, вы молитесь.

— Правильно, я молюсь. Но я не только молюсь. Я дала обет бедности, целомудрия и послушания, как все католические монахини, но, самое главное, я поклялась помогать нищим, больным и неграмотным. Тамара, я могу поговорить с твоей мамой. Я могу ей помочь.

— А... У нее как раз два эти качества из трех.

— К тому же я не «просто монахиня», как ты сказала. Я еще и дипломированная акушерка, — произнесла она, вновь тыкая кисточкой в бумагу.

— Как это ни покажется вам странным, она не беременна. — И тут до меня дошло: — Пойдите, вы кто? С каких пор?

— Ну, хорошенькой меня уже давно никто не зовет, — фыркнула она. — Это была моя первая работа. Правда, я всегда чувствовала, что Бог призывает меня к духовному служению, поэтому я приняла постриг и объездила весь мир, будучи одновременно монахиней и акушеркой. После тридцати я лет десять провела в Африке. В общем, много где была. Видела ужасные вещи, но и прекрасные тоже видела. Встречалась с удивительными людьми.

Она улыбнулась своим воспоминаниям.

— Вы встретили там кого-то, кто подарил вам вот это? — Я с улыбкой показала на ее золотое кольцо с крошечным изумрудом. — Золотое кольцо и обет бедности. Если бы вы продали его, то могли бы вырыть колодец в африканской пустыне. Я видела в рекламе.

— Тамара, — проговорила она в недоумении. — Я получила его тридцать лет назад, когда уже двадцать пять лет была монахиней.

— А похоже, будто оно обручальное... Почему его вручили вам?

— Я же Христова невеста, — улыбнулась сестра Игнатиус. Я поморщилась:

— Здорово. Значит, если бы вы вышли замуж за реального мужчину, то есть такого, которого вы могли бы видеть и который раскидывал бы по всему дому грязные носки, то вы получили бы бриллиантовое кольцо за двадцатипятилетнее служение ему?

— Я совершенно счастлива тем, что имею, можешь не сомневаться, — фыркнула сестра Игнатиус. — Вера и деньги несовместимы.

— Значит, папа был неправ. Но мы ездили в Рим и были в Ватикане. Тамошние ребята не бедствуют.

— Очень похоже на него, — засмеялась монахиня.

— Вы знали моего отца?

— Да, конечно.

— Когда вы познакомились? Где?

— Здесь.

— Но я что-то не помню, чтобы он ездил сюда.

— Ездил. Вот так-то, мисс Всезнайка.

Мне стало весело.

— Вам он не понравился?

Сестра Игнатиус покачала головой.

— Говорите, я не обижусь, ведь он вам не нравился. Он мало кому нравился. И мне тоже не всегда. Мы много спорили. Я не похожа на него, и думаю, он ненавидел меня за это.

— Тамара. — Она взяла меня за руки, и я ощутила неловкость. Она была очень ласковой и нежной, хотя успела повидать немало со всеми своими путешествиями и ежедневной работой и уж точно видела побольше моего. — Твой отец очень, всем сердцем, тебя любил. Он был добр к тебе, ничего для тебя не жалел, всегда был готов помочь. Тебе на редкость повезло. Поэтому не говори о нем плохо. Он был замечательным человеком.

Я мгновенно почувствовала себя виноватой, однако от старых привычек не так-то легко избавиться, поэтому я сделала то, что делала всегда.

— Вам надо было выйти за него замуж, — отрезала я. — Носили бы по золотому кольцу на всех пальцах.

После долгой паузы, подразумевавшей, что я должна извиниться, сестра Игнатиус вернулась к своей дурацкой картине. Она обмакнула кисточку в зеленую краску и стала накладывать плоские мазки на бумагу, начав нечто новое, повторяя движения дирижера, но с кистью художника в руке, и мазки напомнили мне о зеленых листьях, в общем, о чем-то вроде этого.

— Тут нет дерева.

— И белки тоже нет. Я включила свое воображение. В любом случае это не дерево, это среда, в которой живет моя белочка. Представь, что это абстрактная живопись, уход от реальности в дебри воображения, — с

поучительной интонацией произнесла она. — Ладно, это наполовину абстракция, свободное произведение искусства, меняющее форму и цвет самым непредсказуемым образом.

— Как коричневый слон, у которого большой хвост, а туловище подкачалось. Сестра Игнатиус не удостоила меня своим вниманием.

— С другой стороны, полная абстракция, — продолжала она, — не несет в себе ни малейшего сходства с чем-то узнаваемым.

Я повнимательнее пригляделась к изображению на бумаге.

— Да, сказать по правде, это ближе к полной абстракции. Похоже на мою жизнь. Она хихикнула:

— Драма семнадцати лет.

— Шестнадцати, — поправила я ее. — А знаете, я вчера побывала у матери Розалин.

— Неужели? И как она поживает?

— Она дала мне это. — Я вытащила из кармана осколок стекла и потеряла его. Он был холодным, гладким и действовал успокаивающе. — У нее там много таких стекляшек. Очень странно. Позади, в саду, что-то вроде сарая, и это ее фабрика, а за сараем целое поле со стекляшками. Некоторые острые и неинтересные, но в основном они очень красивые. Висят на бельевых веревках, кажется, десяти, все прикручены проволокой и сверкают на солнце. Думаю, она ими занимается. Естественно, не выращивает, но все равно это похоже на стеклянную ферму, — со смехом проговорила я.

Сестра Игнатиус перестала рисовать, и я положила ей на ладонь стеклянную слезинку.

— Она сама дала тебе это?

— Нет, не совсем так. Я увидела ее в сарае. Мне показалось, что она, согнувшись, надев очки, над чем-то работает, потом стало понятно, что она работает со стеклом, и еще мне показалось, что я напугала ее. Поэтому я оставила поднос в саду. Заранее кое-что приготовила и принесла.

— Это хорошо.

— Нехорошо. Видели бы, в каком это все было состоянии. И Розалин не знает, что я была там, поэтому пришлось вернуться за подносом, который я ожидала увидеть таким же, каким оставила. А он был снаружи, вся посуда вымыта, вся еда съедена. И вот это было на тарелке. — Я забрала у сестры Игнатиус стекляшку и опять внимательно посмотрела на нее: — Очень мило с ее стороны, правда?

— Тамара...

Сестра Игнатиус протянула руку и попыталась ухватиться за мольберт,

но он был слишком легким для того, чтобы она могла опереться на него.

— Что с вами? У вас нездоровый...

Я не закончила фразу, потому что сестра Игнатиус едва не повалилась на землю, благо я успела ее подхватить, и мне вдруг пришло в голову, что, несмотря на свою молодую энергию и детское фыркание, монахине уже лет семьдесят с лишком.

— Все в порядке, все в порядке, — повторяла она, пытаясь засмеяться. — Перестань волноваться по пустякам, Тамара, и наклоняйся, когда говоришь, кстати, повтори, что ты сказала. Ты нашла это на подносе, когда вернулась за ним?

— Поднос был на стене, которая огораживает сад, — медленно произнесла я.

— Но это невозможно. Ты сама видела, как она несла поднос?

— Нет. Я увидела поднос из окна своей комнаты. Наверно, она принесла его, пока я была где-то в доме. А почему вы задаете все эти вопросы? Вы сердитесь, что я пошла туда? Понимаю, мне, наверно, не стоило это делать, но Розалин слишком оберегает свои тайны.

— Тамара. — Сестра Игнатиус закрыла глаза и, когда открыла их, словно постарела лет на десять. — Хелен, мать Розалин, страдает рассеянным склерозом, который, к сожалению, с годами делается только хуже. Она прикована к инвалидной коляске, поэтому Розалин приходится почти неотлучно быть при ней. Ну вот, сама понимаешь, она никак не могла добраться с подносом до садовой стены. — Сестра Игнатиус покачала головой. — Это невозможно.

— Почему невозможно? — возразила я. — А что, если она положила поднос на колени, тогда руки у нее были свободны, чтобы двигать кресло?..

— Нет, Тамара, в саду есть лестница.

Я посмотрела в сторону бунгало и, хотя на самом деле ничего не могла разглядеть, словно воочию увидела ступеньки.

— О да! Странно. А кто еще живет в бунгало?

Притихшая сестра Игнатиус отводила от меня взгляд, явно что-то обдумывая.

— Никто не живет, Тамара, — прошептала она. — Никто.

— Но я же видела. Подумайте, сестра Игнатиус! — испугавшись, крикнула я. — Кого же я тогда видела в мастерской? Согнутая женщина в очках, в рабочих очках, и с длинными волосами. И везде были стекляшки. Кто она такая?

Сестра Игнатиус, не переставая, качала головой.

— У Розалин есть сестра. Она рассказывала мне о ней. Сестра живет в

Корке. Она учительница. Может быть, это она приехала сюда погостить? Как вы думаете?

— Нет. Нет. Не может быть, — проговорила монахиня, продолжая качать головой.

Мурашки побежали у меня по спине, и я вся покрылась гусиной кожей. Обычно спокойное лицо сестры Игнатиус еще сильнее встревожило меня. У нее было такое лицо, словно она увидела привидение.

Глава семнадцатая

Нервный срыв

На этом я перестала расспрашивать сестру Игнатиус, потому что у нее стремительно посерело лицо и она едва не лишилась чувств.

— Сядьте, сестра Игнатиус, сядьте вот сюда, на скамейку. Ничего страшного, ничего страшного, просто сегодня слишком жарко. — Я старалась сохранять спокойствие, помогая монахине добраться до деревянной скамьи и при этом намеренно держась поближе к дереву, чтобы защитить пожилую женщину от солнечных лучей. — Передохните тут пару минут, а потом пойдем домой.

Она не отвечала, молча позволяя мне вести ее, одной рукой обняв за талию, а другой держа за руку. Когда я усадила сестру Игнатиус, то убрала с ее лица прядь волос и поняла, что плохо ей стало не от жары.

Вдали кто-то звал меня по имени, и я увидела, что к нам бежит Уэсли. Тогда я замахала над головой руками, привлекая его внимание. Остановившись рядом, он никак не мог восстановить дыхание и согнулся пополам, упершись руками в колени.

— Здравствуйте, сестра Игнатиус, — в конце концов произнес он, зачем-то помахав ей рукой, хотя стоял совсем рядом, и, не скрывая тревоги, повернулся ко мне: — Тамара, я все слышал.

— Слышал что? — нетерпеливо спросила я, хотя Уэсли еще довольно сильно задыхался.

— Розалин. — Вдох. — В кухне. — Вдох. — С папой. — Вдох. — Ты была права. Во всем права. И насчет сахара, и насчет соли... — Вдох. — И насчет того, что она раньше придет домой. Откуда ты знала?

— Я же говорила. — С этими словами я поглядела на сестру Игнатиус, но она как будто ничего не замечала, словно в любой момент могла потерять сознание. — Так было написано в дневнике.

Уэсли недоверчиво покачал головой, и я разозлилась.

— Послушай, мне все равно, веришь ты или не веришь, просто скажи...

— Тамара, я тебе верю, я не верю в дневник. Понятно?

— Понятно. Я тоже не верила.

— Ладно... Сегодня в десять я сбежал от Артура. Сначала мы разделились, и я занимался орешником с южной стороны. У нас проблемы

с орешником. — Он повернулся к сестре Игнатиус: — Поэтому мы хотим поднять паш земли до шести и срезать лишние побеги...

— Уэсли, заткнись... — прервала я его.

— Конечно, извини. Я все время думал о том, что ты мне сказала, поэтому пошел к твоему дому и спрятался снаружи под кухонным окном. И все слышал. Розалин сначала заговорила о своей маме, о том, как ей становится хуже. У нее ведь рассеянный склероз. Она задала папе несколько вопросов, попросила кое-какие советы. Думаю, она попросту тянула время.

Я кивнула. Его рассказ соответствовал тому, что я узнала от сестры Игнатиус, значит, Розалин не врал мне о своей матери.

— Я ужасно злился на папу. Мне хотелось накричать на него, погнать его наверх. Но как только он заявил, что идет к твоей маме, Розалин сразу перевела разговор на нее. Папа очень хотел подняться наверх, чтобы осмотреть твою маму, но тут Розалин проявила недюжинную настойчивость. Она сказала, что...

Уэсли умолк.

— Говори, Уэсли, ничего не скрывай от меня.

— Обещай, что не будешь злиться, когда я скажу, и потом мы вместе что-нибудь придумаем.

— Ладно, ладно, — нетерпеливо произнесла я.

— Хорошо. — Теперь он заговорил медленнее, не сводя с меня внимательного взгляда. — Розалин сказала, что такое уже случалось раньше. Что твоя мама склонна к депрессиям и время от времени впадает в подобное состояние, как бы отгораживаясь от окружающих...

— Вранье!

— Послушай, Тамара. Еще она сказала, что твои папа и мама всегда держали это в тайне от тебя и ты ничего не должна была знать. Она сказала, будто твоя мама принимает антидепрессанты, и самое лучшее — это оставить ее в покое, мол, пусть побудет одна в своей комнате, пока не пройдет депрессия. Она сказала, что они всегда так поступали.

— Вранье! — вновь оборвала я Уэсли. — Все это неправда! Чертова неправда! Мама никогда такой не была. Она, она... черт, твоя Розалин — завравшаяся сука. Как она смеет говорить, будто папа что-то скрывал от меня? Я бы знала. Я ведь жила с ними, я видела их каждый божий день. Она никогда такой не была. Никогда!

Я шагала туда-сюда, я кричала, и кровь бурлила у меня в жилах. От злости я готова была разорвать небо в клочья. Оказалось, что у меня нет никакой власти над моей жизнью и я совсем ничего не могу сделать. Тогда

я спросила себя: могло ли так случиться, чтобы я не заметила ничего странного в мамином поведении? Или странности были, просто я ничего не помню? Неужели я была такой скверной дочерью, что меня ничего не стоило обмануть? Я вспоминала давние уик-энды — и ничего не приходило мне в голову. Вспоминала, как мама едва заметно улыбалась папе, как она никогда не радовалась ему, в отличие от других мам, как ничего не дарила ему. Нет, это ничего не значит. Просто она неэмоциональная, никогда не плакала, никогда не нежничала, но это же еще не говорит о депрессии. Нет, нет, нет. Розалин не смеет говорить, что папа говорил неправду, когда он ничего не мог сделать, чтобы защитить себя. Вранье. Все вранье.

Уэсли попытался перехватить меня и хоть немного успокоить, но я заорала на него, как никогда не орала в своей жизни, и вот это я отлично помню. Помню, как сестра Игнатиус наконец-то пришла в себя и раскрыла мне свои объятия. У нее было милое, печальное и старое-престарое лицо, гораздо старше, чем несколько минут назад, и это оказалось таким грустным, таким жалким зрелищем, что мне стало нестерпимо тяжело смотреть на нее.

— Тамара, ты должна меня выслушать... — сказала она, но я не могла ничего с собой поделать.

Заколотилась, увернулась от обоих и, помню, побежала, побежала очень быстро, все время слыша за спиной свое имя. Несколько раз я падала, и Уэсли догонял меня, хватал за руки. А я бежала все быстрее и быстрее, боясь, как бы он в самом деле не догнал меня. Не знаю, когда он остановился, когда решил отпустить меня, потому что я продолжала бежать, едва дыша и превозмогая боль в груди. Из глаз текли слезы и попадали мне на уши, потому что я быстро бежала и не давала им скатиться на щеки. Деревья остались позади, я была на дороге, когда услышала шум мотора и скрежет тормозов, а потом долгий гудок перекрыл все другие звуки, и я застыла на месте, буквально застыла на месте. У меня не было сомнений, что еще секунда — и я окажусь под колесами машины или меня ударит бампером и подкинет на лобовое стекло, но ничего такого не случилось. Вместо этого я почувствовала горячую решетку возле ноги, очень близко, совсем близко, однако сразу поняла, что она недостаточно близко. Открылась дверца, и до моего слуха донеслись мужские крики. Зачем он кричит? Я закрыла уши ладонями, все еще продолжая плакать и задыхаться от быстрого бега, как вдруг услышала свое имя. Потом еще и еще раз. Голос был злой, настойчивый, осуждающий. Словно я была в чем-то виновата.

Наконец голос стал тише, чьи-то руки обняли меня и стали нежно

покачивать, наступила тишина, и я поняла, что нахожусь в объятиях Маркуса. Рядом стоял библиотечный автобус, а я, не в силах успокоиться, обливала слезами рубашку библиотекаря.

Потом я подняла глаза и увидела его озабоченное, испуганное лицо.

— Ну, на сей раз куда отправимся? В Париж? В Амстердам? — спросил он, ласково улыбаясь.

— Нет, — прорыдала я. — Хочу домой. Хочу домой, и больше никуда.

По дороге в Киллини мы молчали. Маркус, правда, попробовал меня о чем-то спросить, но ответа не получил. Я наконец-то перестала плакать и трястись всем телом и только время от времени непроизвольно подрагивала. Меня охватила страшная слабость, и еще я чувствовала непомерную усталость. Через некоторое время я в последний раз вытерла глаза мокрым платком, набрала полную грудь воздуха и выдохнула его.

— Так-то лучше, — сказал Маркус, поглядев на меня, когда остановил автобус на красный сигнал светофора. — Ну же, будешь говорить со мной?

Я кашлянула и улыбнулась ему:

— Привет, Маркус. Я хочу напиться, и по-настоящему.

— Знаешь, я как раз об этом подумал. — Он хитро улыбнулся и, как только зажегся зеленый сигнал, направил автобус к винному магазину. — Ты — женщина моей мечты, — сказал он, закрывая двери и бросаясь к магазину.

Надо было ему сказать. А я опять промолчала. О том, сколько мне лет. Уберегла бы себя от лишних мучений. Три недели — и мне стукнет семнадцать, но все равно я была слишком маленькой для него. Не знаю, о чем я думала, если в тот момент я вообще была способна о чем-нибудь думать. От ужаса. И ничего не чувствовала. Не хотела ничего чувствовать. Не хотела чувствовать и не хотела думать. Моя жизнь вышла из-под контроля, но и контролировать себя я тоже не хотела. Хотя бы какое-то время.

До Киллини всего час езды. Что такое час? Да ничего. Но не для меня, ведь позади остался целый мир. Меня вытряхнули из моего дома, из моего мира, и мне казалось, что вместе с домом я потеряла и самое себя. Не думаю, будто многие знают, каково это — уехать из своего дома. Конечно, остается тоска по родному месту, но обычно выбор делается сознательно, несмотря на дорогие воспоминания. А нам пришлось уехать. Некий банк, некое учреждение, у которого не было ничего общего с домашним теплом, с нашими воспоминаниями, с нашей семьей, затравил моего отца, замучил его до того, что он покончил с собой. А потом, когда они довели свое черное дело до конца, то отобрали у нас наши воспоминания, наш родной

дом, основу нашей семьи. Нас выбросили вон, нас заставили жить с родственниками, которых мы едва знали, но наш дом оставался на своем месте, огромный и пустой, с объявлением «Выставлен на продажу» на ограде, словно с запрещающим знаком для нас, ведь мы были вынуждены оставаться снаружи, словно чужие, так как у нас не было права вернуться.

— У тебя есть ключи? — спросил Маркус, пока мы петляли по дороге, которая вела к дому. Я кивнула. Еще одна ложь.

— Эй, не торопись, — проговорил он, со смехом постучав по третьей банке пива, которую я допивала. — Оставь что-нибудь и мне, ладно?

Я все же допила ее и громко рыгнула.

— Очень сексуально, — расхохотался Маркус, не сводя взгляда с дороги.

Если спросите меня сейчас, то я честно признаюсь, что лишь в эту минуту сознательно приняла решение о том, как собираюсь поступить со своей жизнью. Конечно, я могла бы обвинить Маркуса в том, что он внушил мне мое решение, но на самом деле это было не так. Наверное, еще тогда, когда я выбежала на дорогу и он обнял меня, мне стало ясно, где закончится наше путешествие и как мы будем лежать на полу в моей спальне. Не исключено, что я приняла это решение еще в тот день, когда мы познакомились. Может быть, я все спланировала заранее. Может быть, я гораздо лучше контролировала себя, чем мне хотелось об этом думать. Или, может быть, третья банка пива сыграла со мной дурную шутку, ведь я была в ужасном состоянии. Пока мы ехали, я показывала Маркусу разные места, рассказывала смешные истории, называла имена людей, которые жили в том или ином доме. И не дожидалась ответов. Мне было не важно, отзывается он на мои рассказы или не отзывается. Я говорила как будто сама с собой. И мой голос словно не принадлежал мне. Я была не я. Мол, плевать мне, кто я на самом деле. Надоело делать вид, будто я тот персонаж, которым все время старалась быть, как Зои или Лаура, как все вокруг, ведь это совсем не лучший путь ни для меня, ни для них. Ничего не получилось у Лауры, как не получилось у Зои, и у меня тоже ничего не получилось.

Мы остановились недалеко от моего бывшего дома. Я нарочно попросила Маркуса припарковать автобус в переулке, немного подальше, чтобы его не было заметно с дороги. Меньше всего нам хотелось заинтересовывать книгами соседей. Дом тоже с дороги не просматривался. Больших черных ворот с камерами наблюдения, замыкавших десятифутовую кирпичную стену, было достаточно, чтобы отвести любого взломщика. На эти ворота папа потратил много времени и денег, чертил и

перечерчивал проекты, спрашивал у меня и мамы, что мы о них думаем, с гордостью водил меня к входу, интересуясь моим мнением, а я каждый раз говорила, мол, мне все равно. Я постоянно обижала моего папу.

Кажется, об этом я рассказывала Маркусу, пока мы шли к дому, но точно не помню.

— У меня нет электронного ключа, — услышала я свой голос. — Придется лезть через забор и открывать ворота изнутри.

У меня была своя, опробованная много раз система. Нередко мама с папой после школы отбирали у меня ключи, чтобы я не убегала вечером из дома, однако, несмотря на размеры ворот, я обычно с легкостью одолевала препятствие. До меня доносился голос Маркуса, подправлявший мои действия, указывавший более безопасный путь, но я игнорировала его. Словно на автопилоте, я взлетела на ворота и спрыгнула с них с другой стороны. Под аплодисменты Маркуса я прошла довольно длинной дорогой к дому. Наверное, он думал, что мы вместе, но я была далеко от него.

Наш дом — стеклянный, каменный, сверкающий, легкий, современный, воздушный — был словно картинка из каталога. Камень частично маскировал его, по виду походя на скалу, в которую тот был встроен, дерево сочеталось с посадками вокруг, стекло открывало великолепный вид на бескрайнее море. Папа стремился создать совершенный дом, который мы никогда не захотим оставить. И он все сделал правильно. Мне было известно, что парадная дверь заперта, и все еще как будто на автопилоте я обошла дом кругом.

В саду за домом мне попался на глаза мокрый теннисный мяч, который давно там валялся. Он прилетел с нашего корта, но мне было лень его поднять. В тот день я играла с папой. Наступила весна, и мы открыли сезон, правда, играла я ужасно. Целую зиму не брала в руки ракетку, вот и результат. Пропускала один мяч за другим, была выше изгороди, так что в конце концов мне надоело бегать за улетевшими далеко мячами. Папа был терпелив со мной, не кричал, вообще ничего не говорил. Даже сам искал затерявшиеся не по его вине мячи. И намеренно ошибся пару раз, отчего я взбесилась еще сильнее. Помню его белые шорты, белый свитер, белые носки, которые он слишком высоко подтягивал, а я стеснялась, хотя никто, кроме нас с ним, не мог этого видеть. Мой милый папа...

За домом стояли все те же садовые скульптуры — старая обшарпанная парочка с садовыми инструментами в руках. У мужчины была трещина в спине, и это с ним мой дедушка, папин папа, часто разговаривал перед смертью. Женщину он называл Милдред, а мужчину — Тристаном, и на это не было никакой особой причины, хотя у меня с детства их имена вызывали

смех. В общем, Милдред и Тристан постепенно стали членами нашей семьи. Очевидно, мама не хотела никуда их перевозить, вот Милдред с Тристаном и остались единственными обитателями нашего бывшего дома. Рядом с тем местом, где обычно сушилось белье, валялась красная прищепка, видно, оставшаяся тут после последней стирки.

Я вскарабкалась на крышу бассейна, где все еще лежала побитая ветром старая лестница. Это я положила ее туда во время одной из своих вечерних отлучек. Теперь бассейн был накрыт синим брезентом, а наши шесть шезлонгов с розовыми подушками стояли под окном, видимо, в ожидании меня и моих утренних заплывов. На одном из шезлонгов лежал спущенный спасательный круг. Я привезла его из Марбейи. Розовый фламинго. Мальчик, с которым я целовалась прошлым летом, Мануэль, подарил его мне, а я привезла его домой. Теперь фламинго лежал брошенный и никому не нужный. Символ забытого поцелуя.

Оказавшись на крыше бассейна, я по лестнице залезла на балкон моей спальни. Балконную дверь никто никогда не запирает. Она казалась слишком высокой и недоступной для взломщика. У меня уже немного кружилась голова, когда я наконец-то шагнула на балкон. На побережье было заметно холоднее. У моря своя погода. Ветер прогнал июльскую жару и принес с моря запах соли и водорослей. А я загляделась на пляж, вспоминая шестнадцать летних месяцев, когда все дни я проводила с мамой и папой, а ночи — с друзьями. Не знаю, сколько времени я простояла так, наблюдая за воображаемым семейством, которое выписывало свои имена на песке, за маленькой девочкой, которая закапывала своего папу в песок, пока не вспомнила об оставленном за воротами Маркусе.

Едва я открыла балконную дверь, от страха не осталось и следа. Я помчалась внутрь, надеясь, что код остался прежним. К счастью, так оно и было. Разве бывшие владельцы, если они в своем уме, будут врываться в ставший чужим дом?

Первая попытка оказалась неудачной, до того у меня дрожали пальцы, но я быстро вспомнила, что нужно делать, и выключила сирену. Сделав пару глубоких вдохов, подождала, когда звон утихнет в ушах, и нажала на кнопку, открывающую ворота, после чего побежала вниз и открыла парадную дверь. В ожидании Маркуса я побродила по дому, пробежала пальцами по всем вещам, которые оказались довольно пыльными. Потом услышала голос Маркуса у себя за спиной и эхо, повторившее его слова. В изумлении он присвистнул.

Я отправилась в кухню и мысленно увидела наши семейные обеды за столом, торопливые завтраки у стойки, рождественские обеды, шумные

вечеринки, дни рождения, встречи Нового года. Вспомнила наши стычки, мамы и папы, мои с папой. Вспомнила, как мы танцевали. Как на какой-то вечеринке я танцевала с папой все танцы подряд. Вспомнила папину шутку, довольно длинную историю, которую он рассказывал гостям и которую я не понимала, но очень любила слушать. Он оживлялся, ему нравилось привлекать к себе внимание в компании избранных друзей. От выпитого вина у него розовели щеки, голубые глаза сияли, однако свою историю он рассказывал, гладко и уверенно добираясь до финала в жажде увидеть, как все покатаются от хохота. Помню я и маму, собиравшую подруг на девичник, как они все лепились друг к дружке, эти элегантные дамы в непременно дорогих туфлях, все с тонкими лодыжками, загорелой кожей и ухоженными волосами.

Отвернувшись, я будто воочию увидела, как папа с сигарой в руке идет мимо меня и подмигивает, направляясь в ту единственную комнату, в которой мама разрешила ему курить. Я последовала за ним. Стала смотреть, как он входит и здоровается с приятелями. Все развеселились, когда папа открыл бутылку своего лучшего бренди, и расселись в ожидании приятной беседы или игры в снукер. Оглядывая пустые стены, я вспоминала папины фотографии. Его достижения, его звания, его спортивные трофеи, семейные фотографии. Я увидела себя, заплаканную, в свой первый школьный день, себя у него на плече в Диснейпарке, одетую в майку Микки-Мауса, с волосами, заплетенными в косички, с глупой улыбкой, открывавшей щербатый рот. Я пошла в другую комнату. Папа с друзьями на лыжах в Аспене. Еще одна фотография. На ней папа играет в гольф с самим Падрайгом Харрингтоном во время благотворительного турнира.

В комнате, где у нас прежде стоял телевизор, я увидела папу в его любимом кресле. Подогнув под себя ноги и обхватив их руками, мама сидела в противоположном углу, и они вместе хохотали над каким-то комедийным шоу. Потом он оглянулся на меня, и мы подмигнули друг другу. Папа встал с кресла, и я пошла за ним. Мы направились к парадному входу, миновали Маркуса, который не сводил с меня взгляда, потом папа прошел сквозь закрытую дверь своего кабинета. Он исчез. А я осталась, потому что не могла пойти за ним.

Скандал. Это был ужасный скандал. Я хлопнула дверью прямо перед его носом и побежала наверх. Надо было сказать, что я его люблю. Надо было извиниться и обнять его.

Не желаю тебя больше видеть! Ненавижу тебя!

«Тамара, вернись!» Его голос. Любимый голос моего любимого папы,

который я хотела бы услышать хотя бы еще один раз. Ах, папа, я здесь, я вернулась. Пожалуйста, выйди из кабинета.

А наутро я увидела его, моего красивого папу, моего замечательного папу, на полу. Этого не должно было случиться. Он должен был жить вечно. Он должен был вечно заботиться обо мне. Он должен был допрашивать моих друзей и вести меня к венцу. Он должен был ласково уговаривать маму, когда она не соглашалась со мной, и тайком подмигивать мне, когда она отворачивалась. Он должен был всю жизнь гордиться мною. А когда он стал бы старым, я заботилась бы о нем, я бы все сделала для него, чтобы отплатить ему за его любовь.

Это стало моей ошибкой. Мое поведение было ошибкой. Я постаралась бы его спасти, если бы знала как. Если бы я знала это, если бы я хорошо училась в школе, если бы я интересовалась чем-нибудь полезным, если бы я была лучше, чем та эгоистичная девчонка, тогда, наверное, я могла бы ему помочь. Говорят, я пришла к нему слишком поздно, что я ничего не могла изменить, но этого никто не может знать наверняка. Я — его дочь, и, возможно, я могла бы его спасти.

Комната, его комната, все еще пропитана его запахом. Его лосьоном, его сигарами, вином или бренди, его книгами и деревом. В этой комнате оставалась часть его жизни, включая испачканный рвотой ковер, на который я вылила красное вино вечером после похорон. А теперь я не могла в нее войти.

Услышав звяканье банок и шуршание пластикового пакета, я обернулась. За мной наблюдал Маркус.

— Красивый дом.

— Спасибо.

— Ты в норме?

Я кивнула.

— Наверно, странно быть здесь?

Я опять кивнула.

— Не очень-то ты разговорчива сегодня.

— Я привезла тебя сюда не для разговоров. Он внимательно посмотрел на меня. По его лицу я поняла, что наши желания совпадают. Скажи ему. Скажи ему.

— Тогда пойдем, и я покажу тебе лучшую комнату в этом доме, — с улыбкой позвала я Маркуса, после чего взяла его за руку и повела наверх.

Оказавшись снова в своей спальне, я легла на пол, на мягкий кремовый ковер, на котором прежде стояла моя огромная кровать с белым кожаным изголовьем. У меня кружилась голова от выпитого, да и вообще от всего,

что со мной происходило в последнее время. Я хотела забыть и сестру Игнатиус, и Уэсли, и Розалин, и доктора Гедада, и таинственную женщину в материнском доме Розалин.

Я хотела забыть и то, как пыталась вытащить свою слабую несчастную мать из постели. Я хотела забыть Килсани и всех тамошних жителей. Я не хотела знать, почему мы уехали из нашего дома и почему папа сделал то, что сделал. Я хотела вернуться в тот вечер, когда пришла к нему и мы с ним поскандалили. Я хотела все изменить.

И потом все изменилось.

Всё.

В последнее время, как я ни старалась поставить кости домино вертикально, они падали плашмя.

Глава восемнадцатая

Покойся в мире

Хотя два года назад наш дом в Киллини стоил ни много ни мало, как целых восемь миллионов евро, теперь он был выставлен на продажу за половину этой суммы. О прежней цене мне известно, потому что папа регулярно производил оценку нашего дома. И каждый раз, когда он это делал и получал новые данные о стоимости дома, он выносил из подвала своего восьмимиллионного дома бутылку «Шато-Латур» за шестьсот евро, чтобы распить ее со своей замечательной, красивой женой и замечательной, гормонально неуравновешенной дочерью подросткового возраста.

Я не ревновала к папиным успехам. Мне это не было свойственно, и не только потому, что его успех неизбежно оборачивался и нашим успехом — увы, его провал стал и нашим провалом, — но и потому, что ради успеха он много работал, буквально с раннего утра до поздней ночи и практически все уик-энды. Ему не было наплевать на свою работу, да и на благотворительность он обычно не скупился. Даже если он занимался благотворительностью при полном параде, перед камерами, на балу с высоко поднятой рукой, это совершенно не важно. Он давал деньги, и только это имеет значение. Ничего плохого нет в том, чтобы иметь дорогой дом, не вижу в этом ничего плохого. Наоборот, человек должен гордиться, построив красивое здание, заработав его тяжким трудом. Однако он не становился моложе и сильнее с каждым новым успехом, наоборот, они плохо отражались на его сердце. Его успех был как ведьма в сказке «Ганзель и Гретель»: питал его ради злого будущего, наращивал жир не там, где надо. Папа заслужил свой успех, но ему требовался мастеркласс в смирении. И мне, верно, тоже. До чего непохожей на всех я ощущала себя в серебристой «астон-мартин», на которой он иногда подвозил меня до школы. До чего же непохожей на всех я была теперь, когда кто-то уже купил ее задешево на аукционе изъятой собственности. Да уж, непохожей...

Причина, по которой я упомянула о стоимости дома, заключалась еще и в том, что даже половина цены, а, судя по скопившейся внутри пыли, она еще уменьшилась, была недоступна предполагаемым покупателям, и дом все еще оставался главной недвижимостью, с которой работали местные

агенты. Естественно, о них мне не было известно, так что стоило мне открыть дверь в спальню и отключить сигнализацию, как агент по продаже недвижимости получила автоматический звонок на свой телефон, мгновенно покинула свой тихий офис, прыгнула в машину и помчалась осматривать дом. Когда же я поднялась наверх, то не смотрела в сторону ворот и не слышала, как в полумиле от дома открываются ворота. Пока я предавалась душевным мукам, мне было не до открываемой входной двери и чьих-то шагов внизу.

Зато агент слышала нас.

И вскоре в дом нагрянули охранники. Им надо было одолеть три лестничных пролета — и хотя мы уже не занимались тем, чем занимались до этого на полу в моей спальне, все же еще не успели как следует прикрыть наготу, когда увидели перед собой полицейского Фицгиббона, толстяка из Коннемары с багровым (багровее, чем у меня) лицом. С ним я и мои друзья регулярно встречались на пляже. Хуже повода для возобновления знакомства трудно было придумать.

— Мисс Гудвин, даю вам минуту, чтобы вы привели себя в порядок, — сказал он, мгновенно отворачиваясь.

Двадцатидвухлетний Маркус, приглашенный в непроданный дом восемнадцатилетней девицы, не был особенно смущен, скорее его развлекал разыгрывавшийся на его глазах спектакль. Ему даже в голову не приходило, что девице, с которой он только что переспал, не хватало нескольких недель до семнадцатого дня рождения, поэтому ей было запрещено не только пиво, но и то, чем он с ней занимался на ковре. Одеваясь, Маркус то и дело посматривал на меня и пофыркивал. Я же паниковала так, что сердце гроыхало у меня в груди, мешая думать, к тому же меня тошнило, и я боялась, как бы меня не вырвало там же, на виду у всех.

— Веселей, Тамара, — самоуверенно произнес Маркус. — Они ничего нам не сделают. Это же твой дом.

Только тогда я посмотрела на него, ненавидя себя сильнее, чем, по моему предположению, он должен был возненавидеть меня.

— Маркус, это не мой дом, — прошептала я, едва ворочая непослушным языком.

— Ну, твоих родителей... — улыбнулся он, натягивая джинсы.

— Банк отобрал его у нас, — произнесла я, сидя на полу, уже одетая, но совершенно выбитая из колеи. — Он больше не наш.

— Что?

Гигантское домино упало плашмя. Я почувствовала, как заходил пол,

когда оно упало, словно свалился гигантский небоскреб.

— Прости, — сказала я и заплакала. И тут слова, которые слишком долго не сходили с моего языка, были озвучены, увы, не в том месте и, уж точно, не в то время. — Мне шестнадцать лет, — в ужасе произнесла я.

К счастью, стоявший у двери полицейский Фицгиббон слышал все, что я сказала. По крайней мере, он поверил, что Маркус ничего не знал, тем не менее Маркусу еще предстояло доказать это в суде. И еще он встал между нами, когда Маркус в гневе бросился ко мне, не собираясь меня бить, но крича на меня так свирепо, что мне было бы легче, если бы он обзывал меня по-всякому, но он просто кричал, и я поняла, что разрушила его жизнь. Какое бы соглашение он ни заключил со своим отцом, взяв на себя работу в передвижной библиотеке, оно, скорее всего, было его последним шансом. Мы ни разу не говорили об этом, но я с первого взгляда узнаю человека, получившего последний шанс. Каждый день я вижу такого человека в зеркале.

Нас привезли в полицейский участок. Мы прошли через унижительный допрос по всем пунктам «обвинения». Я-то надеялась, что после первого в своей жизни секса опишу все лакомые и нескромные подробности в дневнике, а не в полицейском участке. Тамара Гудвин. Проклятая Тамара, у которой все и всегда вверх дном.

Пришлось Розалин и Артуру ехать в Дублин и забирать меня из участка. Как только отыскали отца Маркуса, тот послал за ним машину. Я все время пыталась извиниться перед Маркусом, отчаянно плакала, рвалась к нему, чтобы он остановился и выслушал меня, но он не стал меня слушать. Он даже ни разу не посмотрел в мою сторону.

Пока Артур оставался в машине, Розалин беседовала с полицейскими, второй раз за день ввергнув меня в замешательство. Ее как будто гораздо больше беспокоило, как происшедшее отразится на Маркусе. Полицейские сказали ей, что максимальным наказанием для него за «совокупление с ребенком», не достигшим семнадцати лет, могут быть два года тюремного заключения. Я разрыдалась. Розалин казалась расстроенной не меньше моего. Не знаю, было это потому, что я опозорила их имя даже хуже, чем папа своим самоубийством, или потому, что ей в самом деле понравился Маркус. Она задавала один вопрос о Маркусе за другим, пока полицейский Фицгиббон не успокоил ее, сообщив, что Маркус понятия не имел, сколько мне лет, и если сможет доказать это в суде, то все обойдется. Для Розалин этого оказалось достаточно, но не для меня. Сколько времени протянется процесс? Сколько будет судебных заседаний? Сколько унижения он испытает? Я сломала его жизнь.

Со мной Розалин не перемолвилась ни словом, она даже как будто ни разу не поглядела в мою сторону. Потом, коротко сообщив, что Артур ждет в машине, она покинула полицейский участок. Через некоторое время я последовала за ней. Когда я села в машину, там чувствовалось непривычное напряжение, словно Артур и Розалин только что не на шутку поскандалили. Я была уверена, что стала виновницей их скандала. Никогда еще я не чувствовала себя такой расстроенной, униженной, подавленной. От стыда я не могла поднять глаза на Артура. Не сказав мне ни слова, когда я открыла дверцу и залезла внутрь, он включил зажигание, и мы двинулись обратно в Килсани. Я ощутила облегчение, потому что удалялась от того места, где мне было и хорошо, и плохо, физически удалялась от всего того, что произошло. Наконец-то я окончательно перерезала пуповину, незримо привязывавшую меня к моему прежнему дому. Может быть, мне этого и надо было.

Всю дорогу до дома я проплакала, до того была сбита с толку, разочарована, обозлена. И во всех грехах я винила только себя. В голове у меня шумело, едва мужской голос из радио достигал моего слуха и подбирался ближе и ближе к моим мозгам, словно пиво оставило там свою визитную карточку. Прошло минут тридцать, когда Артур остановил машину около магазина.

— Зачем это? — спросила Розалин.

— Купи, пожалуйста, пару бутылок воды и какие-нибудь таблетки от головной боли, — как ни в чем не бывало, произнес Артур.

— Что? Я?

Последовала долгая пауза.

— Что с тобой? — спросила Розалин в конце концов.

— Роза, — только и сказал Артур.

Никогда еще я не слышала, чтобы он так называл ее. Мне показалось это знакомым — где-то я это видела или слышала, — но соображать почти не могла. Розалин поглядела на меня, потом на Артура, как будто отчаянно боялась оставить нас наедине. Я напрягла мозги. Розалин вылезла из машины и бегом помчалась в магазин.

— Как ты? — спросил Артур, глядя на меня в зеркало.

— Ничего, спасибо. — Слезы ручьями полились у меня по щекам. — Артур, я виновата. Мне очень стыдно.

— Тебе нечего стыдиться, детка, — ласково произнес он. — Это со всеми случается в молодости. Пройдет. — Он едва заметно улыбнулся. — Во всяком случае, если все обойдется.

И он посмотрел на меня долгим отцовским взглядом, в котором я

прочитала беспокойство за себя.

— Да, я в порядке, спасибо. — Я стала рыться в карманах. — Мы не... Он был... Я не знала, что делать.

И я смущенно кашлянула, завидев Розалин в конце длинной очереди. Она нервничала, выглядывала в окно, высматривала нас.

— Артур, мамина депрессия давно началась?

— Какая такая депрессия? — переспросил он, поворачиваясь ко мне.

— Вы должны знать, мамина депрессия, о которой Розалин рассказала сегодня утром доктору Гедаду.

— Тамара. — Он внимательно поглядел на меня и все понял. Потом поглядел в сторону магазина. Перед Розалин стояли еще три человека. — Расскажи все по порядку.

— Я договорилась с доктором Гедадом, что он сегодня утром посмотрит маму. Артур, ей нужна помощь. Ей нехорошо.

Кажется, он очень встревожился.

— Но ведь она днем выходит из дома, совершает прогулки, дышит свежим воздухом.

— Что? — Я покачала головой. — Артур, она ни разу не вышла из дома с тех пор, как мы приехали к вам.

У него затвердел подбородок, и он коротко взглянул — отличная победа, полная победа — на Розалин, застрявшую в магазине.

— Что сказал доктор Гедад после того, как поговорил с ней?

— Он даже не поднялся на второй этаж. Розалин сказала ему, что мама много лет страдает депрессиями и папа знал об этом, но не захотел ставить меня в известность, и... — Я опять заплакала, не в силах закончить фразу. — Но это все неправда. Его нет, и он не может защитить себя, он не в состоянии... Все это ложь. Хотя, видно, не мне об этом говорить.

И я шмыгнула носом.

— Успокойся, Тамара. Розалин всего лишь пытается позаботиться о ней как умеет, — очень тихо, почти шепотом проговорил Артур, верно, чтобы она не услышала его из магазина. В очереди перед ней оставался один человек.

— Знаю, Артур, но ведь она может быть права. Я только это и хочу сказать. Не знаю, что произошло между ними много лет назад, но если что-то было — какая-нибудь малость — и мама обидела Розалин или причинила ей боль, как вы думаете, это не может быть?..

— Не может быть чем?

— Способом отплатить ей? Если мама сделала что-то плохое, солгала например?..

Открылась дверца, и мы оба подскочили от неожиданности.

— Фу ты, я не привидение, — обиженно сказала Розалин, усаживаясь рядом с Артуром. — Вот...

И она положила ему на колени сумку с бутылками.

Тут он смерил ее долгим ледяным взглядом, от которого мне стало не по себе и захотелось отвернуться. Когда он передал сумку мне, Розалин как будто удивилась.

— Возьми. Вероятно, поможет, — произнес он и включил зажигание. Прошел час. Ни один из нас не произнес ни слова.

Когда мы подъехали к дому, небо заволокло тучами, из-за которых на землю опустились сумерки. Явно похолодало, и, похоже, собирался дождь. Ветер немного остужал мой горячий лоб. Пару раз я сделала глубокий вдох, прежде чем войти в дом и подняться наверх.

— Ты знаешь, что какое-то время тебе нельзя выходить из дома? — спросила Розалин. Я кивнула.

— Кое-что надо будет сделать, — добавила она.

— Конечно, — тихо произнесла я.

Артур стоял рядом и слушал.

— Оставайся поблизости, когда будешь выходить, — вставил он, и мне показалось, будто ему потребовалось много сил, чтобы это проговорить.

Удивившись, что Артур встрял в нашу беседу, Розалин недовольно посмотрела на него. Он отвел взгляд. Очевидно, в ее планы входило держать меня в доме, чтобы я не натворила еще чего-нибудь. А Артур повел себя не так строго.

— Спасибо, — сказала я и отправилась наверх.

Мама спала в кровати. Я устроилась рядышком и крепко-крепко обняла ее, вдыхая запах недавно вымытых волос.

Насколько я слышала по голосам Розалин и Артура, доносившимся из гостиной, внизу назревала буря. Поначалу они довольно мирно разговаривали, а потом начали кричать и кричали все громче и громче. Несколько раз Розалин пыталась успокоить Артура, но он не переставал кричать, и она сдалась. Мне не было слышно, о чем они спорили. Да я и не пыталась подслушать. Больше мне не хотелось совать свой нос в то, что меня не касалось. Лишь бы мама выздоровела, и если Артур повышает голос ради этого, пусть повышает. Зажмурившись, я думала только об одном — хорошо бы этого дня не было вовсе. Почему дневник меня не предупредил?

Скандал в гостиной быстро разгорался. Не в силах это выносить, я решила уйти и дать возможность Розалин и Артуру поговорить без

свидетелей. Мне было противно думать, что это я внесла раздор в их дом. До нашего появления они оба наслаждались своей жизнью и ее маленькими радостями. Несомненно, что из-за моего присутствия их безмятежному существованию наступил конец, их отношения дали трещину, которая все расширялась и расширялась с каждым днем. Как только в гостиной воцарилось молчание, я постучала в дверь, и Артур ответил, чтобы я вошла.

— Прошу прощения, что помешала, — едва слышно произнесла я, — но мне хочется немного погулять, чтобы прочистить голову. В пределах дозволенного. Можно?

Артур кивнул. Розалин стояла ко мне спиной, и я видела, как пальцы на ее висевших по бокам руках сжались в кулаки. Побыстрее закрыв дверь, я бросилась прочь. Еще час или около того оставался до темноты, так что у меня было достаточно времени и для прогулки, и для прояснения в голове. Мне хотелось пойти в замок, но я слышала смех и говор друзей Уэсли, уже собравшихся там. Желание видеть их я не испытывала, мне вообще никого не хотелось видеть. Тогда я повернула в прямо противоположном направлении и направилась к сестре Игнатиус, хотя и знала, что не буду ее искать ни в саду, ни в доме. Бродить где попало в сумерках мне тоже было не по вкусу, и я осталась на тропинке, по которой шагала с опущенной головой, пока не оказалась перед готическими воротами, запертыми на цепь и оставленными гнить.

Только заведя часовню, я поняла, что боялась дышать. С моего места был виден дом сестры Игнатиус, который словно звал меня зайти внутрь часовни. В ней могло поместиться от силы человек десять. Половина крыши осела, но, к счастью, ее охраняла густая крона дуба. Неудивительно, что сестра Игнатиус так любила эту часовню. Вид у нее был необычный. Никаких скамеек. Тут я сообразила, что ее, видно, подготовили для какого-то приближающегося праздника. Над алтарем на каменной стене висел простой, но большой деревянный крест. Интересно, не сама ли сестра Игнатиус вешала его сюда? Кроме этого в часовне стояла лишь очень большая — настоящая большая удача — мраморная купель, вся в трещинах по краю, но еще вполне крепкая и намертво привинченная к бетонному полу. В ней нашли приют пауки и было много пыли, однако я представила, как поколение за поколением жители Килсани собирались здесь, чтобы крестить своих детей. Деревянная дверь вела на маленькое кладбище, но я решила не пересекать часовню, а вернуться к главному входу. Из-за ворот, охранявших кладбище, я попыталась прочесть над пирами на памятниках, хотя многие из них оказались скрыты под мхом и разрушены временем. В

огромном склепе покоилось целое семейство: Эдвард Килсани, его жена Виктория, их сыновья Питер, Уильям, Артур и их дочь с именем, начинающимся на Б. Остальное для несчастной души, чье имя начиналось на Б., исчезло со временем. Не исключено, что ее звали Беатрис или Берилл, Бьянка или Барбара. Я попыталась восстановить справедливость. Потом мне на глаза попала надпись, предназначенная Флори Килсани: «Прощай, мы сожалеем о нашей потере». Роберт Килсани умер одного года от роду, двадцать шестого сентября 1832 года; его мать Розмари последовала за ним через десять дней. Хелен Фицпатрик умерла в 1882 году, и ее родные написали: «Муж и дети с нежностью помнят тебя». Кое-где были только имена и даты, и эти могилы казались мне еще таинственнее. Например, Грейс и Чарльз Килсани. 1850–1862. Всего двенадцать лет они прожили на свете, родившись и умерев в один день. Почему? Что с ними случилось?

Каждое надгробие, незасыпанное и нерасколотое, носило на себе определенные символы. На некоторых были арки, на других голуби, на третьих стрелы или птицы, какие-нибудь страшные на вид животные. Мне эти символы были непонятны, и я пожалела, что ничего о них не знаю. Тогда мне пришло в голову, что надо расспросить сестру Игнатиус, когда я пойму, что могу с ней встретиться. Я вновь перечитала надписи, уже не ощущая страха, который испытала, увидев их в первый раз. Наверное, я все-таки немного повзрослела. Большой крест поднимался высоко в небо, неся на себе все новые и новые имена по мере того, как семьи уходили в другой мир, и их имена, а также посмертные надписи становились более разборчивыми. Последние надписи находились в самом низу, и когда я вгляделась в них, то не поверила, что с самого начала не обратила на них внимания. Под крестом лежал большой камень, на котором тоже были высечены имена. На земле перед ним кто-то положил цветы — живые цветы, — перевязанные длинной травинкой. Я залезла на ограду, чтобы разглядеть надпись. «Лоренс Килсани. 1967–1992. Покойся с миром».

Прошли семнадцать лет. Наверное, он погиб во время пожара в замке. Ему было всего двадцать пять лет. До чего же грустно! Хотя я не знала Лоренса и не знала никого из его семьи, у меня все равно полились из глаз слезы. Тогда я сорвала несколько полевых цветков, скрепила их снятой с волос резинкой и вопреки здравому смыслу, перелезла через ограду. Я положила цветы на могилу и потянулась, чтобы прикоснуться к надгробию, но едва прикоснулась, как услышала за спиной странный звук — щелк. Волосы у меня встали дыбом. Я мгновенно развернулась, ожидая оказаться лицом к лицу с чужаком, так близко к своей шее я чувствовала его дыхание,

посмотрела направо-налево и, сбита с толку, никого не увидела. Деревья, деревья и опять деревья, куда ни посмотри. Пришлось сказать себе, что это было привидение, так как я стояла посреди старинного кладбища в окружении могил, ставших последним местом упокоения многих поколений здешних жителей, которые целыми семьями вымирали во время нашествия чумы, во время войны, от мучений, на пожарах и, что естественнее, от старости. Как бы я ни пыталась успокоить себя, все равно знала, что кто-то стоял со мной рядом, в этом я не усомнилась ни на мгновение. Потом услышала треск ветки и посмотрела в ту сторону.

— Сестра Игнатиус, это вы? — дрожащим голосом позвала я. Ответом мне было эхо. Я увидела, как сгибаются деревья, услышала удаляющийся шорох листьев, словно кто-то прокладывал себе дорогу между деревьями, убегая от меня.

— Уэсли! — вновь позвала я дрожащим голосом, и вновь ответом мне было такое же дрожащее эхо.

Кто бы это ни был, уходил он в спешке. Изо всех сил удерживая слезы, я перелезла через ограду и, дрожа всем телом, торопливо пошла прочь, словно продираясь сквозь гигантскую паутину.

На обратном пути я все время оглядывалась, боясь преследования. К тому времени, когда я вернулась в дом у ворот, уже сгустились сумерки. Розалин сидела в гостиной и вязала. Негромко работал телевизор. Лицо у нее было измученное после нешуточного скандала с мужем. Артур ушел в гараж и сердито грохотал там своими железками. От моего любопытства не осталось и следа. Мной завладело равнодушие. Сначала я гонялась за тайной, а теперь тайна преследовала меня. И я испугалась. Мне просто хотелось, чтобы мама поскорее оправилась от своего горя, чтобы ей стало лучше и мы могли куда-нибудь уехать из Килсани, где ее мучили призраки прошлого, того прошлого, которое, хоть и не имело со мной ничего общего, притягивало меня к себе.

Глава девятнадцатая

Чистилище

Следующие две недели я провела дома, спускаясь вниз к завтраку, ланчу и чаю и занимаясь домашней работой, которую Розалин выбирала для меня в качестве подходящего, по ее мнению, наказания — например, пылесосить гостиную, полировать медь, переставлять книги на полках и протирать на них пыль, смотреть, как она управляет в огороде, и одновременно выслушивать многословные пояснения. Полагаю, она всем этим наслаждалась, жизнерадостно что-то лепеча, словно я младенец и в первый раз слышу то, что она говорит. И еще полагаю, что она таким образом, словно вампир, набиралась жизненных сил, истощая находящихся вокруг нее людей. Чем мы больше истощались, тем сильнее она становилась. У меня не хватало сил даже на то, чтобы почитать дневник. Как будто мне на все стало наплевать. И с каждым днем становилось все очевиднее, что из маминой комнаты исходит больше энергии, чем из моей. Чем больше я теряла энергии, тем больше она ее обретала. Я слышала, как она расхаживает по комнате, напоминая запертую в клетке львицу.

И еще я взбунтовалась против дневника. В первую очередь это была его вина, что я оказалась в таком положении, в каком оказалась. Ведь все решения, которые я принимала до определенного момента, были подсказаны мне дневником, однако к прежней зависимости от него я не желала возвращаться. У меня появилось желание самой распоряжаться своими поступками. Я хотела лежать в постели и не думать о том, что жизнь проходит мимо, как это было прежде.

Каждый день я ждала, что приедет Маркус. Но он не приехал.

Зато каждый день приезжала сестра Игнатиус. Однако я была до того подавлена, что наотрез отказывалась выйти к ней. Уверена, она знала, что произошло; уверена, об этом знал весь город. Трудно начинать заново с такой тяжелой ношей. Мне не требовались лекции. Не требовались суровые взгляды. Мне было жаль, что не пришлось вместе с сестрой Игнатиус вынимать мед из ульев, а ведь я обещала, и еще обещала помочь ей на рынке. Тем не менее она заходила к нам каждый день. Мне следовало помочь ей, а вместо этого я пряталась от нее в своей спальне и даже укрывалась одеялом в ужасе от одной мысли о том, что я наделала. Артур сделал несколько попыток повидаться с мамой. Он дождался, когда Розалин

отправилась на огород, и постучал в мамину дверь. Если он думал, что она позовет его, пригласит в комнату, то этого не случилось. Прождав пару минут, он ушел.

Однажды вечером Артур и Розалин вновь поругались. Я слышала, как Артур сказал: «Больше не могу». С этими словами он помчался в мамину спальню и оставался там минут пятнадцать, пока Розалин подслушивала под дверью. Мне не удалось узнать, о чем они говорили.

По воскресеньям я все дни проводила в постели. Конечно, мне было слышно, как гудела машина сестер, которые звали меня к себе, но я оставалась неподвижной. Я даже не поворачивалась к окну. Мне хотелось от всех спрятаться. Может быть, мне следовало как-то связаться с Маркусом, например написать ему письмо? Но что я могла написать? Конечно же я сожалела о том, что подставила его, но этого вряд ли было достаточно.

В один прекрасный день прикатил мебельный фургон с вещами, которые оставались на складе, принадлежавшем мужу Барбары. Я видела, как их переносили в гараж, но совсем ничего не ощущала. Эти вещи больше мне не принадлежали. Они принадлежали девочке, которая жила в дублинском доме. Но та девочка осталась в прошлом. Теперь я сама не знала, кто я такая. И я опять заснула. Меня разбудил звонок в дверь. В очередной раз пришла сестра Игнатиус. Она выказала необычную настойчивость. Поначалу мне казалось, будто она старается быть дружелюбной, потом она перестала скрывать озабоченность, но в тот день она как будто взбесилась. Из спальни я слышала ее голос. Какое-то время я не могла разобрать слов, но потом сестра Игнатиус едва не разоралась.

— Ты долго собираешься (неразборчиво неразборчиво) врать ей, чтобы она считала себя виноватой, а бедный мальчик (неразборчиво неразборчиво)?..

Несколько неразборчивых слов.

— Скажи ей, чтобы она пришла ко мне! Неразборчиво, неразборчиво. Дверь захлопнулась. Я выглянула в окно, стараясь держать голову поближе к подоконнику и не показываться наружу, и увидела, как сестра Игнатиус в цветастой юбке и кофте, опустив голову, идет прочь. У меня упало сердце от жалости к ней, но в то же время, как ни странно, мне стало немного легче. Она сказала Розалин, что я не должна чувствовать себя виноватой. Может быть, она всетаки простила меня? При одной мысли об этом я воспряла духом. Она подала мне надежду, заставила думать, что я переигрываю, тогда как на самом деле должна извлечь урок из происшедшего и жить дальше.

Ночью мне не спалось, то есть я не могла ни на минуту уснуть. Намучившись вволю, я достала изпод половицы дневник и стала ждать, когда в нем появятся слова и фразы, в надежде, что, игнорируя его, я не потеряла его насовсем. Когда же слова наконец появились, я села на кровать и стала читать.

22 июля, среда Сегодня позвонила Маркусу. Нашла его имя в телефонной книге. В Мете не так уж много Сэндхёрстов. Оказалось, что его отец знаменитый юрист и у него большая фирма в Дублине. Неужели мой звонок мог прибавить Маркусу неприятностей? Я ждала, что сначала мне придется говорить с его родителями, но на звонок ответил женский голос, звучавший вполне официально, и потом меня сразу соединили с Маркусом. Едва он узнал меня, как пришлось просить, чтобы он не бросал трубку. Убедив его не делать этого, я не знала, что еще сказать. Поэтому я просила и просила прощения, пока он не остановил меня. Он сказал, что все обвинения сняты. Почему же меня не поставили в известность?

Не поставили.

Я спросила о том, как его папа сумел этого добиться, и он не мог поверить, что я спрашиваю об этом. Он сказал, что у меня намного больше проблем, нежели он думал, если я ничего не знаю. Потом он пожелал мне всего хорошего и положил трубку.

Какого черта он имел в виду? Чего я не знаю?

На другой день я позвонила Маркусу, нервничая гораздо меньше, так как знала, что не нарвусь на его отца. Все прошло как по-написанному, разве что я не стала спрашивать, как его папа добился снятия обвинений. Всю ночь я только об этом и думала, но ничего не надумала. Ответа я все равно не получу. Просто он бросит трубку.

23 июля, четверг Прежде чем отправиться в постель, я довольно много времени провела с мамой. Она что-то напевала себе под нос. Не знаю, что это было, но мама улыбалась. Я сказала, что у меня кое-что есть для нее, и вынула из кармана стеклянную слезинку, которую положила на столик около кровати. Едва завидев ее, мама умолкла. Она легла на кровать и повернулась к стекляшке лицом, чтобы не упускать ее из виду. И долго не сводила с нее взгляда.

— Прелесть, правда? — спросила я.

Мама перевела на меня взгляд, холодный взгляд, так что я инстинктивно отпрянула, а потом вновь стала смотреть на стеклянную слезинку. Мне показалось, будто ей обидно из-за нее, и протянула руку, желая забрать стекляшку. И мгновенно ощутила прикосновение маминых пальцев. Ей не обидно присутствие стекляшки, с изумлением поняла я, и

оставила безделушку у мамы.

Ночью, когда я уже крепко спала и видела во сне свидание с Маркусом в тюрьме, чья-то рука легла мне на плечо. Так как в моем сне действие происходило в тюрьме, то я решила, что это рука охранника, однако, мгновенно очнувшись, я увидела рядом со своим лицом мамино лицо, и ее нос почти касался моего носа. Мне удалось подавить рвавшийся с языка крик.

— Где ты взяла ее? — прошептала она мне на ухо.

Так как я еще не совсем проснулась, то не сообразила, о чем она говорит. Это могли быть и книжка-дневник, спрятанная под половицей, и пачка сигарет, лежавшая в шкафу.

— Слезинка, — прошептала она с неожиданной настойчивостью.

Если честно, то я испугалась. Мне показалось, что я опять, пусть с опозданием, попала в беду из-за визита к матери Розалин. Так как я еще не совсем проснулась, о чем уже было сказано, то очень испугалась маминого прихода в мою комнату — да еще с расспросами — посреди ночи. Время от времени до меня доносился скрип пружин на кровати Артура и Розалин, а я словно окаменела от непонятного ужаса. И, что было, то было, я солгала. Сказала маме, что нашла стекляшку за домом, что она мне понравилась и я взяла ее себе.

Еще когда я говорила это, мне стало понятно, что изменилось в маме, помимо ее желания задавать вопросы. В ее глазах зажегся свет, и она снова стала прежней мамой, которой мне очень не хватало. Однако этот свет я запомнила лишь по одной причине: он погас, едва до мамы дошел смысл моего вранья. Вновь ее глаза сделались тусклыми, пустыми, безжизненными. Это я убила то волнение, которое вернуло ее к жизни. Я плеснула водой на огонь. Потом мама бесшумно оставила мою комнату и вернулась к себе.

Открылась дверь в комнате Розалин. В коридоре послышались шаги. Розалин заглянула ко мне. Длинная ночная рубашка буквально сияла белизной в лунном свете. Несколько минут она допрашивала меня насчет открывавшейся и закрывавшейся двери, но я все отрицала. Потом она долго, не произнося ни слова, смотрела на меня, словно пытаясь решить, говорю я правду или лгу, кивнула и закрыла дверь. Я вновь услышала, как заскрипели пружины, после чего в доме воцарилась тишина.

Однако теперь мне стало не до сна. Я думала и думала о том, правильно ли я сделала, что солгала маме, или неправильно. К тому времени когда первые лучи солнца осветили мою спальню, я поняла, что допустила ошибку. Надо немедленно сказать ей правду.

До завтра, дневник.

Прочитав запись, я решила, что у меня впереди целый день и мне хватит времени продумать, что и как сказать маме. Весь день я нервничала, наблюдая за молчавшей мамой и зная, что скоро чары рассеются. И старалась вспомнить слово за словом последнюю дневниковую запись. Мне не хотелось ошибиться. Мне хотелось сказать и сделать все в точности так, как я написала, чтобы получить желаемый результат. Пусть мама придет ко мне ночью. И тогда я скажу ей правду о стеклянной слезинке. Наконец день подошел к концу.

После обеда я отправилась к маме в спальню. Она лежала в постели, изучая потолок и тихонько напевая себе под нос.

— У меня кое-что есть для тебя, — проговорила я до того тихо, что мама вряд ли расслышала. — У меня кое-что есть для тебя, — повторила я немного громче.

Под мамино пение я достала из кармана стекляшку, которая успела нагреться, взяв тепло у моего тела. Я положила ее на столик, стоявший возле кровати. Заслышав легкое постукивание, мама, не повернув головы, обратила взгляд в сторону моей добычи. Когда же ее взгляд остановился на стеклянной слезинке, она перестала напевать и теребить свои волосы.

— Правда, симпатичная? — спросила я.

Мама поглядела на меня, и я заметила, как загорелись у нее глаза. После этого она опять стала смотреть на стекляшку. Не желая этого, но, зная, что надо следовать дневниковой записи, я потянулась за слезинкой, но мама мгновенно перехватила мою руку и не позволила забрать ее.

— Нет, — твердо произнесла она.

— Ладно, — с улыбкой согласилась я. — Ладно.

Я сидела в постели, не в силах заснуть, так как знала, что случится в скором времени. Я прочитала об этом в дневнике, но не была уверена, что все пойдет по-написанному. Вероятно, мамин приход изменит будущее Тамары-Из-Завтрашнего-Дня.

24 июля, пятница Счастливого дня рождения мне. Семнадцать. Утром я все же решила встать с кровати, и Розалин, завидев меня, удивилась. Думаю, мое появление в кухне чуть не довело Розалин, находившуюся в кладовке, до сердечного приступа. Мне показалось, что она в чем-то винит себя, это было заметно и по выражению ее лица, и по тому, как она шарилла рукой в кармане передника. Наверное, она забеспокоилась о пироге. Впрочем, откуда мне знать?..

Неловко обняв и поцеловав меня, Розалин танцующей походкой удалилась наверх с маминым подносом, чтобы принести из своей спальни

подарок для меня. Вернулась она с чем-то, идеально упакованным в розовую бумагу с бело-розовой ленточкой. Это была корзинка с набором «Строберри» для ванной: мылом, гелем, шампунем. Розалин тяжело дышала мне в затылок, пока я разворачивала бумагу, она нависала надо мной с нервной улыбкой, не зная, понравится мне подарок или не понравится. Я заверила ее, что подарок мне понравился. Я сказала, что это идеальный подарок, и ничуть не соврала. Не похоже на меня. На прошлый день рождения, когда мне исполнилось шестнадцать лет, я получила сумку от «Луи Вюиттона» и туфли от «Джины»^[60], а в этом году всего лишь набор для ванной комнаты, однако, как ни странно, я была более благодарна за набор, так как он в самом деле был мне нужен. Шампунь у меня закончился, а сумки от «Луи Вюиттон» не пользовались популярностью у рыжих белок.

Потом Розалин произнесла нечто невероятное: «Я увидела его, не поверите, в прошлом месяце, подумала-подумала и сказала Артуру: „На нем везде Тамарино имя“. И спрятала набор в гараже, так что очень боялась, как бы его кто не нашел». И она беспокойно хихикнула.

Я буквально похолодела от этих слов. Розалин была намного умнее, чем я думала. У нее не было причин запрещать мне посещения гаража или устройство там склада для наших с мамой вещей, а теперь, оказывается, она прятала там подарок. Или она была умнее, чем я думала, или я была глупее, чем она думала. В результате мне еще сильнее захотелось исследовать таинственный гараж.

Мама опять проспала весь день. Мне позвонили Зои и Лаура. Но я попросила Розалин сказать, что меня нет дома.

Пришла сестра Игнатиус и принесла подарок. Розалин предложила, мол, сама передаст его мне, однако сестра Игнатиус не отдала ей подарок. Чем дольше я избегала ее, тем тошнее становилось у меня на душе. И теперь у меня скопилось много такого, за что надо было извиняться. Наверное, она была мне лучшим другом за всю мою жизнь, а я прячусь от нее и от всего мира. Не могу никого видеть.

После обеда Розалин принесла из кладовки шоколадный торт со свечками и запела: «С днем рождения!» Скорее всего, утром, когда я застала ее в кладовке, она как раз занималась тортом. Слишком поздно осматривать карман на переднике.

До завтра.

Должна признаться, последние пару недель я совсем не вспоминала о своем дне рождения, слишком меня одолевали тяжелые размышления о бедном Маркусе. Если бы мы немножко подождали. Если бы я сказала ему.

Я не думала о празднике, каким он будет теперь и каким он мог быть в прошлой жизни и какие подарки в прошлой жизни я получала бы весь день, как только открыла бы глаза и до той минуты, как закрыла бы их. Однако, прочитав последние записи в дневнике, я была сама не своя. Я очень волновалась.

Это было похоже на то, как будто я провела последние дни, блуждая в тумане, в котором не могла видеть даже собственного носа. В моих мыслях воцарилась полная сумятица, и я ни на чем не могла сосредоточиться и ничем не могла отвлечься. Однако, как мне казалось, конец моим блужданиям близок, потому что я сидела на кровати в состоянии боевой готовности, у меня громко билось сердце, и я задыхалась, словно пробежала несколько миль. Мне было необходимо выяснить, чем занималась Розалин или будет заниматься в кладовке следующим утром.

Пока я придумывала план действий, мама открыла дверь своей спальни. Пришлось нырнуть под одеяло и закрыть глаза. Мою дверь мама закрыла с превеликими предосторожностями, словно понимала, что не должна нарушать тишину. Она села на край моей кровати, и я стала ждать, когда ее ладонь ляжет мне на плечо. Наконец-то. Она настойчиво потрясла меня.

Я открыла глаза, совсем не испытывая страха, о котором писала, и оказавшись абсолютно готовой к происходящему.

— Где ты взяла ее? — шепотом спросила она, приблизив лицо к моему лицу. Я села в постели.

— Напротив, через дорогу. За бунгало, — прошептала я в ответ.

— За домом Розалин, — едва слышно проговорила мама и тотчас перевела взгляд на окно. — Свет, — сказала она, и я заметила луч фонарика, шарившего по стене, где было окно моей спальни. Удивительно, как шелестели листьями деревья, раскачивающиеся из стороны в сторону в лунной дорожке, отчего в моей комнате то светлело, то темнело. Однако дело было не в деревьях и не в луне, потому что луч сверкал ярко, как стекло, как дорожка из стеклянных призм. Он остановился на бледном лице мамы и словно поймал ее в ловушку, очаровал своим прикосновением. Не медля ни секунды, я выглянула наружу и посмотрела на бунгало. Выставленное в переднем окне, стеклянное сооружение ловило лунный свет и посылало лучи в нашу сторону, напоминая маяк.

— Там их сотни, — прошептала я. — Мне нельзя туда ходить, просто я... она... — Мы обе посмотрели на стену, услышав скрип пружин на кровати Розалин и Артура. — Она вела себя слишком таинственно. Мне же хотелось поздороваться с ее мамой, и это всё. Пару недель назад я принесла

ей завтрак и увидела незнакомого человека в сарае за домом. Но это не ее мама.

— А кто?

— Не знаю. Какая-то женщина. Старая женщина с длинными волосами. Она там работала. Наверно, сама выдувала стекло. Думаешь, у нее есть разрешение? Она делала это законно? — Я посмотрела на стеклянную каплю, лежавшую у мамы на ладони. — Их там сотни. Они висят на веревках. Я тебе покажу. Когда я вернулась, чтобы забрать поднос, кто-то выставил его наружу. И на нем лежала стекляшка.

Теперь мы обе смотрели на стеклянную слезинку.

— Что это значит? — прервала я молчание.

— Она знает? — спросила мама, не ответив на мой вопрос.

Я поняла, что, сказав «она», мама имела в виду Розалин.

— Нет. Что происходит?

Мама прищурилась и закрыла глаза руками. Потом стала яростно тереть их, после чего, оставив глаза в покое, принялась за голову, словно пытаюсь проснуться.

— Извини, волосы мешают. Никак не могу... проснуться, — сказала мама, снова начав тереть глаза. Когда она вновь внимательно посмотрела на меня, глаза у нее сияли. Она наклонилась и поцеловала меня в лоб. — Малышка, я люблю тебя. Прости.

— За что «прости»?

Но мама уже встала и, выйдя из комнаты, бесшумно закрыла за собой дверь. Когда я опять поглядела в окно, то увидела стекляшки с неровными краями, словно они взорвались изнутри. Я не могла оторвать от них глаз, пока не пошевелилась занавеска и я не поняла, что кто-то следит за мной. Или следил за нами.

Послышался скрип двери, потом шаги в коридоре, и мою дверь открыли. На пороге стояла она во всем белом.

— Что-нибудь случилось? — спросила она.

— Ничего, — ответила я, в точности следуя записи в дневнике.

— Мне послышалось, как закрыли дверь.

— Ничего не случилось.

Розалин долго вглядывалась в мое лицо, потом оставила меня одну размышлять о том, чего я достигла, сказав маме правду. Конечно же произошло нечто хорошее, и я была уверена, что все-таки разгадаю загадку. Потом я открыла дневник, чтобы убедиться в неизменности последней записи. И у меня перехватило дыхание.

Я открыла обложку, и страницы начали понемногу скручиваться по

краям, чернеть и превращаться в угли, словно они горели у меня на глазах. Понемногу они перестали исчезать, но сгоревшие наполовину страницы, свободные от записей, не желали просвещать меня насчет событий завтрашнего дня.

Глава двадцатая

Хозяйка дома в кладовке с порошком какао

Заснула я после всего происшедшего лишь под утро. Укрывшись под подбородок одеялом, замерев от ледяного страха, я подпрыгивала на кровати каждый раз, когда слышала хоть малейший шум. У меня не оставалось сомнений, что женщина в бунгало преследовала меня на кладбище на позапрошлой неделе, но по мере того как солнце прогоняло ночные тени, страха оставалось все меньше и меньше. Скорее всего, женщина не была опасной, разве что немного странной. Судя по ее волосам и одежде, ей нечасто приходилось встречаться с людьми. Кроме того, она подарила мне стеклянную слезинку. И я решила во что бы то ни стало встретиться с ней.

Однако сгоревший дневник внушал мне ощущение близящейся беды.

Когда я заснула, мне привиделся пожар: горящие за?мки и горящие книги. Но были еще стекляшки, стеклянные шары, стекающие с уст стеклодува. Когда я открыла глаза в темной комнате, сердце бешено билось у меня в груди, и я изо всех сил постаралась больше не заснуть. Все утро я листала страницы дневника в ожидании, что они раскрутятся обратно и на них опять окажется некая запись, состоящая из аккуратных кружочков и крестиков. Увы, мои надежды не оправдались.

Рано утром я решительно спустилась вниз, ведомая единственным желанием застать Розалин за тем самым делом, которым она должна была заниматься в кладовке. Хотя поимка Хозяйки Дома С Порошком Какао казалась мне не самым веселым занятием на земле, я понимала, что дневник куда-то ведет меня, старается что-то показать, направляет меня, как было у меня самой с мухой. И я сочла бы себя последней дурой, если бы проигнорировала чудо, которое происходило в моей жизни. Каждое слово было ключом, каждая фраза — стрелой, указателем для меня в моем нестерпимом желании вырваться из Килсани.

В кухне было включено радио, а так как Артур принимал душ, то Розалин наверняка считала себя полной хозяйкой своего времени. Развернувшись, она отправилась в кладовку, и я как раз вовремя успела шмыгнуть за дверь из кухни в коридор. Тем не менее мне все было отлично видно в трещину в двери.

Розалин поставила мамин поднос с завтраком на стойку и, потянувшись за коробкой, которая была спрятана за другой коробкой, достала из нее пузырек с капсулами. У меня громко забилося сердце. И еще мне пришлось зажать рукой рот, чтобы не закричать. Розалин взяла две капсулы, открыла их, высыпала порошок в овсяную кашу и помешала ее. Тем временем я боролась с желанием выскочить из своего укрытия и поймать ее за руку. Розалин попалась. Теперь я точно знала, что она задумала недоброе, однако пришлось взять себя в руки и продолжить слежку, ведь это могло быть безобидное лекарство от головной боли, и тогда моя торопливость вновь обернулась бы против меня. А если она специально подсыпает маме что-то, от чего та слабеет и все время хочет спать? Я буквально прилипла к трещине в двери, но в эту секунду у меня под ногами скрипнула доска. Не медля ни мгновения, Розалин бросила пузырек в карман передника, подхватила поднос и, как ни в чем не бывало, пошла в кухню. Пришлось и мне выйти из своего укрытия.

— А, доброе утро, — с сияющей улыбкой произнесла Розалин. — Как сегодня наша именинница?

Может быть, мной завладела мания преследования, но я была абсолютно убеждена, что Розалин испытующе разглядывает меня, пытаясь угадать по моему лицу, видела я или не видела, чем она занималась в кладовке.

— Постарела, — улыбнулась я в ответ, изо всех сил стараясь сохранить невинный вид.

— О нет, малышка, до старости тебе еще далеко, — рассмеялась Розалин. — Я еще помню, какой была в твоем возрасте. — Она завела глаза к потолку. — У тебя все впереди. Сейчас я отнесу поднос твоей маме, а потом приготовлю тебе особый завтрак.

— Спасибо, — фальшиво-ласковым голосом поблагодарила я.

Едва Розалин скрылась в маминой комнате и закрыла за собой дверь, как на коврик около входной двери упала почта. Я замерла, ожидая, что Розалин прилетит на метле забрать ее, но она медлила. Наверное, не слышала, как пришел почтальон. Тогда я сама взяла почту — всего лишь два белых конверта, возможно со счетами, — и пошла в кухню. Что делать? И тогда я быстро огляделась, ища место, куда могла бы их спрятать. Читать письма у меня не хватило бы времени. Розалин уже спускалась по лестнице, и у меня опять громко забилося сердце. В последнюю секунду я сунула конверты в задний карман штанов на моем спортивном костюме и накрыла их мешковатым кардиганом. Заложив руки за спину, я с виноватым видом стояла посреди кухни.

Розалин замедлила шаг, едва увидев меня. На шее у нее от напряжения выступили вены.

— Что ты делаешь? — спросила она.

— Ничего.

— Ты делаешь ничего? Тамара, а что у тебя в руках? — напористо требовала она ответа.

— Отвратительный ремень, — сказала я, теребя спортивные штаны.

— Покажи руки, — громко потребовала Розалин.

Я показала ей руки, даже с изрядной долей нахальства помахала ими у нее перед носом.

— Повернись.

У нее дрожал голос.

— Нет, — с демонстративным вызовом ответила я.

Позвонили в дверь. Розалин не двинулась с места. Я тоже.

— Повернись, — повторила она.

— Нет, — сказала я, но тверже и решительнее, чем прежде. В дверь опять позвонили.

— Роза! — сверху крикнул Артур. Розалин не пошевелилась, и мы слышали, как Артур стучит каблуками, сбегая вниз по лестнице. — Понятно, — посмотрев на нас, проговорил он с расстроенным видом и открыл дверь.

— Уэсли!

— Фургон уже здесь. Или, может, еще рановато? Эй, Тамара, привет! — произнес Уэсли, глядя мимо Артура.

Розалин сощурила глаза так, что от них остались лишь узкие щелки.

Я улыбнулась. Правильно, у меня есть друг, о котором она понятия не имеет.

Широко открыв глаза, я стала пристально смотреть на Уэсли, чтобы он понял, в доме творится неладное. У меня не было ни малейшего желания отпускать его и Артура.

— Увидимся позже, — сказал Артур. Дверь за ними закрылась, а мы с Розалин все также стояли друг против друга.

— Тамара, — ласково проговорила Розалин, — что бы ты ни прятала, а я, кажется, знаю, что ты прячешь, отдай это мне.

— Я ничего не прячу. А вы?

Она дернулась от неожиданности.

И в эту секунду мы слышали шум наверху, сначала звон тарелок, потом шаги на деревянном полу. Независимо друг от друга, но одновременно мы перевели взгляды на потолок.

— Где он? — услышала я мамин крик. Я поглядела на Розалин и помчалась мимо нее.

— Нет, девочка.

Она перехватила меня.

— Отпустите! Это моя мама!

— Ей нехорошо, — нервничая, сказала она.

— Вы правы, и мне любопытно, с чего бы это? — крикнула я в лицо Розалин и побежала вверх по лестнице.

Мне не пришлось продолжить эту перепалку. Распахнув дверь, появилась мама в пеньюаре. У нее были дикие, страшные глаза, и она кого-то искала в коридоре.

— Где она? — спросила мама, не в силах сфокусировать взгляд.

— Кто? Розалин? — переспросила я, но она прошла мимо меня, завидев Розалин внизу.

— Где он? — потребовала она ответа, не спускаясь к ней.

Широко раскрыв глаза, Розалин крутила передник. Насколько мне было видно, пузырек все еще находился у нее в кармане. Я переводила взгляд с мамы на Розалин, и опять на маму, и опять на Розалин, не понимая, что происходит.

— Мама, его тут нет, — проговорила я, пытаюсь взять ее за руку. Но она отпихнула меня.

И сразу же обернулась ко мне, а потом сказала, понизив голос до шепота:

— Тамара, он не умер. Правда, они сказали мне, что он умер, а на самом деле он не умер. Я чувствую, что он рядом.

Я заплакала.

— Мамочка, пожалуйста, перестань. Это просто... это просто... его дух не дает тебе покоя. Он всегда будет с тобой. Но он умер... Он правда умер. Пожалуйста...

— Я хочу с ним увидеться, — требовательно произнесла мама, обращаясь к Розалин.

— Дженнифер, — отозвалась Розалин, протягивая к маме руку, хотя они были слишком далеко друг от друга, чтобы она могла ее коснуться. — Дженнифер, успокойся. Вернись к себе и ложись в постель.

— Нет! — крикнула мама, и на сей раз у нее дрогнул голос. — Я хочу его видеть! Я знаю, что он здесь. Ты прячешь его!

— Мама, — разрыдалась я, — она не прячет его. Папа правда умер. Он совсем умер.

Мама вновь посмотрела на меня, и на мгновение, как мне показалось,

она была убита горем. Но в следующее мгновение она уже в ярости бежала вниз по лестнице. Розалин бросилась к двери.

— Артур! — заорала она, оказавшись снаружи.

Артур, который был поблизости и вместе с Уэсли загружал оборудование в «лендровер», сразу же насторожился.

Мама тоже выбежала в сад, не переставая кричать:

— Где он? Где он?

— Дженнифер, перестань. Успокойся, все в порядке, — Артур попытался воззвать к маминому здравому смыслу.

— Артур! — крикнула мама и, подбежав к Артуру, обвила руками его шею. — Где он? Он здесь, правда?

Не зная, что сказать, Артур посмотрел на Розалин.

— Мама! — рыдала я. — Помогите ей, Артур. Да сделайте же что-нибудь! Пожалуйста. Она думает, что папа живой.

Артур посмотрел на маму так, словно она разбивала ему сердце, потом обнял ее, и ее трясло от рыданий в его объятиях, пока она снова и снова повторяла, где он и что с ним, а Артур нежно гладил ее по спине.

— Знаю, Джен, знаю, Джен, все в порядке. Все в порядке...

— Пожалуйста, помогите ей, — плакала я, стоя посреди сада и глядя то на Розалин, то на Артура, который обнимал маму. — Пошлите ее куданибудь. Позовите кого-нибудь на помощь.

— Папа сейчас дома. Я могу позвонить ему, — тихим голосом предложил Уэсли, — и он приедет.

У меня словно что-то перевернулось в груди. Стало страшно. Наверное, своего рода инстинкт. Я вспомнила о сожженном дневнике, о пожаре в моих снах. Маму надо отсюда увозить.

— Покажите ему маму, — сказала я Артуру. У него был непонимающий взгляд.

— Отвезите ее к доктору Гедаду, — повторила я так, чтобы не услышала мама. Мама дернулась в объятиях Артура и, обессиленная, скользнула на землю.

Артур согласно кивнул мне, после чего посмотрел на Розалин:

— Я скоро вернусь.

— Но ты...

— Я еду, — твердо произнес он.

— Тогда и я с тобой, — торопливо проговорила Розалин, мгновенно скидывая передник и помчавшись в дом. — Только сбегаю за ее плащом.

— Уэсли, останься с Тамарой, — приказал Артур. Уэсли кивнул и сделал несколько шагов в мою сторону.

Прошло еще несколько мгновений, и все трое уже сидели в «лендровере». Мама, моя плачущая мама, показалась мне непоправимо несчастной, когда я увидела ее в одиночестве на заднем сиденье.

Уэсли покровительственно обнял меня за плечи.

— Все будет хорошо, — ласково произнес он.

Когда мы только приехали сюда, мне казалось, словно я и мама пережили кораблекрушение, и нас, кашляющих и задыхающихся, выбросило на берег после того, как корабль пошел ко дну. Мы были в беде, мы всё потеряли, нас лишили своего угла, мы потеряли цель в жизни и как будто оказались запертыми в комнате без дверей.

Я понимала, что приведенные в порядок вещи не выбрасывают — они уцелевшие. Но я не думала об этом, пока не увидела «документы» природы, столь любимые Артуром. Мы смотрели передачу об островах в Океании, которые находились довольно далеко друг от друга, так что трудно было объяснить, как распространялась на них жизнь, если, конечно, не принимать во внимание птиц. А потом кокосы оказались повсюду. Все они выброшены на берег морем, сказал диктор. Два одиноких семечка выжили в море и выплыли на сушу. Что они стали делать? Они укоренились в песке и выросли большими деревьями, которых со временем стало много на берегу. Иногда из потерь получается много чего хорошего. Надо лишь повзрслеть.

Несмотря на то что маму заставили замолчать, а она считала папу живым и потеряла голову от ужаса, у меня появилось ощущение, что я начинаю новую жизнь, которая будет лучше прежней. Мы с Уэсли глядели вслед уезжавшей машине, тогда как Розалин, повернувшись, опасно посматривала назад, не желая оставлять нас одних, но также не желая оставлять одних маму и Артура, и этому я никак не могла помешать. Так что я улыбалась и махала рукой.

Глава двадцать первая

К... как кенгуру

Едва машина скрылась из виду, я бросилась в дом. На вешалке для пальто висел в спешке брошенный передник Розалин, которая очень торопилась обратно на улицу. Я схватила его и, не медля, сунула руку в карман.

— Тамара, что ты делаешь? — услышала я за спиной. — Может быть, заварить тебе чаю или дать чего-нибудь, чтобы ты успокоилась?.. Какого черта ты?..

Он имел в виду пузырек с капсулами, который я держала в руке.

— Я думала, ты можешь это мне объяснить. — Я дала ему капсулы. — Мне удалось застигнуть Розалин за тем, как она клала лекарство в мамину овсянку.

— Что? Тамара, постой, — не поверил Уэсли. — Она клала лекарство в ее еду?

— Я видела, как она открыла капсулы и высыпала порошок в овсянку, а потом помешала ее. Она не знает, что я видела.

— Может быть, это лекарство прописано твоей маме?

— Ты правда так думаешь? Хотя Розалин и делает вид, будто я ничего не знаю о болезнях моей мамы, но мне точно известно, что ее зовут не Хелен Рейли.

— Так зовут маму Розалин. Дай-ка я посмотрю. — Он взял у меня пузырек. — Это снотворное.

— Откуда ты знаешь?

— Да здесь написано. Оксазепам. Снотворное. Она кладет порошок в еду твоей мамы?

У меня перехватило дыхание и на глаза выступили слезы.

— Ты уверена, что видела, как она кладет его в еду?

— Уверена конечно же. И мама все время спит с тех пор, как мы сюда приехали. И ночью и днем.

— А что, если твоя мама и прежде их принимала? Если Розалин просто старается ей помочь?

— Уэсли, мама до того напичкана этим лекарством, что едва помнит свое имя. Это не помощь. Наоборот, Розалин делает ей хуже. От снотворного ей только хуже.

— Мы должны кому-нибудь об этом сказать.

Услышав слово «мы», я почувствовала невероятное облегчение, словно меня омыло приливной волной.

— Я скажу папе. А он сообщит кому следует, согласна?

— Согласна.

Мне стало легче, потому что я больше не была одна. Пока Уэсли звонил своему отцу и разговаривал с ним, я сидела на ступеньке.

— Ну? — вскочив, спросила я, едва он закончил разговор.

— Они сидели рядом, поэтому он ничего не мог сказать. Но все же пообещал обо всем позаботиться. Нам лишь надо некоторое время сохранять тайну.

— Ладно. — Я перевела дух. Что будет, то будет. — Ты pomoжешь мне принести ящик с инструментами, который у Артура?

— Зачем он тебе? — совершенно сбитый с толку, спросил Уэсли.

— Чтобы сломать замок на гараже.

— Что?

— Просто... — Я никак не могла подобрать нужные слова. — Пожалуйста, помоги мне. У нас немного времени, так что объясняться я буду позднее. А сейчас, пожалуйста, пожалуйста, помоги мне. Они так редко уезжают из дома. Это единственная возможность.

Уэсли задумался, крутя пузырек с капсулами в руке.

— Ладно.

Уэсли побежал в мастерскую, а я шла по саду, надеясь, что Артур с Розалин не вернутся, пока я хорошенько не осмотрюсь в гараже. Остановилась я лишь для того, чтобы поглядеть на бунгало и на сверкающие стекляшки, которые посылали лучи прямо в мою спальню. Стекляшек видно не было. Зато на садовой стене лежало кое-что, привлекавшее мое внимание. Коробка. Я подошла ближе.

— Уэсли.

Он услышал меня и обернулся, после чего посмотрел в сторону стены.

— Что это? — спросил он.

Перейдя через дорогу, я принялась рассматривать неожиданный подарок. Уэсли последовал за мной. На упаковке из коричневой бумаги было написано мое имя и поздравление с днем рождения.

Я взяла послание и огляделась. В окнах никого не было видно, за занавесками никто не стоял. Тогда я развернула коричневую бумагу. Под ней оказалась коричневая коробка из-под обуви. Тогда я сняла крышку. Внутри оказался самый красивый на свете стеклянный мобайл^[61] из слезинок разного размера и сердечек, соединенных проволокой, которая

была протянута через крошечные отверстия. Я подняла его к свету. И он, повинувшись порывам ветра и крутясь то в одну, то в другую сторону, засверкал на солнце. Тогда я с улыбкой оглянулась на дом, чтобы помахать рукой, поблагодарить за подарок, показать, как я рада его получить.

Никого.

— Какого черта это?.. — произнес Уэсли, разглядывая мобайл.

— Это подарок. Мне.

— А я не знал, что у тебя день рождения.

Он взял мобайл в руки и стал внимательно его разглядывать.

— Это она сделала.

— Кто? Мать Розалин?

— Нет. — Я опять посмотрела в сторону бунгало. — Женщина. Уэсли покачал головой.

— А я-то думал, что у меня фантастическая жизнь. Кто такая она? Мои мама с папой уверены, что там живет одна миссис Рейли.

— Я ничего о ней не знаю.

— Тогда пойдем и познакомимся с ней. Поблагодарим за подарок.

— Думаешь, можно?

У него округлились глаза.

— Ты получила подарок... Это прекрасный повод, чтобы пойти туда. Прикусив губу, я поглядела на дом.

— Если, конечно, ты не боишься?

Уэсли правильно угадал.

— Нет, сейчас нам надо сделать нечто куда более важное, — ответила я, после чего перешла через дорогу и торопливо зашагала к гаражу.

— Знаешь, сестра Игнатиус чуть с ума не сошла, пытаясь повидаться с тобой. Ты убежала и очень испугала ее. Ты испугала нас обоих.

Я не сводила взгляда с Уэсли, пока он возился в ящике в поисках подходящего инструмента.

— До меня дошли слухи о том, что случилось. Ты в порядке?

— Да. Все хорошо. Только я не хочу об этом говорить, — не скрывая раздражения, ответила я. — Спасибо, — прибавила я, смягчившись.

— Кажется, у твоего приятеля неприятности?

— Я же сказала, что не хочу об этом говорить.

И он мне не приятель. Уэсли рассмеялся.

— Значит, ты знаешь, что я чувствую. Несмотря на все утренние неприятности, я улыбнулась.

Уэсли довольно быстро справился с замком. Мы вошли внутрь, и я тотчас увидела свою прежнюю жизнь, беспорядочное нагромождение

предметов мебели из кухни, гостиной, моей спальни, поверх того, что осталось от игровой комнаты и спален для гостей. Эта декорация отлично подходила для сумятицы у меня в голове. Кожаные диваны, плазменные телевизоры, в общем, нелепая куча мебели, которая здесь выглядела бездушной дешёвкой.

Но мне гораздо интереснее было другое: то, что Розалин и Артур тщательно прятали в гараже. Когда Уэсли снял простыни с кучи в дальнем углу, я была разочарована. Опять старая мебель, разрушенная временем, изъеденная мышами и пахнущая нафталиновыми шариками. Не знаю, что я ждала увидеть — труп или парочку трупов, станок для печатания денег, ящики с винтовками, тайный вход в пещеру с летучими мышами. Но я точно ожидала чего-то другого, а не кучу вонючих, пропахших нафталином деревяшек.

Тогда я вернулась к вещам из нашего бывшего дома. Вскоре и Уэсли последовал за мной, охая и ахая над чем-то, найденным им в ящиках. Устроив перерыв в изучении неизвестной жизни Артура и Розалин, мы уселись на диван, когда-то стоявший в гостиной, и стали смотреть фотографии в альбоме под хохот Уэсли над разными этапами моего взросления.

— Это твой папа?

— Да, — с улыбкой ответила я, глядя на счастливое, оживлённое лицо моего отца, танцевавшего на свадьбе своего друга. Папа любил танцевать. И мог танцевать сколько угодно.

— Он тут молодой.

— Да.

— Что случилось?

Я вздохнула.

— Не говори, если не хочешь.

— Да нет, — сказала я, постаравшись проглотить комок в горле. — Просто он... взял в долг намного больше денег, чем смог вернуть. Он был девелопер, и очень удачливый. Владел собственностью по всему миру. Мы не знали, что он попал в беду. А он стал все продавать, чтобы выпутаться из долгов.

— И ничего вам не сказал?

Я покачала головой.

— Он был очень гордый. Ему, наверно, казалось, что он подвел нас. — Мои глаза вновь наполнились слезами. — Но я бы так не думала, правда, мне было бы все равно.

Вряд ли. Я представила, как папа пытается рассказать мне о том, что

все продает. Конечно, мне не было бы все равно. Я бы плакала и рыдала. Я бы не поняла. Мне было бы страшно подумать, что скажут соседи. Как же обойтись без Марбейи летом и без Вербьера на Новый год. Я бы раскричалась, обозвала его всякими плохими словами, а потом убежала бы в свою спальню и хлопнула дверью. До чего же противной, жадной свиньей я была. И все-таки жаль, что он не дал мне шанса понять его. Жаль, что он не усадил меня рядом с собой и мы не поговорили, ведь мы могли бы что-нибудь придумать вместе. Какая разница, где жить — в одной комнате или в замке, — если бы мы могли не разлучаться.

— Сейчас мне все равно. Я бы предпочла, чтобы папа не умирал. — И я шмыгнула носом. — Ведь мы все равно остались ни с чем и папу потеряли. Я хочу сказать: какой смысл? Когда за неплатежи отняли дом, я подумала, это он виноват. — Я смотрела, как он играл с мамой в гольф, и у него было серьезное лицо, когда он искал взглядом мяч. — Они могли забрать все, но только не дом.

Я перевернула страницу, и мы рассмеялись. У меня нет четырех передних зубов на фотографии, где я обнимаю Микки-Мауса в Диснейленде.

— Ты не?.. Не знаю... Ты не злишься на него? Если бы мой папа так поступил, я бы...

Уэсли покачал головой, не в силах вообразить нечто подобное.

— Я злилась, — ответила я. — Довольно долго я ужасно злилась на него. Но последние несколько недель только и делаю, что пытаюсь представить, через что ему пришлось пройти. Даже в самое плохое время я бы на такое не решилась. Наверно, на него очень сильно давило отсутствие денег и он чувствовал себя жутко несчастным. Наверно, он думал, что попал в капкан и у него не осталось сил для жизни. И... когда он умер, у него больше ничего не могли забрать. Он защищал меня и маму.

— Думаешь, он сделал это ради тебя?

— Думаю, он сделал это по многим причинам. Конечно, они были неправильными, но только не для него.

— А ты очень храбрая, — сказал Уэсли, и я прямо посмотрела ему в лицо, стараясь не заплакать.

— Тоже мне, храбрая.

— Храбрая, храбрая, — повторил он, и наши взгляды встретились.

— Я наделала много дурацких, ужасных ошибок, — прошептала я.

— Ничего. Мы все делаем ошибки, — насмешливо отозвался Уэсли.

— Ты прав, и у тебя наверняка было больше ошибок, — добавила я, стараясь разрядить обстановку. — Похоже, ты почти каждый вечер делаешь

разные ошибки с разными людьми.

Уэсли рассмеялся.

— Ладно, посмотрим, что Розалин тут прячет.

С трудом отводя взгляд с фотографий, я взяла следующий альбом и в нем обнаружила свои младенческие снимки. Я словно обрела потерянный мною мир и потерянное время своей жизни. Как будто издали доносился голос Уэсли, комментировавший находки, но я, в общем-то, не слышала его, потому что не сводила глаз с моего красивого отца, счастливого и веселого рядом с мамой. Потом я нашла фотографию того дня, когда меня крестили. На ней были только я и мама, державшая меня на руках — крошечную малышку, у которой из-под белого одеяла виднелась лишь розовая головка.

— Черт, посмотри-ка на это!

Я не обратила внимания на слова Уэсли, так как была поглощена другой фотографией: мы с мамой в церкви. Она держит меня на руках и широко улыбается. Фотограф — скорее всего, папа, — пальцем закрыл лицо священника. Зная папу, я не сомневалась, что он сделал это нарочно. Тогда я потеряла большой белый палец, особенно удавшийся благодаря вспышке, и засмеялась.

— Тамара, ты только посмотри.

Фотография запечатлела половину фигуры священника, мою маму и меня у нее на руках около купели. Еще один человек с правой стороны был отрезан благодаря мастерству фотографа, однако чья-то рука все же лежала у меня на голове. Кстати, женская рука, судя по кольцу на пальце. Не исключено, что это была Розалин, моя крестная мать, которая никогда не делала того, что обычно делали крестные моих подруг, то есть не посылала мне поздравительные открытки и не вкладывала в конверт деньги. Нет, моя крестная хотела проводить со мной время. Вот дрянь.

— Тамара. — Уэсли подошел сзади, и я подпрыгнула от неожиданности. — Посмотри же. У него были круглые глаза. Когда же он взял меня за руку, по ней пробежала дрожь. Спрятав фотографию с крещением в карман, я пошла за Уэсли.

Странные ощущения быстро исчезли. Тем не менее я внимательно оглядела то место, с которого Уэсли убрал простыни.

— Ну и что тут такого удивительного? — ничего не понимая, спросила я. Увиденное мной было намного менее интересно, чем то, как Уэсли пытался мне что-то втолковать. Передо мной громоздилась очередная куча старой мебели. А еще тут были книги, кочерга, посуда, закрытые картины, ткани, ковры, камин, прислоненные к стене, — короче говоря, много

всякой всячины.

— Что такого удивительного? — Округлив глаза, Уэсли прыгал по гаражу, подбирая какие-то вещи, открывая картины с несчастными детьми, у которых воротники были подняты до ушей, с толстыми некрасивыми дамами, у которых были безразмерные бюсты, широкие запястья и тонкие губы. — Ты только посмотри, Тамара. Ну, смотри же! Неужели ничего не замечаешь?

Уэсли толкнул ковер так, что тот упал, и тогда он ногой развернул его на пыльном полу.

— Не устраивай беспорядок, Уэсли, — резко выговорила я ему. — У нас совсем мало времени до их возвращения.

— Открой глаза. Посмотри на надпись.

Тогда я внимательно всмотрелась в грязный ковер, который, вероятно, когда-то висел на стене. По всей поверхности были буквы «К».

— И посмотри вот на это.

Уэсли открыл коробку с посудой. На всех тарелках, чашках, ножах и вилках тоже были буквы «К». И еще дракон, обвивающийся вокруг меча и одолевающий пламя. Точно такое же изображение было на камине в гостиной Артура и Розалин.

— «К», — произнесла я, все еще ничего не понимая. — Что это значит? Я не...

Покачивая головой, я огляделась, и гараж, который минуту назад казался мне сундуком с хламом, теперь стал настоящей сокровищницей.

— «К» значит... — медленно проговорил Уэсли, словно я была ребенком, и поглядел на меня, затаив дыхание.

— Кенгуру, — отозвалась я. — Не знаю, Уэсли. Понятия не имею...

— Килсани, — произнес он.

У меня похолодело в груди.

— Что ты говоришь? Этого не может быть. — Я опять огляделась. — Как они держали это у себя столько времени?

— Ну, или они это украли...

— Точно!

Теперь мне все стало ясно. Они воры — не Артур, конечно, а Розалин. Мне было легко в это поверить.

— Или они берегли это для Килсани, — договорил Уэсли. — Или...

Он усмехнулся и смешно задвигал бровями.

— Что «или»?

— Или они сами Килсани.

Я фыркнула, с ходу отметая эту догадку Уэсли, и тотчас мое внимание

отвлекло нечто красное под свернутым ковром. Я вспомнила, как споткнулся Маркус.

— Альбом с фотографиями! — воскликнула я, глядя на красный альбом, который я нашла в гостиной в первую же неделю после приезда. — Я знала, что он мне не приснился.

Мы сели и стали рассматривать фотографии, рискуя попасть на глаза вернувшимся Артуру и Розалин. На черно-белых и раскрашенных сепией фотографиях были дети.

— Узнаешь кого-нибудь? — спросил Уэсли.

Я покачала головой, и он стал быстро переворачивать страницы.

— Подожди, — попросила я, так как один из снимков привлек мое внимание. — Давай назад.

На фотографии были двое детей на фоне деревьев. Маленькая девочка и маленький мальчик, двумя годами старше девочки. Они стояли и, держась за руки, глядели друг на друга, едва не соприкасаясь лбами. Мне тотчас припомнилось, как странно поздоровались Артур и мама, когда мы приехали.

— Это мама и Артур, — улыбнулась я. — Наверно, ей тут лет пять, вряд ли больше.

— А Артур-то. Он даже ребенком был не очень хорош собой, — пошутил Уэсли, внимательно разглядывая фотографию.

— Ну, так нечестно, — рассмеялась я. — Просто полюбуйся на них. Никогда не видела мамины детские снимки.

На следующей странице была фотография мамы, Артура, Розалин и еще какого-то мальчика. У меня перехватило горло.

— Оказывается, твоя мама и Розалин знакомы с самого детства, — сказал Уэсли. — Тебе не говорили об этом?

— Нет, — едва слышно прошептала я. — Не говорили. Ни разу даже не упомянули.

— А это кто с ними?

— Не знаю.

— У твоей мамы был еще один брат? Он как будто постарше.

— Нет, не было. По крайней мере, она никогда о нем не рассказывала...

Уэсли просунул палец под пластик и вынул фотографию.

— Уэсли!

— Мы и без того зашли слишком далеко — ты хочешь знать правду или нет? Я проглотила застрявший в горле комок и кивнула.

Уэсли перевернул снимок.

На обратной стороне было написано: «Арти, Джен, Роза, Лори. 1979».

— Это наверняка Лори, — сказал Уэсли. — Тебе его имя ничего не говорит? Тамара, ты как будто увидела привидение.

Надпись на надгробном памятнике гласила: «Лоренс Килсани. Покойся с миром».

Когда мы возвращались из Дублина, Артур назвал Розалин «Розой».

«Лори и Роза» вырезано на яблоне.

— Он — тот человек, который погиб, когда в замке случился пожар. Лоренс Килсани. Его имя я видела на кладбище, на одном из памятников.

— А...

Я не могла отвести глаз от снимка, на котором они были все четверо, улыбающиеся, юные, не ведавшие свое будущее, но пока еще уверенные, что оно сулит им лишь счастливые пути. Мама и Артур крепко держались за руки, Лоренс дерзко обвивал рукой шею Розы, более того, опустил ее на грудь девушки. Он стоял на одной ноге, скрестив с ней другую и явно рисуясь перед объективом. Мне он показался излишне самоуверенным и даже нахальным. Смеется, задрал голову, словно только что отпустил веселую шутку фотографу.

— Значит, мама, Артур и Розалин дружили с Килсани, — подумала я вслух. — А ведь я даже понятия не имела, что она тут когда-то жила.

— Может быть, и не жила. Может быть, приезжала сюда на каникулы, — возразил Уэсли.

На всех фотографиях была все та же четверка, хотя и в разное время, но одинаково крепко сплоченная. Они снимались то поодиночке, то по двое, однако, как правило, все вместе. Мама была самой младшей, Розалин и Артур немного постарше, и старше всех — Лоренс, постоянно с широкой улыбкой на губах и озорным выражением в глазах. Даже у юной Розалин взгляд был другой, построже, и улыбка ни разу не показалась мне такой же беззаботной, как у остальной троицы.

— Смотри, тут они все на фоне вашего дома, — сказал Уэсли, показывая на фотографию четверки, сидевшей на садовой стене. Фон не очень переменялся, разве что некоторые деревья разрослись, а тогда, вероятно, были только что посажены. Ворота же, стена, дом оставались прежними.

— Вот мама в гостиной. Видишь, тот же камин? — Я внимательно изучала снимок. — И книжный шкаф тот же. Погляди на спальню. — У меня перехватило дыхание. — Теперь это моя спальня. Но я не понимаю. Значит, она вроде бы жила и выросла здесь.

— Ты правда ничего не знала?

— Не знала. — Я покачала головой и почувствовала приближение мигрени. Мой мозг был переполнен вопросами, на которые не было ответов. — То есть я знала, что она выросла не в Дублине, но... я точно помню, что, когда я была маленькой и мы навещали Артура и Розалин, здесь жил еще мой дедушка. А бабушка умерла, когда мама была еще совсем юной. Я думала, он тоже всего лишь гостил у Артура и Розалин, однако... Господи, что это такое? Почему они все лгут?

— На самом деле они не совсем лгали, — попытался он ослабить удар. — Просто не говорили тебе, что жили тут. Не самая страшная тайна на свете.

— И еще не говорили, что знали Розалин практически всю жизнь, что жили в этом доме и были знакомы с Килсани. Наверно, ничего особенного, если только не хранить это в тайне. Ну скажи, зачем хранить это в тайне? И что еще от меня скрывают?

Уэсли отвернулся и продолжил листать альбом, словно ища ответы на мои вопросы.

— Если твой дедушка жил здесь, значит, он был управляющим. Он делал то, что теперь делает Артур.

Неожиданно перед моими глазами мелькнула картинка. Я — маленькая. Дедушка стоит на коленях, глубоко погрузив руки в землю. Я помню черную грязь у него под ногтями, извивающегося червяка в земле. Дедушка схватил его и поднес к моему лицу, я заплакала, а он засмеялся и крепко обнял меня. От него всегда пахло землей и травой. И ногти у него всегда были черные.

— Интересно, а где фотография женщины? Я перевернула еще несколько страниц.

— Какой женщины?

— Которая живет в бунгало и делает стеклянные мобайлы.

Мы просмотрели альбом почти до конца, и у меня так громко билось сердце, что я боялась рухнуть на землю. Наконец мне попался еще один снимок Розалин и Лоренса: «Роза и Лори, 1987».

— Кажется, Розалин была влюблена в Лоренса, — сказала я, проводя пальцем по их счастливым лицам.

— Хо-хо-хо, — произнес Уэсли, разглядывая следующую страницу. — А вот Лоренс не любил Розалин.

Я поглядела на фотографию, и глаза у меня полезли на лоб от изумления. На следующей странице я увидела фотографию мамы, когда она еще была подростком, моей прелестной мамы с длинными светлыми волосами, ясной улыбкой и безупречными зубами. Лоренс обнимал ее и

целовал в щеку на фоне уже знакомого мне дерева.

Я перевернула фотографию обратной стороной: «Джен и Лори, 1989».

— Может быть, они были всего лишь друзьями... — неуверенно произнес Уэсли.

— Да ты только посмотри на них.

Больше ничего не надо было говорить. Остальное было ясно, как день. И прямо перед нами. Эти двое были влюблены.

Я вспомнила о том, что мама сказала мне, когда я вернулась из розового сада после знакомства с сестрой Игнатиус. Тогда мне показалось, будто она не понимает, что говорит. Мне показалось, она сказала, что я красивее розы. А вдруг она имела в виду совсем другое и говорила, что я красивее Розы?

Отдельно от них на клетчатом пледе сидела Розалин, как будто сторожа корзинку для пикника, и ледяным взглядом смотрела в объектив.

Глава двадцать вторая

Темная комната

Не знаю, сколько у нас оставалось времени до возвращения Розалин и Артура вместе с мамой, если они вообще собирались вернуться вместе с ней, но у меня пропал всякий страх быть пойманной. Их тайны перестали быть для меня запретными тайнами, потому что мне надоело ходить вокруг да около, тем более надоело искать «улики», улучая минуту, когда никто за мной не подсматривает. Желая всячески мне помочь, Уэсли перевел меня через дорогу в сторону бунгало. Мы вместе искали ответы на вопросы, и мне в моей жизни еще не встречался такой человек, как Уэсли, готовый на все ради того, чтобы помочь другому человеку. Мне вспомнилась сестра Игнатиус, и у меня тотчас упало сердце. Я бросила ее. А ведь она тоже была мне нужна. Мне вспомнилось, как в одну из наших первых встреч она взяла меня за руку и сказала, что никогда не будет мне лгать, что всегда будет говорить мне правду. Она знала. На самом деле она сказала мне тогда, что ей кое-что известно. И теперь я поняла: она же буквально просила меня задать ей вопрос, а я только сейчас это осознала.

Уэсли вел меня по боковой тропинке. У меня же подгибались коленки, и я ждала, что вот-вот они изменят мне и я распадусь, как карточный домик. На улице быстро темнело, и так же быстро набирал силу ветер. Был еще полдень, но все небо заволокло черными тучами, словно оно прикрыло глаза и в нерешительности наморщило лоб, наблюдая за мной.

— Что это за звуки? — спросил Уэсли, когда мы подошли к концу тропинки.

Мы остановились и прислушались. Это было звяканье стекла.

— Стеклышки, — прошептала я. — Раскачиваются на ветру и стучаются друг о друга.

Звуки показались мне немного тревожными. В них не было гармонии, и мне почудилось, будто стеклышки разбиты на мелкие осколки, и круглые и острые, и они стучаются друг о друга на ветру, внушая суеверный ужас.

— Пожалуй, я пойду один и посмотрю, что там происходит, — сказал Уэсли, едва мы переступили границу сада. — Тамара, все будет хорошо. Просто поблаговари женщину, к которой ты пришла, за подарок и постарайся извлечь из этого пользу. Вероятно, она сможет тебе что-нибудь рассказать.

Со страхом я смотрела, как Уэсли пересекает лужайку, обходит сарай и скрывается на стеклянном поле. Потом, повернувшись лицом к дому, заглянула в окна. В кухне никого не было. Тогда я постучала в заднюю дверь и немного подождала. Мне никто не ответил. Дрожащей рукой, коря себя за излишний мелодраматизм, я потянулась к ручке и нажала на нее. Дверь со скрипом поддалась. Я нажала на нее посильнее и заглянула внутрь. В коридор выходили три закрытые двери, одна справа и две слева. Первая дверь слева вела в кухню — я уже знала, что там никого нет. Ступив в коридор, я постаралась сделать так, чтобы дверь не закрылась сама собой и я не почувствовала, будто загнана в ловушку или ворвалась в чужое жилище, однако усилившийся ветер все же захлопнул входную дверь. От страха я едва не подпрыгнула на месте и вновь сказала себе, что стыдно быть такой дурой. Вряд ли старуха или женщина, сделавшая мне подарок, собираются причинить мне зло. Тогда я тихонько постучала в дверь справа. Не дождавшись ответа, повернула ручку и потихоньку толкнула ее, после чего оказалась в спальне, несомненно, в спальне старухи, потому что вся комната пропахла сыростью, тальком и трихлорфенолом^[62]. Здесь стояла старая, темного дерева кровать с покрывалом в цветочек, а рядом с кроватью стояли шлепанцы на голубом ковре, выдавшем не одну чистку с помощью «Шейк ‘н’ Вакс». У стены разместился комод, в котором, вероятно, хранилась вся одежда старой женщины. Напротив двери — небольшой туалетный столик, на котором я заметила аккуратно разложенные щетку для волос, лекарства, четки и Библию. Напротив кровати было окно, выходившее в сад. И всё. Больше ничего и никого.

Стараясь не шуметь, я закрыла дверь и двинулась дальше по коридору. На полу был необычный пластиковый половик, наверное, чтобы не пачкались плитки. Однако он издавал довольно громкий то ли скрип, то ли скрежет, и мне показалось странным, что меня никто не услышал. Разве что женщина была в своей мастерской, но тогда почему она не увидела Уэсли? У меня похолодело в груди, и я едва не бросилась бежать обратно, однако я уже проделала большой путь и не хотела отступать. Коридор повернул направо, и там, в конце, была еще одна комната с телевизором, которую я тоже видела в окно. Телевизор работал почти на полную мощность, но я все же слышала тиканье будильника. Мне сразу стало ясно, что это комната матери Розалин, однако, несмотря на все мое любопытство, представляться ей я сочла неуместным. Ведь я не ее искала. Перед парадной дверью был еще один коридор поменьше и слева еще одна дверь — насколько я поняла, во вторую спальню.

Я постучала, но до того тихо, что сама едва слышала себя. Костяшки

пальцев коснулись темного дерева, как будто были невесомыми перышками. Во второй раз я постучала громче и прождала дольше, однако все равно напрасно.

Тогда я повернула дверную ручку. Незапертая дверь отворилась.

Благодаря своему неумемному воображению за последние недели я много чего насочиняла о прошлом и настоящем Розалин, и реальность до сих пор разочаровывала меня. Все найденное в гараже хоть и было завлекательным, интригующим, даже болезненным, так как я узнала о детской дружбе Артура и мамы с Розалин, но все же не соответствовало сложившимся у меня в голове сценариям. Главная тайна, касающаяся сада позади дома, оказалась связанной с больной матерью Розалин, трупы в гараже — всем, что осталось от сгоревшего замка. Конечно, и это было любопытно, но все же вызывало легкое разочарование, потому что никак не сочеталось с тем напряжением, которое я испытывала, едва появлялась Розалин. И не сочеталось с той таинственностью, какой она себя окружала.

Однако теперь я не была разочарована.

На сей раз я пожелала бы увидеть семьдесят ковров и темное дерево, лишь бы не слышать запах сырости и не видеть убогую спальню. Потому что увиденное потрясло меня до глубины души, и я, едва дыша, с открытым ртом застыла на месте.

Три стены от пола до потолка были увешаны моими фотографиями. Младенческими, на причастии, во время визитов к Артуру и Розалин, когда мне было три года, четыре года, шесть лет. Когда я участвовала в школьных спектаклях, веселилась на праздниках в честь моего дня рождения, на других праздниках. Когда я была девочкой с букетом на венчании маминой подруги, когда нарядилась ведьмой на Хеллоуин. Здесь же были каракули, которые я нарисовала в первом классе. Я заметила фотографию, сделанную неделю назад, когда я сидела на садовой стене, поджав ноги и подставив лицо солнцу. Обратила внимание на фотографию, где я с Маркусом, когда он в первый раз приехал сюда, а потом в другой раз, когда мы сели в автобус и отправились в путешествие. Фотографию, на которой были мама, Барбара и я, когда мы приехали в дом у ворот. Фотографию, на которой мне было лет восемь, когда я стояла посреди дороги, что ведет в замок, так как мне наскучили разговоры, которые мама вела с Артуром и Розалин о сэндвичах с яйцом и о крепком чае. И еще одну фотографию, сделанную две недели назад на кладбище, когда я клала цветы на могилу Лоренса Килсани. И фотографию, на которой я иду в сторону замка. Фотографии, на которых я с сестрой Игнатиус, на которых я гуляю, разговариваю, лежу на траве. Еще одна фотография была сделана в замке, когда я утром сидела на

ступеньках, впервые обнаружив запись в дневнике, я сидела с закрытыми глазами, подставив лицо солнечным лучам. Знала же я, что за мной кто-то наблюдает. Я уже говорила об этом. Фотографий было множество, словно кто-то писал ими историю моей жизни, запечатлевал ситуации, о которых я совсем забыла, или такие ситуации, которые я и не думала увидеть на фотографиях.

В углу стояла узкая, неопрятная и неприбранная кровать, рядом — шкафчик, вся поверхность которого была усыпана таблетками. Прежде чем я собралась повернуться, чтобы уйти, на глаза мне попался знакомый снимок. Я подошла к дальней стенке и вынула из кармана помятую фотографию. Когда я сравнила ее со снимком на стене, они оказались почти одинаковыми, правда, снимок на стене был намного четче и на нем не было отпечатка пальца, поэтому лицо священника я отлично разглядела. Мама стояла рядом и держала меня на руках. На моей розовой головке лежала рука с обручальным кольцом на пальце. Снимок на стене был намного больше моего снимка. На этом увеличенном снимке отлично получилось кольцо, оно было в фокусе, да и человека я узнала без труда.

Сестра Игнатиус.

Ниже висела еще одна фотография, на которой мама держала меня над купелью, а священник лил воду мне на голову. Купель я узнала. Вся в паутине и пыли, она находилась в часовне. Еще одна фотография, на которой мама с покрасневшимся лицом лежит на кровати, волосы у нее прилипли к потному лбу, и она держит меня, новорожденную, в своих объятиях. Рядом фотография, на которой я на руках сестры Игнатиус. И тоже новорожденная.

Я не только монахиня. Я еще и акушерка. Помнится, она что-то вроде этого сказала мне всего несколько дней назад.

— О Господи!

Я вся дрожала, у меня подгибались колени. Я прислонилась к стене, но мне не за что было уцепиться, разве что за фотографии самой себя. Когда же я уцепилась за них, они попадали на пол следом за мной. Сознания я не потеряла, но и стоять не было сил. Мне хотелось выбраться наружу. И тогда я опустила голову между колен и стала медленно вдыхать и выдыхать воздух.

— Тебе сегодня повезло, — услышала я голос из-за спины и напряглась. — Обычно эта дверь закрыта. Даже я не была допущена сюда. Наверно, он торопился.

Заслоняя проход, в дверях стояла Розалин, спрятав руки за спину. Она была совершенно спокойна с виду.

— Розалин, — прохрипела я, — что происходит? Она фыркнула:

— Детка, ты сама знаешь, что происходит. Не притворяйся, что ты не шпионила.

И она холодно посмотрела на меня.

Я испуганно пожала плечами, точно зная, что у меня виноватый вид.

Розалин бросила что-то то ли мне, то ли в меня, и это что-то упало на пол.

Это были письма, которые я утром подняла с пола и оставила в кухне, когда нашла капсулы в переднике Розалин. Потом она бросила что-то еще, потяжелее, что упало на ковер с глухим шумом. Я сразу поняла, что это. И потянулась за дневником. Потом стала возиться с замком, чтобы посмотреть, восстановились ли сгоревшие страницы. Может быть, я изменила ход событий. Однако ответ я получила прежде, чем нашла его сама.

— Ты испортила мне все удовольствие, когда сожгла его. — На губах Розалин появилась кривая усмешка. — Артур и твоя мать дома. Наверно, мне не стоило оставлять их там одних... — Словно погрузившись в тяжелые размышления, она поглядела на дом у ворот и показалась мне незащищенной, милой тетушкой, пытающейся нести на своих плечах весь мир, так что еще немного, и я потянулась бы к ней, но тут она вновь обратила на меня ледяной взгляд: — Пришлось оставить. Я знала, что ты здесь. Сегодня у меня назначена встреча с полицейским Мерфи. Полагаю, ты не догадываешься зачем.

Задыхаясь, я покачала головой.

— Ужасная лгунья, — тихо проговорила она, — вся в мать.

— Не говорите так о моей маме.

У меня дрожал голос.

— Тамара, я всего лишь хотела ей помочь, — сказала Розалин. — Она не могла заснуть. Мучила себя. Все время заговаривала о прошлом, задавала вопросы каждый раз, когда я приносила ей еду... — Она словно говорила сама с собой, видимо, убеждая себя в своей правоте. — Я делала это для нее. Не для себя. Но она почти не ела, так что ей вряд ли перепало много порошка. Имей в виду, я делала это для нее.

Насупив брови и не зная, остановить ее или не мешать ей, я потянулась за письмами. Она замолчала, и я взглянула на адрес:

Артуру Килсани,
Владение Килсани
Килсани,

Мет

На другом конверте был такой же адрес, правда, адресатами были оба, Артур и Розалин.

— Но... — Я переводила взгляд с одного конверта на другой. — Но... Я не...

— Но, но, но, — передразнила меня Розалин, и по спине у меня побежали мурашки.

— Разве у Артура фамилия не Бирн? Как у мамы? — сорвавшись на визг, переспросила я. Розалин округлила глаза и усмехнулась:

— Ну и ну, ну и ну, а кошка-то оказалась не такой проникательной, как я думала.

Я постаралась собраться с силами и встать с пола. Когда же я это сделала, Розалин как будто напряглась и к чему-то приготовилась, пошевелив рукой, которая все еще оставалась у нее за спиной.

Вновь внимательно вчитываясь в надписи на конвертах, я пыталась сообразить что к чему.

— Мама не Килсани. Она была Бирн.

— Правильно. Она не Килсани и никогда не была Килсани, но всегда хотела ею стать. — Глаза Розалин оставались холодными как лед. — Ей всего-то и нужно было, что получить фамилию. Она всегда хотела того, что ей не принадлежало, маленькая воровка. — Розалин сплюнула. — Она была похожа на тебя, всегда оказывалась там, где никому не была нужна.

Я открыла рот.

— Розалин, — выдохнула я. — Что?.. Что с вами?

— Что со мной? Ничего со мной. Последние недели я только и делала, что готовила, чистила, все делала, за всеми присматривала, держала все в своих руках, как всегда, для двух неблагодарных... — Сначала она вновь округлила глаза, потом широко открыла рот и выкрикнула с такой злостью, что я закрыла уши: — Для неблагодарных ЛГУНИЙ!

— Розалин! — воскликнула я. — Хватит! Что с вами? — Я заплакала. — Не знаю, почему вы так говорите!

— Знаешь, детка, — прошипела она.

— Я не детка, не детка, не детка! — кричала я, давая волю словам, которые мучили меня долгое время и теперь становились все громче и громче с каждым вдохом.

— Ну, конечно. Ты должна была быть МОЕЙ ДЕТКОЙ! — орала Розалин. — Она отобрала тебя у меня! Ты должна была быть моей. И он тоже. Он был моим. А твоя мать отобрала его у меня!

И тут, словно из нее выпустили воздух, она обмякла и пошатнулась.

Я молчала, однако пристально следила за Розалин.

Вряд ли она говорила о Лоренсе Килсани — это было слишком давно, еще до моего рождения, значит, она говорила о...

— Папа, — прошептала я. — Вы были влюблены в моего папу.

Она посмотрела на меня, и такая мука была написана у нее на лице, что я почти ее пожалела.

— Вот почему папа никогда не приезжал сюда вместе с мамой. Вот почему он всегда оставался в Дублине. Что-то произошло между всеми вами много лет назад.

У Розалин несколько смягчилось лицо, и она расхохоталась. Сначала она несколько раз тихонько фыркнула, но потом откинула назад голову и стала громко смеяться.

— В Джорджа Гудвина? Ты серьезно? Джордж Гудвин всегда был неудачником, даже когда в первый раз появился тут в своем претенциозном маленьком автомобиле вместе со своим не менее претенциозным отцом, чтобы сделать предложение о покупке здешней земли. «Мы построим роскошный отель, роскошный курорт», — передразнила она моего отца, кстати, довольно точно, и я словно воочию увидела его в костюме в полоску, да и дедушку Тимоти тоже. Не хватало только красной кнопки, чтобы вызвать бульдозер и снести замок, а так он наверняка стал дьяволом для здешних людей, которые хотели защитить замок и свою землю. — Он хотел завладеть всем, включая твою мать, несмотря на ребенка. Самое лучшее, что он сделал, — это увез отсюда ее вместе с тобой. Нет! Самое лучшее, что он сделал, — это покончил с собой, чтобы не отобрали и эту землю тоже. Это самое лучшее и единственное, что сделал Джордж Гудвин. И он сам все понимал. Держу пари, он все знал, прежде чем сделал первый глоток виски...

— ХВАТИТ! — взвизгнула я. — ХВАТИТ!

И я бросилась к Розалин, чтобы ударить ее, залепить ей пощечину, сделать все что угодно, лишь бы она прекратила свое вранье, но она опередила меня. У нее были сильные руки, ставшие такими благодаря постоянной работе, раскатываемому тесту для пирогов, окучиванию чистых овощей, тяжелым подносам, бесконечной беготне по лестницам, поэтому, когда она схватила меня и оттолкнула, я почувствовала, что задыхаюсь, словно мне раздавили грудь. Отлетев к противоположной стене, я стукнулась головой об угол шкафа и упала, почти теряя сознание. Потом я заплакала. В глазах помутилось, во рту чувствовался вкус крови, хотя я не понимала, каким образом это получилось. Я не могла подняться, не могла

отыскать дверь.

Прошло какое-то время, наверное немалое, прежде чем я вновь увидела расплывающиеся очертания фигуры Розалин, все еще стоявшей в дверях. Ощущая подкатывающую к горлу тошноту, я заставила себя сесть и прикоснулась рукой к голове, отчего мои дрожащие пальцы сразу же стали красными от крови.

— Ну, ну, — ласково произнесла Розалин, — зачем ты это сделала, детка? Зачем вынудила меня сделать это? Нам надо договориться, что мы скажем дома. Ведь ты не можешь вернуться, как ни в чем не бывало, насмотревшись на все, что тут есть. Нет, нет, надо подумать. Сейчас мне надо подумать.

Тогда я пробормотала нечто невнятное, собственно, я сама не знала, что хотела сказать. Единственное, о чем я могла думать, так это только о ее словах, будто папа увез меня и маму отсюда, когда я уже была у мамы. Невозможно. Бессмыслица какая-то. Ерунда. Они встретились на каком-то банкете, и стоило ему увидеть ее, как он захотел с ней познакомиться. Так он сам говорил, да еще повторял это к месту и не к месту. Они оба влюбились. Потом появилась я. Так все было. И папа сам так рассказывал. Но, может быть, я неправильно поняла, может быть, Розалин выдумала свою историю? У меня ужасно болела голова, и я до того устала, а веки стали такими тяжелыми, что мне неодолимо хотелось их закрыть. Но тут до меня дошло, что Розалин произносит какие-то слова, правда, обращается не ко мне. Тогда я открыла глаза. Она смотрела в сторону и выглядела как будто напуганной.

— Ой, — воскликнула она вполголоса, — а я не слышала твоих шагов. Думала, ты в мастерской.

Видимо, появилась женщина, которая занималась стеклом. Если я крикну, то, наверное, она придет мне на помощь, но в эту секунду я услышала мужской голос и занервничала. Голос не принадлежал Артуру. И не принадлежал Уэсли — кстати, где же он? Неужели он тоже пострадал? Он пошел на стеклянное поле, там одни стекляшки. А мне почти каждую ночь снились кошмары, в которых присутствовало стекло. Под порывами ветра оно звенело, билось и кололось, пока я бегала туда-сюда по полю, пытаюсь выбраться под неусыпным наблюдением некой женщины. Где же теперь эта женщина?

— Пойдем в кухню, и я заварю тебе чаю? Неужели не хочешь чаю? Что это значит? Ты давно здесь стоишь? Она сама на меня набросилась. Я всего лишь защищалась. Пожалуй, отведу ее домой, как только придет в чувство.

Мужской голос произнес еще какие-то слова, и я услышала шаги на пластике. Сначала шаги, потом словно что-то тащили, потом опять шаги и опять как будто что-то тащили.

Я села, потом подползла к кровати и встала на ноги. Занятая беседой, Розалин не замечала моих передвижений. У меня не получалось разобрать слова, произносимые мужчиной, зато я отлично слышала, что ее голос становился все жестче и жестче. В нем уже не было нервозности, не было нежности, и он снова стал таким, каким был несколько минут назад. Голосом одержимого человека.

Я вспомнила, как сколько-то недель назад сестра Игнатиус подтвердила правильность моего восприятия этой женщины. Ей показалось интересным, что я назвала ее одержимой.

— Ты поэтому не пускал меня в свою комнату? Хотел, чтобы я узнала вот таким образом? Знаешь ли, это неправильно.

Снова заговорил мужчина, после чего сделал один шаг и что-то подтащил.

— А это что?

Наконец она вынула руку из-за спины и неожиданно для меня протянула ему мой стеклянный мобайл. Я хотела крикнуть, что мобайл принадлежит мне, однако в коридоре началось что-то непонятное.

— Ты сам знаешь, Лори, что мы так не договаривались. Я была счастлива, позволяя тебе заниматься стекляшками, потому что тебе этого очень хотелось... Я думала огонь и стекло излечат тебя после того... после всего, но ты зашел слишком далеко. Ты все разрушил, абсолютно все разрушил. Теперь твоя жизнь изменится. Придется ее изменить.

Лори. Лоренс Килсани. Покойся с миром.

Я похолодела. Она принимала воображаемого человека за реального. Или видела привидение. Нет, все не так. Я тоже слышала его.

Розалин произнесла еще несколько злых слов и, неожиданно выбросив вперед руку, швырнула в кого-то стеклянным мобайлом. Я услышала крик. И она прыгнула на мужчину, который поднял палку и отразил нападение, так что Розалин отлетела к стене и с грохотом свалилась на пол. Со страхом она смотрела на мужчину, и я тоже на всякий случай отодвинулась подальше, спрятав голову между колен, мечтая о том, чтобы оказаться далеко от всего этого ужаса, где угодно, только не в бунгало, вот только двигаться я была не в состоянии.

— Роза!

Кто-то позвал ее.

— Да, мамочка, — дрожащим голосом отозвалась Розалин, но все же

поднялась с пола. — Иду, мамочка.

В последний раз пристально посмотрев на мужчину, она побежала по коридору в комнату, где стоял телевизор.

Мужчина появился в дверях, и, хотя я была готова к его появлению, у меня непроизвольно вырвался крик. Длинные, довольно редкие волосы не скрывали обезображенного лица. Одна сторона выглядела так, словно расплавилась, а потом ее попытались расправить и неправильно растянули кожу. Мужчина тотчас поднял руку и попытался закрыть его. У него были длинные рукава, но когда он поднял руку, то обнажилась культя. Его левая сторона была практически сожжена, и плечо опущено так, как будто воск стекал со свечи на левый бок. Правда, глаза были большие и голубые, и один глаз сохранил безупречную форму на фоне нежной гладкой кожи, зато другой так глубоко провалился внутрь, что был виден один белок. Когда он сделал шаг-другой в мою сторону, я опять закричала.

Открылась задняя дверь, насколько я поняла по сквозняку. Послышались шаги, и мужчина, которого Розалин называла Лори, в страхе обернулся.

— Оставьте ее!

Я услышала крик Уэсли, и Лори, который показался мне потрясенным, опечаленным, испуганным, поднял руки. Потом в комнату вошел Уэсли и увидел меня. Наверное, я выглядела ужасно, потому что у него изменилось лицо, он потерял над собой контроль и толкнул Лори к стене, зажав рукой его шею.

— Что ты с ней сделал? — прорычал он в лицо Лори.

— Не трогай его, — я услышала, как произношу это, хотя голос мне не подчинился.

— Тамара, давай выбираться отсюда, — сказал Уэсли. У него побагровело лицо и на шее выступили жилы.

Не знаю как, но мне все же удалось подняться на ноги, и я, схватив дневник, бросилась прочь. Мне удалось положить руку на плечо Уэсли, чтобы тот отпустил Лори. Он послушался и потащил меня в коридор, не забыв пихнуть Лори внутрь, закрыть дверь и запереть ее. Потом он сунул ключ в карман, и я услышала, как мужчина закричал, прося его выпустить.

Глава двадцать третья

Хлебные крошки

Когда я приблизилась к повороту, откуда ни возьмись, выскочила Розалин и попыталась перехватить меня. Скорее всего, она появилась из парадной двери. Протянув руку, она хотела поймать меня за плечо, но я вывернулась, правда, она оцарапала меня, когда пыталась удержать. Я громко закричала. — За мной, — сказал Уэсли и побежал.

Я тоже побежала, однако неловкими толчками, чувствуя сильную боль в шее. И тут Розалин схватила меня за волосы, желая остановить, но я с силой ударила ее в живот, и она от неожиданности разжала пальцы.

Несмотря на ее поведение по отношению ко мне в последний час, я все же почувствовала себя виноватой и остановилась, чтобы посмотреть, как она. Розалин стояла, согнувшись пополам и ртом ловя воздух.

— Тамара, бежим! — кричал Уэсли.

А я не могла сдвинуться с места. Удивительно. Я не понимала, из-за чего мы подрались, почему Розалин набросилась на меня, и мне хотелось убедиться, что с ней все в порядке. Когда я подошла ближе, она подняла голову, отвела назад руку и пребольно ударила меня по лицу. Задолго до того, как она отвела ладонь, я ощутила острую боль. Уэсли потащил меня за собой, и мне ничего не оставалось, как подчиниться.

Мы пробежали по саду, что был за домом, мимо мастерской, которая отделяла обычную понятную жизнь дома от тайного стеклянного поля. И, едва оказавшись на этом поле, я осознала, какой сильный поднялся ветер. Он буквально грохотал, путая мне волосы, с ревом закрывая ими мое лицо, ослепляя меня, затыкая мне прядями рот. Уэсли так сильно сжимал мою руку, что для равновесия мне приходилось махать другой рукой, когда мы бежали по траве, стелющейся под напором ветра, и я не могла убрать с лица волосы. Со звоном раскачивались стеклашки, однако в их движении не было устойчивого ритма, и невозможно было предугадать, насколько они помешают нам в нашем стремлении удрать подальше. От них было трудно увернуться, и я то и дело попадалась под острые зазубрины.

Уэсли крепко держал меня за руку, и, помнится, я повторяла про себя: не отпускай, не отпускай. Время от времени он оборачивался, видимо, желая убедиться, что я никуда не исчезла, хотя он до того сильно сжимал мою руку, что странно, как не раздавил мне пальцы. Я видела страх в

глазах Уэсли, понимала, что он в ужасе от происходящего. Но мы были вместе, и я благодарила судьбу за такого друга. Согнувшись в три погибели под веревками со стекляшками, мы наконец-то выбрались из сада, и Уэсли начал соображать, в каком месте нам лучше перебраться через стену. Я же стояла на страже, ощущая жгучую боль в руках и на залитом кровью лице при каждом порыве ледяного ветра. Мне нельзя было упустить Розалин, которая почти тотчас появилась возле мастерской и оглядывала сад в поисках меня и Уэсли. Наши взгляды встретились. И она помчалась к нам.

Уэсли быстро двигался, собирая осколки камней, бетонных блоков, кладя их друг на друга, чтобы мы могли перелезть через стену. Наконец его сооружение достигло верха стены.

— Давай, Тамара, я помогу тебе.

Я положила дневник, и Уэсли обхватил меня за талию, но я и сама отчаянно цеплялась за все, что попадалось под руку, царапая в кровь локти и колени, пока не оказалась наверху. Уэсли подал мне дневник, и я спрыгнула со стены с другой стороны. Ноги пронзила жуткая боль, но прыгнувший следом Уэсли, не дав мне времени опомниться, вновь схватил меня за руку и потащил дальше.

Пока мы бежали через дорогу в дом у ворот, я громко кричала, зовя Артура и маму, едва мне удавалось набрать побольше воздуха в легкие. Однако мне никто не отвечал, дом молча взирав на нас, комнаты стояли пустые, и слышалось лишь тиканье дедушкиных часов. Мы с Уэсли взбежали вверх по лестнице, потом помчались вниз, открывая все двери, взывая к Артуру и маме. Если до тех пор я с ума сходила от беспокойства, то теперь меня охватила паника. Усевшись на кровать в своей комнате, я положила на колени дневник, не имея ни малейшего представления, что делать дальше. Потом я крепко прижала его к себе и заплакала. В голове тотчас прояснилось.

Я открыла дневник. Медленно, но верно сожженные страницы начали расправляться и разглаживаться прямо у меня на глазах, правда, слова получались не особенно аккуратными, да и линии тоже были ломаными, словно запись делалась в панике.

— Уэсли, — позвала я.

— Что? — отозвался он с лестницы.

— Нам надо идти, — крикнула я.

— Куда? — возмутился он. — Пора вызвать полицейских. О чем ты думаешь? Что за человек был в бунгало? Господи, ты видела его лицо?

Мне казалось, я слышу, как слова накачивают адреналин ему в жилы.

Тогда я быстро спрыгнула с кровати. Слишком быстро. Кровь

бросилась мне в голову, и комната поплыла у меня перед глазами. Несмотря на невесть откуда появившиеся черные пятна, я все же попробовала сделать шаг, второй, надеясь, что пятна как появились, так и исчезнут. Держась за стену и стараясь глубоко дышать, я вышла в коридор. В голове у меня с сумасшедшей скоростью стучал молот. Лоб стал потным и липким.

— Тамара, что с тобой?

Это были последние его слова, которые я слышала.

Дневник выпал из моих рук и со стуком упал на пол. После этого — ничего.

Когда я пришла в себя, то прямо над собой увидела изображение Девы Марии в голубом покрове, и она улыбалась мне с высоты. Ее тонкие губы с улыбкой уверяли меня, что все будет хорошо, а ее руки протягивали мне нечто вроде невидимого дара. Потом я вспомнила, что случилось в бунгало, и рывком села в постели. Однако с головой у меня все-таки было не очень хорошо, иначе мне бы не показалось, будто на нее очень сильно давит воздух.

— Ох, — простонала я.

— Тихо, тихо, Тамара, тебе надо лежать. Только не спеши, — услышала я тихий голос сестры Игнатиус, которая одной рукой взяла меня за руку, а другую положила мне на плечо, чтобы уложить меня, не потревожив многочисленные болячки.

— Голова, — прохрипела я, опять укладываясь в постель и глядя ей прямо в глаза.

— Тебя сильно ударили, — отозвалась сестра Игнатиус, протирая мне мокрым полотенцем кожу над глазом.

Ощувив жгучую боль, я вся сжалась.

— Уэсли? — испуганно спросила я, оглядываясь по сторонам и отталкивая ее руку. — Где он?

— Он с сестрой Концептуа. С ним ничего не случилось. Это он принес тебя сюда, — улыбнулась сестра Игнатиус.

— Тамара, — услышала я другой голос, и мама, подбежав ко мне, упала на колени. Она выглядела совсем по-другому. Во-первых, она сменила пеньюар на платье. Ее волосы были забраны на затылке в конский хвостик, лицо стало как будто тоньше, но глаза... несмотря на то что они были красные и заплаканные, как будто она долго плакала, ее глаза опять стали живыми. — Как ты?

Я не могла поверить, что она встала с кровати, поэтому молча смотрела на нее и ждала: неужели она опять впадет в транс? Тогда она потянулась ко мне и крепко поцеловала в лоб, так, что мне было почти

больно. Пробежав ладонью по моим волосам, она еще раз поцеловала меня и сказала, что просит у меня прощения.

— Ох, — поморщилась я, когда она задела рану на голове.

— Дорогая, извини. — Она тотчас отодвинулась и внимательно осмотрела мою голову и лицо. Выражение ее глаз стало озабоченным. — Уэсли сказал, что нашел тебя в спальне. Там был мужчина с безобразными...

— Он не тронул меня. — Я стремительно бросилась на его защиту, не совсем понимая, с чего бы это. — Туда пришла Розалин. Она была в ярости. Наговорила много лжи о тебе и папе. Я хотела, чтобы она замолчала, а она оттолкнула меня... — Я поднесла руку к ране. — Плохо дело?

— Шрама не будет. Расскажи о мужчине, — попросила мама дрожащим голосом.

— Они поскандалили. Кажется, она называла его Лори, — вдруг вспомнила я.

Сестра Игнатиус, словно под ней зашатался пол, буквально упала на диван. Мама поглядела на нее, крепко сжав губы, потом обернулась ко мне:

— Значит, это правда. Артур говорил правду.

— Невозможно, — прошептала сестра Игнатиус. — Дженнифер, мы же похоронили его. Он погиб во время пожара.

— Не погиб, сестра Игнатиус. Я видела его. Я была в его спальне. Там много фотографий. Их сотни на всех стенах.

— Он любил фотографировать, — произнесла она, словно размышляя вслух.

— И я на всех фотографиях, — проговорила я, переводя взгляд с сестры Игнатиус на маму. — Расскажите мне о нем. Кто он такой?

— Фотографии? Уэсли не упоминал о них, — побледнев и задрожав всем телом, прошептала сестра Игнатиус.

— Потому что он не видел, а я видела. Вся моя жизнь у него на стенах. — Слова застревали у меня в горле, но я не умолкала. — День, когда я родилась, мое крещение. — Я посмотрела на сестру Игнатиус и едва справилась с захлестнувшим меня гневом. — И вас я тоже видела.

— Ох. — Худыми старушечьими пальцами она стремительно закрыла рот. — Ох, Тамара.

— Почему вы не рассказали мне? Почему вы обе лгали?

— Я очень хотела тебе рассказать. — Сестра Игнатиус вскочила с дивана. — Говорила же я тебе, что никогда не лгу, что ты можешь спрашивать меня о чем угодно, но ты не спрашивала. А я ждала и ждала. Я

не считала, что это мое дело, и, видимо, напрасно. Теперь мне это ясно.

— Нельзя было допускать, чтобы ты вот так обо всем узнала, — дрожащим голосом произнесла мама.

— Вам обеим не хватило мужества сделать то, что сделала Розалин. Она рассказала мне. — Я оттолкнула мамину руку и отвернулась от нее. — Она рассказала мне любопытную историю о том, как папа и дедушка приехали сюда, желая купить здешние места под курорт. Она рассказала, как папа встретился с мамой и как он встретился со мной.

Я посмотрела на маму в ожидании, что она опровергнет эту ложь. Мама молчала.

— Скажи, что это неправда. — Глаза у меня наполнились слезами, голос прерывался. Я старалась быть сильной, но это было выше моих сил. Слишком много на меня навалилось. Сестра Игнатиус перекрестилась. Видно было, что она дрожала всем телом. — Скажите же, что мой папа — это мой папа.

Мама заплакала, потом слезы высохли у нее на щеках, она набрала полную грудь воздуха и словно снова стала сильной, как в прошлые времена. Когда она заговорила, ее голос звучал твердо и звонко:

— Ладно, Тамара, послушай меня и поверь, мы ничего не говорили тебе, потому что считали, что правильнее было сделать это много лет назад, и Джордж... — Она запнулась. — Джордж так сильно, всем сердцем, любил тебя, словно ты была его собственным ребенком...

Я вскрикнула, не в силах поверить тому, что услышала от мамы.

— Он не хотел, чтобы я рассказала тебе. И мы все время ссорились из-за этого. Это я виновата. Одна я виновата. Прости меня.

Слезы покатались у нее по щекам, и, хотя я не желала ей сочувствовать, хотела привести ее в замешательство, хотела показать, какую боль она мне причинила, у меня ничего не получилось. Как я могла оставаться спокойной? Мой мир изменился настолько стремительно, что я как будто слетела с орбиты.

Сестра Игнатиус поднялась с дивана и положила руку маме на голову, пока она что было сил старалась унять слезы, вытереть щеки и утешить меня. А я не могла смотреть на маму, потому что следила взглядом за сестрой Игнатиус, которая вдруг отошла к противоположной стене. Она открыла шкаф, вернулась и что-то подала мне.

— Вот. Я уже раньше пыталась отдать это тебе, — произнесла она со слезами на глазах. Подарок был завернут в бумагу.

— Сестра Игнатиус, мне сейчас не до подарков, ведь моя мама призналась, что лгала мне всю мою жизнь.

В моих словах было столько горечи, что мама поджала губы и наморщила лоб. Она медленно опустила голову, принимая упрек и даже не пытаясь оправдаться, отчего мне еще сильнее захотелось наорать на нее. Почему бы не воспользоваться случаем и не сказать ей все гадости, которые готовы были слететь у меня с языка в точности так же, как они летели в папу, когда мы с ним ссорились? Но я сдержала себя. В голове крутились мысли о последствиях и обо всем прочем, чему меня научил дневник.

— Разверни, — приказала сестра Игнатиус.

Сорвав бумагу, я обнаружила коробку, в которой лежал свернутый в рулон листок бумаги. Во все глаза я смотрела на сестру Игнатиус, но она встала на колени возле моей кровати, сложила руки и опустила голову, словно стала молиться.

Тогда я развернула этот листок, и он оказался свидетельством о крещении.

Сие Свидетельство о Крещении удостоверяет,
что Тамара Килсани,
рожденная 24 июля 1991 года
в замке Килсани графства Мет,
представлена миру
с Любовью
ее матерью, Дженнифер Бирн, и ее отцом,
Лоренсом Килсани,
в день
первого января 1992 года.

Я глядела на бумагу, вновь и вновь перечитывая написанные на ней слова и надеясь, что глаза обманывают меня. И не знала, с чего начать.

— Ладно, давайте по порядку. Здесь ошибка в дате.

Я старалась говорить уверенно, однако получилось жалко, и это было ясно даже мне. Над такими вещами не пошутишь.

— Извини, Тамара, — произнесла сестра Игнатиус.

— Так вот почему вы все время говорили, что мне семнадцать лет. — У меня в памяти пронеслись все наши беседы. — Но если это правда, то сегодня мне исполнилось восемнадцать лет... Маркус. — Я посмотрела ей прямо в глаза. — И вы собирались засадить его в тюрьму?

— Что? — Мама непонимающе смотрела то на меня, то на сестру Игнатиус. — Кто такой Маркус?

— Не твое дело, — отрезала я. — Сообщи тебе лет через двадцать.
— Пожалуйста, Тамара, — взмолилась она.
— Его могли засадить в тюрьму, — со злостью проговорила я, глядя на сестру Игнатиус.

В ответ сестра Игнатиус быстро-быстро замотала головой:

— Нет. Я все время просила Розалин, чтобы она сказала тебе. Пусть даже не тебе, а хотя бы полицейским. Она же отвечала, мол, все устроится. В конце концов я не выдержала и сама сообщила полицейским. Тамара, я поехала в Дублин к полицейскому Фицгиббону и собственноручно дала ему прочитать свидетельство о крещении. Конечно, мальчика обвиняли еще во взломе и проникновении в чужое жилище, но, учитывая обстоятельства, дело было прекращено.

— Что прекращено? О чем вы говорите? — спросила мама, с беспокойством глядя на сестру Игнатиус.

«Боже мой, если ты еще ничего не знаешь, значит, у тебя больше проблем, нежели я думал, Тамара. Послушай, я желаю тебе всего самого хорошего, только... не звони мне больше».

Тогда мы говорили с ним в последний раз. И к тому времени он уже знал, почему с него сняли обвинения. До чего же все казалось ужасным, если я не знала даже собственного возраста. Однако теперь мне хотя бы было известно, что с Маркусом все в порядке, и от моего гнева не осталось и следа. От гнева действительно не осталось и следа, зато волнение никуда не делось. В голове словно гремел набат. Я приложила ладонь к ране. Меня кормили лживыми рассказами, оставляя тропинку из хлебных крошек, которой я должна была следовать до поры до времени, а потом собственными силами разбираться в чужих хитросплетениях.

— Давайте по порядку. Розалин не солгала. Лори — мой отец. Урод... с фотографиями? — И я перешла на крик: — Почему же никто мне ничего не сказал? Почему вы позволили мне верить, что я потеряла своего отца?

— Ну же, Тамара, Джордж был твоим отцом. Он любил тебя больше всех на свете. Он растил тебя как собственную дочь. Он...

— ОН УМЕР! — крикнула я. — И все говорили, что я потеряла отца. Он тоже лгал мне. И ты лгала мне. Не могу поверить!

Я села на кровати, и у меня опять закружилась голова.

— Твоя мама считала, что Лори умер. Тамара, тебе тогда был всего годик. И у нее появился шанс начать новую жизнь. Джордж любил ее. Он любил тебя. Твоя мама решила начать все заново. У нее не было желания причинять тебе боль.

— Значит, все в порядке? — спросила я маму, хотя защищала ее сестра

Игнатиус.

— Нет, нет, конечно же нет. И все же она заслуживала счастья. Когда Лори умер, твоя мама совсем растерялась, — продолжала сестра Игнатиус.

— Но он не умер, — возразила я на повышенных тонах. — Он живет в бунгало и каждый чертов день ест сэндвичи и яблочный пирог. Розалин знала, что он выжил.

При этих словах мама, наверное, упала бы, не поддержи ее сестра Игнатиус, и по ее лицу было видно, какое она переживает горе. Тут я замерла, понимая, что лгали не только мне. Только что мама узнала, что человек, которого она любила, не умер. В какую же ужасную игру они все тут играли?

— Мамочка, прости, — тихонько проговорила я.

— Ах, дорогая, — всхлипнула она, — наверно, я заслужила все это тем, как поступила с тобой.

— Нет. Нет, ты не заслужила. Это он не заслуживал тебя. Каким нужно быть идиотом, чтобы объявить себя мертвым?

— Думаю, он пытался защитить ее, — заявила сестра Игнатиус. — Он пытался дать вам обоим лучшую жизнь, какую сам не мог дать ни твоей маме, ни тебе.

— Артур сказал, что его ужасно покалечило. — Мама вопросительно посмотрела на меня: — Как... как он выглядит? Он был добр к тебе?

— Артур? — Я насторожилась. — Артур Килсани? Он — брат Лори? Мама кивнула и опять залилась слезами.

— С вами со всеми не соскучишься, — произнесла я, однако куда менее сердито. У меня просто не осталось сил.

— Он не хотел лгать, — сказала она, тоже как будто обессиленная. — Теперь понятно, почему он был против. Он говорил, что хочет быть твоим дядей, но никогда не говорил, будто он мой брат. А потом ты сама сделала неправильный вывод, и он смирился...

Мама махнула рукой, осознавая нелепость своих слов. В это время пришел Уэсли.

— Полицейские уже в пути. Ты как? — Он поглядел на меня. — Он был груб с тобой?

— Нет-нет, ничего подобного. — Я потерла глаза. — Он спас меня от Розалин.

— А я думал, что он...

— Нет, — сказала я и для пущей убедительности замотала головой.

— Я запер его в спальне, — виновато произнес Уэсли, вынимая из кармана ключ. — Мне показалось, что он хотел напасть на тебя.

— О нет.

Мой гнев улетучился. Мне стало жалко Лори. Ведь он пытался защитить меня. И он вручил мне подарок. Значит, он помнил о моем дне рождения. О моем восемнадцатом дне рождения. Конечно же помнил. И как я отблагодарила его? Заперла на ключ.

— Где Артур? — спросила сестра Игнатиус.

— Пошел в бунгало за Розалин.

И тут я вспомнила. Дневник.

— Нет!

Я напрягла все силы, стараясь встать.

— Дорогая, тебе нельзя, — сказала мама, пытаясь уложить меня обратно. Но я не поддавалась.

— Его надо выпустить. — Я запаниковала. — Что я тут делаю столько времени? Уэсли, быстрее, вызывай пожарных.

— Зачем?

— Дорогая, успокойся, — встревоженно произнесла мама. — Лежи и...

— Да нет же. Послушайте. Уэсли, в дневнике все есть. Надо что-то делать. Вызывай пожарных.

— Тамара, это всего лишь книга, всего лишь... — Но до сих пор абсолютно все сбывалось, — отозвалась я. Уэсли кивнул.

— О чем вы говорите? — подходя к окну, неожиданно спросила мама.

Вдалеке, над деревьями, в небо поднимались клубы дыма.

— Розалин, — с такой злобой произнесла сестра Игнатиус, что я похолодела. — Вызывай пожарных, — приказала она Уэсли.

— Дай мне ключ! — крикнула я, забирая ключ у Уэсли и выбегая из комнаты. — Я должна спасти его. Еще раз я его не потеряю.

Мне было слышно, как они кричали, но я не остановилась. Я не слушала их криков. Я мчалась между деревьями на запах горелого дерева, мчалась прямо к бунгало. Совсем недавно я потеряла отца, который вырастил меня, и не собиралась терять своего другого отца.

Глава двадцать четвертая

Грезы о мертвецах

Когда я прибежала к бунгалу, там уже стояла полицейская машина. Розалин, насколько мне было видно, стояла вместе со своей матерью на заросшем травой месте. С ней разговаривал довольно нетерпеливый полицейский, который снова и снова спрашивал, не остался ли кто внутри. Закрывая лицо руками, Розалин громко рыдала и время от времени оглядывалась на дом, словно не могла решить, что сказать. Артур тоже был там, он орал на Розалин, тряс ее за плечи и требовал ответа.

— Он в мастерской! — не выдержав, пронзительно взвизгнула Розалин.

— Его там нет, я смотрел! — крикнул Артур.

— Он должен быть там! — визжала Розалин. — Он должен быть там. Он всегда запирает спальню, когда идет туда.

— Кто? — неумолимо допытывался полицейский. — Кто еще есть в доме?

— Его там нет, — хрипло отозвался Артур. — Господи, что ты сделала, женщина?

— Боже мой, — громко повторяла Розалин, а ее мать тихонько плакала, стоя рядом с ней.

Вдалеке послышался вой сирен.

Не обращая ни на кого внимания, я незаметно промчалась по боковой тропинке в сторону задней двери бунгалу. Повсюду был дым, он заполнил весь коридор, такой черный и густой, что вскоре я наглоталась его и он стал меня душить. Пришлось опуститься на колени, меня стало тошнить, я не могла дышать, у меня ужасно болели глаза, и я терла и терла, делая себе только хуже. Тогда я обернула лицо кардиганом. Но сначала намочила кардиган снаружи в холодной воде, прежде чем закрыть им рот и нос. Зажмурив один глаз, я стала продвигаться параллельно стене. Линолеум на полу стремительно нагревался, и мои шлепанцы стали к нему прилипать. Пришлось держаться поближе к стенам, где была уложена плитка, и в конце концов я все же добралась до нужной спальни. Тут я неосторожно положила ладонь на металлическую ручку и, естественно, обожглась, так что отпустила ее и вся съежилась, маша рукой, кашляя, стараясь не тереть глаза, борясь с тошнотой и ожогом. Открытая дверь в конце коридора

пропускала воздух, и помещение немного проветривалось, поэтому я знала, что мое положение не смертельно опасно. В любую минуту я могла воспользоваться этой дверью.

Потом я вставила ключ в замочную скважину, молясь, чтобы она не расплавилась, и повернула его. Отступив на шаг, я ногой распахнула дверь. В комнату ворвался дым, и пришлось дверь захлопнуть. От жары на фотографиях загибались края. Огня видно не было, но мне хватало и дыма, густого черного дыма, заполнявшего мои легкие. Я попыталась крикнуть, но это оказалось напрасной затеей из-за кашля, и мне оставалось лишь надеяться, что Лори слышит меня и знает, кто я.

Нащупав кровать, я поняла, что он лежит на ней, и дотронулась до его лица, его прекрасного изуродованного лица, которому досталось не меньше, чем за?мку с его древней историей, притягивавшему меня к себе и не отпускавшему от себя. Я коснулась его век. Глаза были закрыты. Тогда я потрясла Лори, изо всех сил стараясь привести его в чувство. Не получилось. Он был без сознания. Спинай я чувствовала страшный жар, из двери палило огнем. Ясно, что скоро он достал бы меня в этой комнате, на стенах которой висело множество моих фотографий. Тогда я сорвала занавески, впуская свет в сумеречную, задымленную спальню моего отца. Я решила открыть окна, но они оказались запертыми. Ключей я не нашла. Тогда взяла стул и стала бить им в стекло, однако разбить его у меня не хватило сил. После этого я попробовала поднять моего отца, но он был слишком тяжелым для меня. Надо было поставить его на ноги, и опять у меня ничего не вышло. Тем временем усталость брала свое, у меня почти не оставалось сил, как я ни крепилась, да и голова шла кругом. Я легла рядом с ним и постаралась его разбудить. Держала его за руку. И так мы лежали вместе в кровати. Я не собиралась бросать его одного.

Неожиданно мне привиделся замок, банкетный зал с длинными столами, на которых стояли блюда с фазанами и поросятами, истекающими жиром и политыми соусами, с вкуснейшими утками и овощами, бутылки с вином и шампанским. Потом появилась сестра Игнатиус и стала кричать, чтобы я толкала, а я не знала, что толкать. Видеть я ее не видела, зато хорошо слышала. Потом тьма рассеялась, комната наполнилась ярким, чудесным светом, и я оказалась в объятиях сестры Игнатиус. Потом было стеклянное поле, по которому я бегала и бегала и никак не могла убежать от Розалин. И я держалась за руку Уэсли, как было прежде, только это был не Уэсли, это был Лори. Но он был не такой, каким я увидела его сегодня, а такой, как на фотографиях, красивый, молодой, плутоватый. Он оборачивался и улыбался мне, открывая и закрывая безупречно белые зубы,

когда хохотал во все горло, и я поняла, насколько мы похожи, ведь всю жизнь мне не давало покоя то, что я не похожа ни на маму, ни на папу, а теперь все стало на свое место. Его нос, его губы, его щеки и глаза были в точности такими, как у меня. Он держал меня за руку и говорил мне, что все образуется. Мы бежали вместе, улыбаясь и смеясь на бегу и совсем не думая о Розалин, потому что она не могла догнать нас. Вместе мы могли убежать от всего мира. А потом я увидела на краю поля моего другого отца, который хлопал в ладоши и подбадривал нас, словно я опять была ребенком, и мы выступали за наш район в клубе любителей регби. Лори куда-то делся, и теперь мы с мамой бежали вместе «на трех ногах», как мы делали, когда я была совсем маленькой. Мама выглядела испуганной, она не смеялась, наоборот, была чем-то озабочена и скоро исчезла, а на ее месте вновь появился Лори. Мы бежали, спотыкаясь едва ли не на каждом шагу, и папа, смеясь, подбадривал нас и манил к себе, он стоял, широко раскинув руки, готовый в любую минуту подхватить нас, когда мы пересечем финишную черту.

Неожиданно на поле взорвались все стеклянные мобайлы, разлетелись на миллионы осколков, и я отпустила руку Лори. Меня звал папа, и я открыла глаза. В комнате было много разбитого стекла, мы были усыпаны им с ног до головы, осколки валялись на полу, и из окна вырывался чад. Я увидела вылетевшую в окно страшную гигантскую желтую клешню, следом за которой тянулся дым. Однако это не остановило огонь. Он сжигал фотографии, с невероятной скоростью перепрыгивая с одной на другую, свирепо набрасываясь на все вокруг, словно оставляя нас напоследок. Скоро должна была наступить наша очередь. Потом я увидела Артура. Увидела сестру Игнатиус. Мамино лицо, испуганное, взволнованное, живое. Она была снаружи, двигалась, разговаривала, несмотря на страх, и мне стало легче. Кто-то обнял меня, и вот я уже не в доме, хотя и кашляю, и отплеываюсь. Мне трудно дышать, и меня кладут на траву. Прежде чем закрыть глаза, я проверяю рядом ли мама. Она целует меня, потом я вижу, как она обнимает Лори, плачет и плачет, и ее слезы падают ему на голову, словно только слезами можно погасить огонь, разделивший их.

В первый раз с тех пор, как я нашла папу мертвым на полу в его кабинете, я облегченно вздыхаю.

Глава двадцать пятая

Маленькая девочка

В некие времена жила-была в бунгало маленькая девочка. Она была младшей дочерью в семье, и у нее имелись умная старшая сестра и красивый старший брат, на которого оборачивались на улице и с которым заговаривали чужие люди. Девочка стала последышем для родителей, давно забывших о детском лепете в своем доме. О ней не только не мечтали, ее не хотели, и она отлично об этом знала. В сорок семь лет, через двадцать два года после последних родов ее мама не была готова к появлению еще одного ребенка. Старшие дети давно выросли и разъехались. Дочь Хелен жила в Корке и работала учительницей в младших классах, а сын Брайан нашел свое место компьютерного аналитика в Бостоне. Они редко навещали родителей. Для Брайана такая поездка была чрезмерно дорогой, да и мать предпочитала проводить каникулы в Корке. Редко видясь с ними, маленькая девочка едва знала людей, называвших себя ее братом и сестрой, у которых были свои дети, кстати, постарше, чем она. Они тоже почти не знали свою маленькую сестру, не знали, что она собой представляет и чего хочет в жизни. Слишком поздно она появилась на свет, чтобы семейные узы, объединявшие старших, включили и ее в семейный круг.

Отец маленькой девочки был охотником и рыболовом в замке Килсани, который находился через дорогу. Мать служила там же поварихой. Малышке нравилось, как были устроены ее родители, она гордилась их такой невероятной близостью к знатым людям и тем, что в школе ее считали частью семьи Килсани. Ей нравилось быть посвященной в сплетни, о которых из ее ровесниц больше никто понятия не имел. К тому же ее семья всегда получала щедрые подарки на Рождество, не считая остатков еды, ненужных тканей и обоев, оставшихся после ремонта или генеральной уборки. Земли вокруг замка были частной собственностью, запретной для всех, кроме маленькой девочки, которой разрешалось играть внутри стен. Для нее это была безусловная честь, и она бы все сделала для своих родителей, чтобы не лишиться ее, исполнила бы любое поручение, бесконечно бегала бы к папе Джо и огороднику Пэдди с записками от мамы, в которых говорилось, какая рыба и какие овощи понадобятся ей к обеду.

Маленькая девочка обожала те дни, когда ей разрешалось посетить замок. Если она заболела и не ходила в школу, ее мама боялась оставлять дочь дома одну. Мистер и миссис Килсани относились к этому с пониманием. Они разрешали маме приводить с собой ребенка, понимая, что той негде и не с кем оставить малышку, тогда как она отлично заботилась об их трехразовом питании на те деньги, которые таяли день ото дня. Маленькая девочка сидела в уголке просторной кухни и наблюдала, как мама весь день истекает потом над горячими горшками и ревущей плитой. Она должна была вести себя тихо и не мешать маме, но никто не мешал ей наблюдать за происходящим. Учась материнской стряпне, она одновременно подмечала все нюансы поведения обитателей замка.

Ей было известно, что, когда мистеру Килсани предстояло принять решение, он уходил в дубовую комнату, останавливался в центре, заложив руки за спину и глядя на портреты своих предков, которые благосклонно смотрели на него с больших парадных портретов в вычурных золоченых рамах. Покидал он дубовую комнату, высоко подняв голову и горя нетерпением совершить нечто грандиозное, как солдат, получивший выговор от своего командира.

Она также видела, что миссис Килсани, помешанная на своих собаках и, не в силах их поймать, бегавшая за ними как угорелая вокруг дома, не замечала многого из творившегося вокруг нее. Куда больше внимания она уделяла собакам, особенно проказливому спаниелю короля Карла по кличке Месси, который никак не поддавался дрессировке и постоянно занимал мысли своей хозяйки, любившей о нем поговорить. Она не обращала внимания на своих сыновей, искавших ее ласки, и на своего мужа, влюбленного в не слишком привлекательную горничную Магделин, которая, улыбаясь, демонстрировала гнилой передний зуб и проводила много времени за уборкой в хозяйской спальне, пока миссис Килсани бегала со своими собаками.

Маленькая девочка обратила внимание, что миссис Килсани выходит из себя при виде засохших цветов, и тогда она принялась проверять все вазы на своем пути, словно это стало ее наваждением. Она с удовольствием улыбалась, когда каждое третье утро приходила монахиня со свежими букетами, срезанными в саду за стеной. Потом, едва за монахиней закрывалась дверь, она буквально набрасывалась на цветы, безжалостно удаляя все, не соответствовавшие ее представлению о совершенстве. Маленькая девочка обожала миссис Килсани, восхищалась ее твидовыми костюмами и коричневыми сапогами для верховой езды, которые она надевала, даже когда не совершала конных прогулок. Тем не менее

маленькая девочка дала себе слово, что не допустит вольностей в своем доме. Она обожала хозяйку и все-таки считала ее дурой.

О муже хозяйки девочка почти не задумывалась и вовсе не интересовалась его играми с уродливой горничной, даже когда он щекотал ей задницу метелкой для смахивания пыли и веселился, будто младенец. А мужчина считал девочку слишком маленькой, чтобы что-то замечать и что-то понимать. Ей не очень нравился мистер Килсани, а тот считал ее дурой.

Маленькая девочка все видела. И она дала себе слово, что всегда будет знать обо всем, творящемся в ее доме.

Ей нравилось наблюдать и за двумя мальчиками, сыновьями хозяев замка. Они всегда были готовы пошалить, вечно бегали по коридорам, опрокидывая все на своем пути, разбивая, наверное, ценные вещи, вызывая гнев прислуги и ввязываясь с ней в ожесточенную перепалку. В первую очередь ее внимание привлекал старший сын хозяйки. Это он замышлял все каверзы. Младший же был по-рассудительнее и следовал за старшим братом в основном из желания присмотреть за ним. Старшим был Лоренс, или, как его звали все, Лори. Он как будто никогда не замечал маленькую девочку, хотя она всегда находилась поблизости, чувствуя себя втянутой в чужую игру, пусть даже без приглашения, и всем сердцем отдаваясь ей в своем воображении.

Зато младший брат Артур, или Арти, как его называли, обращал на девочку внимание. Он не приглашал ее поиграть с ним, хотя редко делал что-нибудь по собственному почину, предпочитая следовать за братом, но если Лори совершал глупость, Арти обычно оглядывался на девочку, вращал глазами или отпускал шуточку, чтобы позабавить ее. Однако ей это не нравилось. Она постоянно ждала, что Лори обратит на нее внимание, и чем дольше он игнорировал ее, тем сильнее, навязчивее становилось ее ожидание. Иногда, если он бегал один, она нарочно вставала у него на пути. Маленькой девочке хотелось, чтобы он остановился или хотя бы посмотрел, даже прикрикнул на нее. А он просто-напросто обегал ее. Если он и Арти играли в прятки, то она помогала ему и показывала укромное место Арти. Однако Лори делал вид, будто не видит ее жестов, и искал брата в другом месте, а потом кричал, что тот победил. Ему ничего не надо было от нее.

Маленькая девочка довольно часто пропускала школу и оставалась дома, чтобы провести побольше времени в замке. Больше всего она любила летние каникулы, когда можно было каждый день гулять в усадьбе Килсани, не делая вид, будто ее одолел кашель или у нее разболелся живот. Как раз летом, когда маленькой девочке исполнилось семь лет, Арти —

восемь и Лори — девять, она играла одна в парке и мать окликнула ее. Мистер и миссис Килсани собирались уехать на целый день, чтобы принять участие в охоте на лису у своих кузенов в Балбриггане. Миссис Килсани позвала маму маленькой девочки в свою комнату, чтобы та помогла ей с платьем оливкового цвета, у которого была юбка до пола и жемчужное шитье, и с меховой накидкой, а потом осталась бы вместо хозяйки на весь день. Когда же повариха вышла в коридор, то по лицам мальчиков сразу поняла, что у них не все ладно.

— Сегодня прекрасный день, так что лучше вам поиграть на улице и подышать свежим воздухом, — сказала мать маленькой девочки. — И Розалин тоже поиграет с вами.

— Не хочу с ней играть, — заявил Лори, все еще не глядя на маленькую девочку, которая теперь, по крайней мере, знала, что она не невидимка и он замечает ее.

— Мальчики, постарайтесь быть с ней милыми. Поздоровайтесь с Розалин.

Однако мальчики продолжали стоять с крепко сжатыми губами, и тогда матери маленькой девочки пришлось прикрикнуть на них.

— Здравствуй, Розалин, — пробурчали братья. В это время Лори стоял низко опустив голову, а Арти робко ей улыбался.

До этого дня у маленькой девочки словно вовсе не было имени. Когда же она услышала, как он произнес «Розалин», ее как будто крестили заново.

— А теперь бегите, — сказала ее мама. Мальчики рванули прочь, и Розалин побежала следом за ними.

Углубившись в лес, они остановились, и Лори принялся изучать муравьиные ходы.

— Меня зовут Арти, — произнес младший брат.

— Не разговаривай с ней, — раздраженно проговорил Лори, поднимая с земли палку и размахивая ею, словно вступил с кем-то в поединок.

Игнорируя маленькую девочку и своего брата, Лори сосредоточил внимание на дупле в дереве и стал тыкать в него палкой. Неожиданно послышались голоса, и Лори, наострив уши, направился в ту сторону. Он поднял руку, и остальные, остановившись, стали высматривать чужаков, а увидели слугу Пэдди, который, стоя на коленях, занимался ежевикой. Рядом с ним, в тачке, лежала девочка со светлыми кудряшками лет двух от роду.

— Кто она такая? — спросил Лори, и в его голосе Розалин учуяла опасные ноты, однако, взволнованная их первым разговором, ответила, тщательно контролируя свой голос, несмотря на громко бьющееся

сердечко, ибо она желала стать для него совершенством.

— Это Дженнифер Бирн, — ответила Розалин, напустив на себя важность в подражание миссис Килсани. — Пэдди — ее папа.

— Пусть она поиграет с нами, — сказал Лори.

— Она же еще совсем маленькая, — возразила Розалин.

— И смешная, — заметил Лори, глядя на наслаждавшуюся жизнью Дженнифер.

С того дня их стало четверо. Каждый день Лори, Арти, Розалин и Дженнифер играли вместе. Мальчики сами, по своей воле, пригласили Дженнифер, тогда как Розалин была им навязана. И Розалин всегда помнила об этом. Даже когда Лори целовал ее в кустах или когда они несколько недель были почти женихом и невестой, она знала, что предпочитает он маленькую Дженнифер. Так было всегда. Дженнифер заворочила Лори сразу и навсегда. Лори нравилось в ней все, и что она говорила, и как она ходила, он всегда стремился быть с ней рядом.

Год от года Дженнифер становилась все привлекательнее, хотя сама и не подозревала о своих чарах. В одно прекрасное лето она вдруг несказанно похорошела. Откуда только взялись пышная грудь, осиная талия, округлые бедра? Потеряв мать в три года, она была настоящим сорванцом, лазала по деревьям, бегала наперегонки с Лори и Арти, раздевалась и ныряла в озеро, ни на кого не обращая внимания. Ей хотелось приобщить и Розалин к таким развлечениям, но у нее ничего не получалось, и она искренне недоумевала, почему Розалин не такая, как она. А Розалин, со своей стороны, ждала, когда наступит ее час. Она знала, что рано или поздно девочки-сорванцы перестают нравиться мальчикам, они теряют к таким девочкам интерес. Наступает день, и мальчики отправляются на поиск настоящей женщины — вот тогда и наступит ее черед. Розалин будет не хуже миссис Килсани, она сумеет управлять замком, готовить еду, дрессировать собак и добиться того, чтобы монахини приносили в замок только самые лучшие цветы. Она мечтала, что когда-нибудь Лори будет принадлежать ей, что они станут вместе жить в замке, присматривать за собаками и цветами, а еще Лори будет получать вдохновение от своих предков, изображенных на парадных портретах в дубовой комнате.

Когда мальчиков отправили в закрытую школу, Лори писал письма только Дженнифер, а Арти — обеим девочкам. Розалин ничего не рассказывала об этом Дженнифер. Она делала вид, будто тоже получает письма от Лори, но их нельзя читать вслух, настолько они личные. Однако Дженнифер не выказывала недовольства, слишком уверенная в своей

дружбе с братьями, и от этого Розалин ревновала еще сильнее. А потом, когда мальчики учились в колледже, мать Розалин совсем разболелась, постаревший отец тоже, и им не хватало денег, так как старшие дети были слишком далеко, чтобы помочь. Пришлось родителям Розалин зависеть от ребенка, от которого они никогда не желали зависеть. Розалин бросила школу и взяла на себя обязанности поварихи в замке, а Дженнифер продолжала радоваться жизни и наносить визиты братьям Килсани, учившимся в Дублине.

Это было худшее время в жизни Розалин. Недели тянулись долго и скучно. Она жила ожиданием Лори, жила мечтами, вспоминала прошлое и воображала будущее, пока остальные трое занимались чудесными вещами — Лори учился в школе искусств и посылал домой свои творения из стекла, Арти изучал садоводство, а Дженнифер, стоило ей выйти из дома, тотчас получала приглашения стать моделью. Когда они возвращались домой на каникулы, Розалин сияла от счастья, разве что ей хотелось, чтобы Лори хоть раз посмотрел на нее так, как он смотрел на Дженнифер.

Розалин понятия не имела, сколько времени продолжался их роман. Оставалось только предполагать, что начался он в Дублине, пока сама она щипала фазанов и чистила рыбу. Неизвестно, сказали бы об этом, если бы в один ужасный день она не привела Лори к яблоне и не рассказала о своих чувствах, показав надпись на дереве: «Роза любит Лори». Розалин была уверена, что Лори оценит ее признание, что он сумеет разглядеть ее достоинства, увидит в ней будущую хозяйку замка, которая отлично справляется с делами в его отсутствие. О таком дне она мечтала месяцами, да что там месяцами — многими годами.

Однако все получилось не так, как мечтала Розалин. Совсем не так, как ей грезилось годами, тем более месяцами, проведенными в кухне замка. Ей стало темно и холодно. Отец умер, братья приехали на похороны, старшая сестра Розалин хотела забрать мать к себе в Корк, но без матери Розалин оставалась в полном одиночестве, и она дала слово хорошо за ней присматривать. Дженнифер обещала ей свою дружбу, и Розалин приняла ее, не переставая ненавидеть Дженнифер, ненавидеть ее разговоры, ее поступки, ненавидеть ее за любовь к ней Лори.

Осенью 1990 года Дженнифер забеременела. От жизни Розалин остались одни руины. Хозяйка замка Килсани с распростертыми объятиями приняли Дженнифер. Довольная миссис Килсани показывала ей свои наряды, свое подвенечное платье — короче говоря, все то, что должно было принадлежать Розалин. Каждую неделю Дженнифер и ее отца приглашали к обеду. И Розалин готовила для них. Такое унижение не забывается.

Ребенок родился на две недели раньше и не дал матери времени доехать до больницы. Темной ночью Розалин побежала за старой монахиней. На свет появилась девочка. Ее назвали Тамарой в честь матери Дженнифер, которая умерла, когда Дженнифер была еще совсем крохой. Дженнифер и Лори еще не обвенчались, но жили вместе в замке. Розалин и Артур стали крестными родителями девочки, а крещение провели в часовне при замке.

Жизнь в замке не была простой. Семейству Килсани стало трудно содержать замок, денег не хватало, и в конце концов положение владельцев оказалось отчаянным. Убирать, топить, поддерживать в жилом состоянии все комнаты было слишком обременительно. И однажды члены семьи сошлись за обедом, чтобы обсудить свои проблемы. Спрятавшись поблизости, Розалин все слышала.

Наверное, придется открыть замок для публики. Каждую субботу они будут пускать посетителей в свой дом, чтобы те разглядывали фотографии на письменных столах восемнадцатого века, фамильные портреты в дубовой комнате, заходили в часовню, перебирали письма лордов и леди, политиков и бунтарей времен великих восстаний.

— Нет, — плакала миссис Килсани, — я не позволю никому глазеть на нас, словно мы в зоопарке. Но как же нам все-таки платить по счетам? Билет в несколько фунтов с взрослого посетителя не починит крышу, не заплатит жалованье Пэдди и не избавит нас от счетов за уголь.

И все-таки решение было найдено. В один прекрасный день в Килсани на своем «бентли» приехали девелоперы Тимоти и Джордж Гудвины, и они глазам своим не поверили, когда увидели призамковые земли, прекрасные виды, озера, оленей, фазанов. Это уже само по себе было как тематический парк. А они еще ясно представляли, как из всего этого богатства извлечь деньги. Элегантный, но грубый Тимоти Гудвин, в костюме-тройке и с чековой книжкой во внутреннем кармане, мгновенно влюбился во владения Килсани. Джордж Гудвин влюбился в Дженнифер Бирн. Для Розалин это был счастливейший день в жизни. Подавая обед в огромной столовой, она не могла не заметить, что Джордж Гудвин не сводит глаз с Дженнифер, почти не разговаривает с Лори и много играет с малышкой. Это видели все, кто сидел за столом, и Лори конечно же тоже. А Дженнифер, хоть и была мила с Гудвином, обожала Лори.

Потом Гудвины вновь и вновь возвращались в Килсани, чтобы сделать обмеры, привезти рабочих, архитекторов, инженеров, геодезистов. Джордж приезжал гораздо чаще, чем его отец, якобы желая обсудить то одну, то другую деталь проекта. А Розалин поняла, что у нее, возможно, появился

шанс заполучить Лори. Однажды вечером она услышала, как Джордж обещает Дженнифер солнце, луну, звезды. Никто не мог не влюбиться в Дженнифер. И это было ее бедой — она посылала некие сигналы, заманивала мужчин в свою паутину и понятия не имела, сколько жизней успела погубить. Признавая Джорджа Гудвина приятным и добрым человеком, она все же отвергла его притязания.

Однако у Розалин появились свои планы на будущее.

Как-то Лори перехватил ее в буфетной, где она ревела белугой. Поначалу Розалин ничего не хотела ему говорить, не хотела его расстраивать. Мол, это ее не касается, тем более что Дженнифер — ее подруга. Однако Лори в конце концов уговорил ее, и она рассказала, чему стала свидетельницей. Ей было больно видеть тень, появившуюся у него в глазах. Ей было до того больно, что она прямо там и тогда же захотела забрать свои слова обратно, но Лори взял ее руку, погладил ее, обнял Розалин и сказал, что она всегда была ему настоящим другом, хотя он и не умел этого оценить. Ну как тут брать свои слова обратно?

Ночь была долгой, и выяснение отношений тоже было долгим. Розалин не стала вмешиваться, потому что Лори и Дженнифер своими попреками сами причинили себе куда больше вреда, чем это могла бы сделать Розалин. Лори не сказал Дженнифер, что на нее насплетничала Розалин. И Розалин это было на руку. Она даже подставила свое плечо, чтобы Дженнифер могла выплакаться на нем и выслушать противоречивые советы старшей подруги. В ту ночь Дженнифер спала в доме у ворот, потому что Лори не желал ее видеть. Дженнифер пришла к Розалин, когда та с легким сердцем убиралась в кухне, довольная затеянной ею интригой, и принесла с собой письмо. Розалин прочитала его, и, хотя плакала она редко, в тот раз она была искренней, когда не смогла сдержать слезы. Дженнифер попросила ее передать письмо Лори, но Розалин бросила его в огонь. Правда, в эту минуту в кухню пришла маленькая дочь Дженнифер и Лори, которая была настолько похожа на отца, что у Розалин защемило сердце и она подвинула письмо, которое поедал огонь, а потом бросила его в мусорное ведро. Взяв малышку на руки, она отнесла ее в постель. Потом ушла домой.

В ту ночь случился пожар. Розалин не была уверена, что причина пожара не в письме, тем более что было установлено — огонь пришел из кухни. Однако ее никто не попрекнул ни словом, ни делом. Маленькую девочку спас Лори. После этого он вернулся в дом за какими-то ценными вещами. А потом Дженнифер узнала, что Лори погиб в огне. Лори не захотел возвращаться к Дженнифер, чтобы не привязывать ее к себе из

чувства долга. Насколько ему было известно, Джордж Гудвин завладел ее сердцем и у него было что ей предложить. Решение конечно же было его, но и тут не обошлось без Розалин, которая подтолкнула его к этому решению. Действительно, ему нечего было дать Дженнифер. У него больше не было ни замка, ни земли (проданной), он не владел одной рукой и ногой. И потом, он стал уродлив, словно сгнившее дерево. Арти не соглашался с Лори, однако не смог убедить его, что нехорошо обманывать Дженнифер. С тех пор братья не перемолвились ни словом, даже когда поселились друг против друга через дорогу.

Несколько месяцев Дженнифер не могла прийти в себя, отказывалась выходить из дома, отказывалась жить. Тем не менее молодость взяла свое, когда в дверь постучался симпатичный и успешный джентльмен, пожелавший спасти ее и увезти подальше от родных мест. И опять определенную роль в решении Дженнифер сыграла Розалин. Она отлично все продумала. Конечно же ей в голову не приходило поджигать дом и уродовать несчастного Лори, но что было, то было, и, слава богу, это сработало ей во благо. Арти поселился в доме у ворот и стал работать вместе с Пэдди. Лори жил в бунгало, где Розалин было сподручно ухаживать за ним и за своей матерью. Каждый день Лори благодарил ее за поддержку, но не мог дать ей то, чего она ждала от него. Он не любил ее. Но она была нужна ему, чтобы выжить. В конце концов Розалин все поняла и смирилась, не получив Лори в свое полное владение. Он не сделал ее Розалин Килсани.

Потом умер Пэдди. Арти жил один в доме у ворот, и Розалин стала уделять ему много внимания, скорее, отвечать на то внимание, которым он оделял ее с детских лет. Розалин поменяла свою фамилию на Килсани, хотя они никогда не вспоминали о своих титулах, да и Лори никуда не делся из ее жизни, ведь он не мог без нее обойтись. Как бы там ни было, Розалин не любила ездить в город, тем более слушать местные сплетни от людей, которые понятия не имели о том, о чем говорили. Из дома она выбиралась только на службу в церковь и на рынок, где продавала выращенные своими руками овощи. За покупками же отправлялась подальше от дома, где никто не задавал ей вопросов.

Это случилось семнадцать лет назад, и все шло неплохо, конечно, не идеально, но все-таки терпимо, пока Джордж Гудвин, до конца остававшийся героем, не решил защитить Килсани от банка и не разрушил более или менее устоявшуюся жизнь Розалин. А потом явилась противная и невероятно похожая на отца девчонка, которая должна была быть ее дочерью, и вовсе устроила бог знает что. Как-нибудь Розалин справилась

бы с ней, если бы Дженнифер перестала задавать вопросы, если бы она оправилась от своих бед и смогла бы вместе с Тamarой вернуться к самостоятельной жизни в Дублине. Но вместо этого Дженнифер вновь стала сокрушаться о «погибшем» Лори и вести себя соответственно. У нее словно помутилось в голове, и она загоревала не о том человеке, о котором должна была горевать. Единственным желанием Розалин стало помочь Дженнифер как-то разобраться со своим финансовым положением и побыстрее уехать, но из этого ничего не вышло.

Розалин не могла смириться с возможной потерей. Она любила Лори больше кого бы то ни было в своей жизни, однако ложь, которую он заставил ее принять, принесла слишком много бед и многим людям. В конце концов Розалин это поняла. К тому же она устала. Устала сражаться за свой брак с прекрасным душой и телом Артуром, который всегда был против решения Лори и согласия Розалин поддерживать его в этом. Ее необыкновенно добрый, терпимый муж каждый день рвал себе сердце, вынужденный лгать Дженнифер и Тамаре, а ведь он этого не заслужил. Розалин устала хранить тайну, устала бегать туда-сюда, устала от того, что не могла прямо посмотреть в глаза местным жителям из боязни, как бы не узнали, что она совершила, ведь они постоянно гадали о том, кто поддерживает огонь в бунгало и мастерской, дым от которого был виден и днем и ночью. Ей хотелось, чтобы все закончилось. Ей хотелось, чтобы исчезло бунгало, которое всегда было ей тюрьмой и которое стало тюрьмой для Лори и ее матери. Ей хотелось всех освободить. Но прежде чем зажечь спичку, она убедилась в безопасности матери.

Почему, Розалин, почему? Ей снова и снова задавали этот вопрос, пока она стояла перед горевшим домом. Почему? Все еще не понимая, люди спрашивали и спрашивали. Попробовали бы они сами пройти через все то, через что прошла она, не произнеся ни слова упрека, ни слова жалобы. Вот вам и почему. Вот вам и причина. И маленькой девочкой, и взрослой женщиной Розалин слишком сильно любила Лори.

Глава двадцать шестая

Что мы узнали сегодня

7 августа, пятница Я слышала, как мама и Лори проговорили до самого рассвета. Не знаю, о чем они говорили, однако их голоса понравились мне гораздо больше, чем, скажем, пару недель назад. Сестра Игнатиус помогла им преодолеть многие трудности. Это было все равно что пережить нечто очень плохое или страшное, а потом, пережив это, почувствовать облегчение, даже забыть, какой ужас остался позади и какими несчастными они были, и захотеть опять пройти через все прошлые испытания или хотя бы вспомнить то хорошее, что было в них, и сказать себе, мол, тяготы, оставшиеся позади, помогли мне выявить лучшую часть моей души.

В каждой семье свои проблемы. Не бывает ничего идеального. И наверняка никогда не было. Хотя слон исчез из комнаты. Он свободен и, ничего не слыша и не видя, бежит по дороге, пока мы все пытаемся его приручить. Похоже на то, как картежник тасует колоду — он путает карты, творит с ними, что ему угодно, но постепенно колода сама собой устанавливает изначальный порядок. Именно это случилось с нами. Давным-давно нас перетасовали, и был нарушен порядок вещей. Теперь мы наводим порядок и стараемся быть разумными.

Не думаю, что мама или я когда-нибудь простим Лори, Розалин и Артура за то, что они хранили от нас такую тайну, и за то, что так долго лгали нам. Все, что мы можем сделать, — это постараться понять Лори, который хотел для нас лучшего, и не важно, как он ошибался. Он говорит, что принял свое решение из любви к нам, что хотел обеспечить нам лучшую жизнь. Это непростительно. И нам недостаточно слышать, как повлияла на него Розалин, как она изменила его представление о маме, как Розалин напичкала его и маму таким количеством лжи, что они уже сами перестали что-нибудь соображать. Это непростительно, но мы должны постараться и понять. Может быть, когда я все пойму правильно, мне удастся его простить. Может быть, когда я пойму, почему мама и папа лгали мне о моем настоящем отце, я сумею простить их. Думаю, пока до этого далеко. Пока я лишь могу поблагодарить Лори за то, что он дал мне такого замечательного отца. Джордж Гудвин был хорошим человеком, удивительным отцом, и он заботился о нас, несмотря ни на что, до самой своей смерти. Он сражался со своим отцом, пока тот был жив, за земли

Килсани. Он понимал, что это единственное наследство моего биологического отца, если бы жизнь пошла своим чередом и он не погиб в огне. Кстати, это был и мамин дом. Здесь она выросла, здесь сложились ее воспоминания, и когда банки предъявили ему свои претензии, он защитил нас. Правда, я бы предпочла сохранить папу, а не Килсани, но теперь я хотя бы знаю, как сильно он любил нас и что пытался сделать. Оба моих папы от многого отказались ради нас. Могу только сказать им спасибо. Наверное, мне повезло, что меня так сильно любили эти два человека. Не исключено, многие сочтут это совершенно непостижимым, однако такова моя жизнь и такой я научилась ее ценить.

Каждый день Артур навещает Розалин в больнице. Ей, как никакой другой женщине на свете, повезло с мужем, а она никогда этого не понимала. Теперь поняла, когда все остальные отвернулись от нее. Один Артур не отвернулся, узнав о том, что она натворила, и изо всех сил старается вернуть к жизни женщину, которую любит. Для меня его верность непостижима, но я ведь еще никого не любила. Похоже, любовь творит с людьми самые невероятные вещи. Артуру очень хочется, чтобы Розалин выздоровела, однако, между нами, не думаю, что она когда-нибудь выйдет из больницы. Что бы ни случилось с Розалин, это уходит корнями в далекую прошлую жизнь и прорастает в будущую жизнь, что бы их обоих там ни ждало.

Артур и Лоренс вновь воссоединились. Вряд ли Артур когда-нибудь простит Лоренса за то, что тот сделал, за то, что взял с него обещание хранить придуманную им ложь. Тем не менее мне кажется, он простит его гораздо быстрее, чем простит себя. Каждый день он мучил себя тем, что ничего не предпринял, не остановил заговорщиков, не помешал лжи разрастаться, глядя, как я взрослею и не знаю, что мой отец живет через дорогу, глядя на тоскующую маму, хотя до ее любимого Лори было рукой подать. Он говорит, что его останавливало много вещей, но самым главным было то, что Джордж безмерно любил маму и был очень хорошим отцом для меня. Полагаю, легче найти выход, когда знаешь все слагаемые происходящего. Когда же застреваешь посередине и вокруг множество тупиков, которые никуда не ведут, очень трудно все расставить по полочкам. Мне это известно.

Что со мной? Что ж, мне немного не по себе, но, как ни странно, я чувствую, что стала сильнее. С Зои и Лаурой я распрощалась окончательно после того, как они попросили у меня фотографию, на которой у меня обгоревшая рука, для своих страничек в «Моем мире». Однако я вскоре собираюсь пригласить к себе Фиону, ту самую девочку, которая на

похоронах папы подарила мне книжку. Пусть только немного уляжется волнение.

Вот такая история. И это конец истории. Как я уже сказала вначале, не думаю, чтобы мне многие поверили, тем не менее всё, каждое слово, написанное мной, правда. Во всех семьях свои секреты, о которых не говорят, однако есть такие места, где можно найти ответы на все вопросы, где можно посидеть и подумать. Например, об имени, которое никогда не произносили или произнесли случайно и больше никогда не упоминали. У всех нас есть свои секреты. Как бы там ни было, наши секреты вылезли наружу или, во всяком случае, начали вылезать. И еще у меня постоянно возникает вопрос: сумела бы я узнать так много о себе и своей жизни, если бы не дневник? Иногда мне кажется, что рано или поздно я все равно обо всем узнала бы, но гораздо чаще мне приходит в голову, что правда была целью дневника, ведь у него наверняка была цель. И он привел меня к ней. Он помог мне узнать секреты, и еще он помог мне стать лучше. Наверное, это прозвучит глупо, не знаю, и все же это он помог мне понять, что всегда есть «завтра». Прежде меня интересовали исключительно «сейчас» и «сегодня». Все, что я говорила и делала, было ради немедленного достижения сиюминутных желаний. Ни разу мне не пришло в голову подумать, как поведут себя другие костяшки домино. Дневник помог мне понять, что все в этом мире связано и одно вытекает из другого. Как мне разделить события своей жизни и жизни других людей? Я все время думаю о том, как нашла дневник в передвижной библиотеке Маркуса, словно дневник ждал меня у него именно в тот день. Полагаю, многие бывают в книжных магазинах, заранее не предполагая, какие книги собираются купить. А книги стоят на полках и чудесным образом поджидают своих будущих хозяев. У каждого человека своя книга. Словно книги загодя знают, в чью жизнь им предстоит войти, как им угадать своего человека, как преподать ему урок, как заставить его улыбнуться, причем как раз тогда, когда это необходимо. Теперь я по-другому отношусь к книгам, чем когда-то.

В младшей школе учительница обычно повторяла, чтобы мы в конце дня писали несколько строчек в тетрадке с надписью «Что я сегодня узнала». Правда, если учесть мои сегодняшние обстоятельства, ради экономии места я бы предпочла написать «чего я сегодня не узнала». В самом деле, чего я не узнала? Да все узнала. Абсолютно все. Я узнала очень много, я повзрослела, и этому не будет конца.

Я думала, что случившееся со мной — мои настойчивые попытки узнать, кто я такая, — были нужны, чтобы заставить глупую девочку

понимать себя. После пожара, как мне показалось, дневник должен был снова стать обычной записной книжкой, которую я верну в передвижную библиотеку и поставлю на полку с нехудожественной литературой, и пусть кто-нибудь другой поучится у него жизни. Но я не могу этого сделать. Не могу отпустить его. Он продолжает рассказывать мне о завтрашнем дне, и я продолжаю жить по его подсказке, стараюсь завтра стать лучше, чем сегодня.

Закрыв дневник, я ушла из замка и направилась в сад, где договорилась встретиться с Уэсли, кстати, возле той самой яблони с вырезанной надписью.

— Ох-хо-хо, — произнес Уэсли, заметив у меня под мышкой дневник. — Что теперь?

— Ничего такого, — ответила я, усаживаясь на одеяло рядом с Уэсли.

— Не верю. Что это у тебя?

— Это о тебе и обо мне, — рассмеялась я.

— И что о нас?

Я наморщила лоб, словно намекая на нечто неприличное.

— О нет! — воскликнул он, по-актерски воздев руки к небу. — Значит, мало спасти тебя из горящего дома, я еще должен и поцеловать тебя?

Я пожала плечами:

— Как хочешь.

— Где же это должно случиться? Здесь? Я кивнула.

— Ладно. Итак, — произнес Уэсли и посмотрел на меня с самым серьезным видом.

— Итак, — отозвалась я и кашлянула, готовясь к поцелую.

— Там сказано, что я поцелую тебя или ты поцелуешь меня?

— Насколько я поняла, ты поцелуешь меня.

— Отлично.

Уэсли немного помолчал, потом потянулся ко мне и нежно поцеловал меня в губы. Это был самый замечательный, самый сладкий поцелуй, какой мне только пришлось пережить, но Уэсли вдруг открыл глаза и отпрянул от меня.

— Ты только что сама это придумала, правда? — спросил он, округлив глаза.

— О чем ты? — рассмеялась я.

— Тамара Гудвин, вы только что сами это придумали! — усмехнулся Уэсли. — Давай сюда дневник.

Он вырвал у меня книгу и сделал вид, будто собирается стукнуть меня ею по голове.

— Нам, Уэсли, надо планировать наши завтра.

С этими словами я повалилась на одеяло и поглядела снизу вверх на дерево, которое много чего видело.

Уэсли наклонился надо мной, и наши лица сблизились настолько, что мы едва не соприкасались носами.

— А что там сказано на самом деле? — едва слышно спросил он.

— Что я думаю, будто все будет хорошо. И я опять напишу завтра.

— Ты всегда так говоришь.

— И всегда так делаю.

— Ты готова? — спросил он, вглядываясь в меня.

— Думаю, да, — прошептала я.

— Хорошо. — Он сел и потянул меня за собой. — Я кое-что принес.

Откуда-то из-за спины он вытащил чистый прозрачный пакет, и я опустила в него дневник. Поначалу мне не очень хотелось это делать, но потом, когда дневник оказался внутри пакета, я поняла, что решение было правильным.

Уэсли закрыл пакет и подал его мне.

— Ты должна сама это сделать.

Я посмотрела на яблоню, на вырезанные на ней имена моей мамы, Лори, Артура и Розалин, и еще десятков людей, которые под этим деревом мечтали о прекрасном завтра, после чего опустилась на колени и положила дневник в выкопанную Уэсли ямку, и мы вместе с Уэсли засыпали дневник землей.

Я не лгала, когда говорила, что не могу «отпустить» дневник от себя. Действительно не могу. Пока не могу. Может быть, если я когда-нибудь вновь попаду в беду, то выкопаю его и посмотрю, что он скажет мне. А пока мне пора самой позаботиться о себе.

Спасибо, что прочитали мою историю. Завтра я напишу еще что-нибудь.

1

Набор сладостей разной формы и разных цветов. (Здесь и далее прим. перев.)

Марчезе Эмилио Пуччи (1914–1992), флорентийский дизайнер одежды и основатель дома моды «Эмилио Пуччи», предпочитал узоры из текущих, обведенных контуром цветных полос, складывающихся в абстрактные рисунки. Он ввел в мир моды самые яркие рисунки и превратил спортивную одежду в элегантный костюм, покорила Америку и научил женщин отдыхать в такой одежде.

Фильм режиссера Йим Пиль-Сунга в стиле черного фэнтези (2007).

Стронгбоу — прозвище Ричарда Фиц-Гилберта де Клера (1130–1176) — англо-нормандского аристократа, представителя младшей ветви дома де Клер, предводителя нормандского вторжения в Ирландию, 2-го графа Пемброка, титулярного графа Бекингема, лорда Ленстера, юстициара Ирландии.

На протяжении многих веков наиболее священным местом в Ирландии и главной резиденцией верховных королей острова была Тара в графстве Мет, древнее поселение, датируемое примерно 2000 г. до н. э.

Великий голод в Ирландии (известен также как Ирландский картофельный голод, 1845–1849 гг.) был вызван деструктивной экономической политикой Великобритании и спровоцирован эпидемией картофельного грибка.

В первом издании (1964) классического детского романа Роалда Дала «Чарли и шоколадная фабрика» неутомимые и преданные умпа-лумпы были черными, а не оранжевыми. Дал описал их как племя из 3000 пигмеев, вывезенных мистером Вонкой из «самого непроходимого и самого темного уголка африканских джунглей, куда не ступала нога белого человека», чтобы заменить уволенных с фабрики белых работников. Умпа-лумпы питались исключительно шоколадом, хотя до этого ели только «жуков, гусениц, листья эвкалипта и кору дерева бонг-бонг».

Французский маникюр появился около тридцати лет назад в Голливуде, а не во Франции, как принято считать. Этот вид маникюра очень быстро стал популярным во всем мире. Французский маникюр, изысканно простой и естественный, подходит к любым рукам и к любому образу. Классический вариант французского маникюра выглядит неброско.

Рекламная фигура на коробках с замороженной рыбой.

Вероятно, имеется в виду представление Майкла Флэтли, или Кельтского Тигра, которое совмещает в себе ирландские танцы с балетом, фламенко, хип-хопом и сальсой наряду с игрой Майкла Флэтли на флейте и являет собой танцевальную интерпретацию истории Ирландии — предмета, очень близкого сердцу Флэтли.

Модные австралийские сапожки и шлепанцы из овчины.

Буки Чубакка из «Звездных войн» — огромный, покрытый шерстью, невероятно сильный и преданный друзьям воин.

В Британии, а затем и в других странах огромной популярностью пользовался стиль Лоры Эшли (1925–1985). В 1953 г. уроженка Уэльса основала фирму по производству текстильных товаров — одежды и изделий для дома из хлопка с набивными рисунками.

В католической традиции святая Бригитта считается покровительницей Ирландии.

Сашими — нарезанное филе рыбы без примеси риса или других ингредиентов, кроме соуса или приправ (японская кухня).

Зак Эфрон (р. 18 октября 1987 г.) — американский актер и певец. Снимается в фильмах с 2002 г.

Особое платье для чаепития в пять часов.

Точнее по тексту: обсессивно-компульсивное расстройство (от англ.: obsessive-compulsive disorder; OCD). Синоним: невроз навязчивых состояний.

Мостовая гигантов (Giants Causeway) расположена на побережье Северной Ирландии и представляет собой множество соединенных базальтовых колонн, преимущественно шестигранной формы (встречаются также колонны, имеющие от 4 до 8 граней).

Сувлаки — небольшие шашлыки на деревянных шпажках.

Джими Хендрикс (1942–1970) — выдающийся американский гитарист, певец и композитор. Широко признан как один из наиболее смелых и изобретательных виртуозов в истории рока.

Два филъма 1932 и 1983 гг.

Британская рок-группа.

Основанная в 1964 г., сегодня империя Topshop (Топшоп) насчитывает около 300 магазинов в Великобритании и более 60 по всему миру.

Твиттер (Twitter) — интернет-сайт, представляющий собой систему микроблогов, позволяющий пользователям отправлять короткие текстовые заметки (до 140 символов), используя веб-интерфейс, SMS-службы мгновенных сообщений или сторонние программы-клиенты.

Бенши — ведьма, жившая в ирландских лесах. Имеет два обличья — человеческое и демоническое. В обличье бенши может издавать крик, обладающий огромной разрушительной силой.

Возможно, имеется в виду фильм «Джеронимо, американская легенда» (1993) о шагах американского правительства по покорению коренного населения. Не рекомендован для просмотра детям и подросткам моложе 16 лет.

Примерно девяносто фунтов, или около сорока килограммов.

Персонаж венесуэльского одноименного сериала (1998 г.).

Точная цитата из «Алисы в Стране чудес» (Off with her head) Л. Кэрролла.

«Возвращение в страну Оз» — кинофильм, снятый в 1985 г. по мотивам книг Фрэнка Баума и номинированный в 1986 г. на премию Американской киноакадемии за лучшие визуальные эффекты.

Известная песня группы ABC называется 4 ever 2 gether. («Навсегда вдвоем»). Группа образована в 1980 г. в Великобритании. Лидер группы Мартин Фрай умело формировал имидж ABC как изысканной поп/глемгруппы.

Персонаж «Звездных войн».

«Большой брат» — Зд.: всемирно известное реалити шоу. 16 добровольцев заселяются в большой дом, за которым наблюдает Большой брат.

Фильм («Загадочная история Бенджамина Батона», 2008) по одноименному рассказу Ф.С.Фицджеральда о мужчине, который родился в возрасте 80 лет, а затем начал молодеть. Этот человек, как и каждый из нас, не мог остановить время.

Дублинский замок — главный правительственный комплекс зданий в Дублине. До 1922 г. главный форпост Британии в Ирландии. Замок существовал уже в XIII в. при короле Иоанне Безземельном, первом лорде Ирландии, но большинство строений датируются XVIII в.

Брюс Спрингстин (р. 23 сентября 1949 г.) — американский рок— и фолк-музыкант и автор песен, в частности песни «Тайный сад» (из сборника «Лучшие хиты», 1995 г.).

Мексиканская волна — явление, когда зрители сектор за сектором последовательно встают и садятся. Термин «Мексиканская волна» впервые появился во время чемпионата мира по футболу в Мексике в 1986 г.

Кристофер Эштон Катчер (р. 7 февраля 1978 г.) — американский актер.

Vicks — линия лекарств от кашля американской компании Procter&Gamble.

«Уолтоны» (Waltons, 1972–1983) — американский телесериал, основанный на книге Эрла Хамнера, которая была издана в 1963 г. Потом были продолжения телесериала в 1980–1990-х гг.

Эния (род. в 1961 г.) — ирландская певица, автор музыки к фильмам.

Символ французской компании, производящей шины, которую основали братья Мишлен.

Остров в Карибском море.

«Nessun dorma» — ария из последнего акта оперы «Турандот» Джакомо Пуччини, одна из самых известных арий тенорового репертуара. «Nessun dorma» в переводе с итальянского означает «Пусть никто не спит».

Лучано Паваротти (1935–2007) — итальянский певец (тенор).

Пол Дэвид Хьюсон, более известный как Боно (р. в 1960 г.), — ирландский рок-музыкант.

Популярный британский дуэт.

Американский сериал, снятый по мотивам знаменитых романов Эрла Стентона Гарднера.

Фиффес (Fyffes) — ирландская компания, поставщик тропических фруктов.

Началом деятельности компании «Таппервэр» стал 1944 год. В то время Эрл Таппер, химик и первопроходец в области использования полиэтилена для производства посуды, основал Tupper Plastics Company.

«Скуби-Ду» (Scooby-Doo) — мультипликационный сериал, ставший одним из самых популярных в XX в., о Скуби-Ду, его столь же трусливом напарнике Шэгги и о самых невероятных и ужасных чудовищах.

«Ханна Монтана» (2006) — художественный фильм Питера Челсома, снятый по мотивам одноименного телесериала для подростков о четырнадцатилетней американской девочке Майли Стюарт, ведущей двойную жизнь. Днем она обычная американская школьница Майли, а вечером преобразается в Ханну Монтану, знаменитую поп-звезду, кумира всех своих сверстников.

«Guns 'n' Roses» («Ганз энд Роуез» — pistols и розы) — американская рок-группа, получившая широкую известность в конце 1980-х и начале 1990-х гг.

Задача игры (Gun Smoke) — очистить небольшой город Хиксвилль от банды преступников.

«Боди Шоп» — фирма, основанная в 1976 г. и специализирующаяся на выпуске косметики и парфюмерии на натуральной растительной основе.

«Великолепная пятерка» — одна из книг Энид Блайтон.

Нэнси Дрю — здесь: серия игр о девушке-сыщице, придуманной писательницей Кэролайн Кин. Основной сюжет заостряется на сборе улик, диалогах с подозреваемыми, головоломках.

Выговором.

Луи Вюиттон — французский дизайнер чемоданов, поставщик королевы Евгении, основатель модного дома. Основатель компании «Джина» Мехмет Курбаш назвал свое детище в честь Джины Лоллобриджиды, которая вдохновила мастера на создание настоящих шедевров обувного haute couture, и с 1954 г. посвященные модники всего мира приезжали в Лондон за новой парой.

Подвижная абстрактная скульптура, обычно из жести и проволоки (как правило, подвесная).

Эффективный антисептик, применяющийся при небольших травмах и раздражениях кожи.